

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Н.А. Илюхина

Лексическая метонимия в лингвокогнитивном осмыслении

Монография

Самара
2023

УДК 43
ББК 81.2 Р
И497

Рецензенты:

Савенкова Людмила Борисовна, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка Южного федерального университета;
Григорьева Татьяна Владимировна, доктор филологических наук,
профессор кафедры современного русского языкознания
Уфимского университета науки и технологий

Илюхина, Н. А.

И497 **Лексическая метонимия в лингвокогнитивном осмыслении** :
монография / Н. А. Илюхина. – Самара : ООО «САМАРАМА», 2023. – 172 с.
ISBN 978-5-6050869-9-4

В монографии представлен опыт теоретической интерпретации и типологии лексической метонимии на основе лингвокогнитивных принципов. Этот опыт основан на последовательном учете комплекса когнитивных факторов в порождении метонимических высказываний: роли отношений смежности в *восприятии* действительности, роли *партитивных отношений* в осмыслении и концептуализации знания о реалиях (как *элементах единого целого*), роли *сдвига фокуса внимания* в рамках единого целого как акта, инициирующего метонимический перенос, роли *структуры концепта* (фрейма, пропозиции, сценария, гештальта), *предопределяющей векторы* переноса. Соответственно, основными типами метонимии существительных, глаголов и прилагательных в предлагаемой типологии признаются фреймовый, пропозициональный и сценарный, в том числе в их гештальтной разновидности. Прослеживается отражение когнитивного механизма метонимии в разных денотативно-дискурсивных условиях с точки зрения функций и порождаемых эффектов.

Издание предназначено для лингвистов, а также аспирантов и студентов, обучающихся по направлениям «Филология» и «Лингвистика».

УДК 43
ББК 81.2 Р

ISBN 978-5-6050869-9-4

© Илюхина Н. А., 2023
© Самарский университет, 2023
© Центр периодических изданий
Самарского университета,
оформление, 2023
© ООО «САМАРАМА», 2023

Оглавление

Введение	5
Глава 1. О типологизации лексической метонимии	9
1.1. Из истории систематизации метонимических переносов	9
1.2. Об опытах типологизации лексической метонимии	18
1.3. О когнитивном подходе к интерпретации лексической метонимии	24
1.3.1. Метонимия в связи с понятием сдвиг фокуса внимания	25
1.3.2. О роли акта восприятия как когнитивной предпосылки метонимии	31
1.3.3. Роль отношений целого и части в порождении лексической метонимии	34
1.3.4. О связи метонимических переносов с типом концепта	36
Глава 2. Метонимия в сфере существительных и глаголов	39
2.1. Фреймовая метонимия	40
2.1.1. Перенос названия с целого на часть	42
2.1.2. Перенос названия с части на целое	45
2.1.3. Взаимонаправленные переносы названия	46
2.2. Пропозициональная метонимия	54
2.2.1. Пропозициональная метонимия существительных	54
2.2.2. Пропозициональная метонимия глаголов	64
2.3. Сценарная метонимия	66
2.4. Гештальтная метонимия	73
2.4.1. Гештальтная разновидность в составе фреймовой метонимии	74
2.4.2. Гештальтная разновидность в составе пропозициональной метонимии	79
2.4.3. Гештальтная разновидность в составе сценарной метонимии	82

Глава 3. Метонимический перенос определений	85
3.1. Фреймовая логика переноса определения	89
3.2. Пропозициональная логика переноса определения	96
3.2.1. Перенос определения с ситуации на ее компонент	97
3.2.2. Перенос определения с компонента на ситуацию в целом	97
3.2.3. Перенос определения с одного компонента ситуации на другой	99
3.3. Сценарная логика переноса определения	106
3.4. Гештальтная разновидность переноса определения	108
Глава 4. Метонимия в разных денотативных и дискурсивных сферах	113
4.1. Метонимия в разговорном дискурсе	115
4.2. Метонимия в денотативно-коммуникативной сфере лечения	121
4.3. Метонимия в сфере фразеологии	130
4.4. Метонимия в пословицах	135
4.5. Метонимия как текстовый прием	143
4.5.1. Метонимия в рекламном дискурсе	144
4.5.2. Метонимия в художественном дискурсе	149
4.6. Речевые аномалии как следствие действия метонимического механизма	153
Заключение	163
Библиографический список	165

Введение

Предметом рассмотрения в монографии является лексическая метонимия, неизменно на протяжении веков привлекавшая к себе внимание ученых – об истории изучения см., в частности, работы А.К. Бириха, М.В. Бондаренко, З.Р. Загировой, А.Л. Новикова, Л.Б. Савенковой, М.В. Сандаковой.

К настоящему времени сложилась традиция осмысления этого явления в нескольких направлениях, основными среди которых можно назвать изучение метонимии:

- как механизма номинации (работы Л.П. Ефремова, И.Ф. Протченко, В.Н. Телия и др.);

- как стилистического и жанрообразующего средства (работы Б.В. Томашевского, И.Р. Гальперина, Е.А. Некрасовой, А.А. Гайнутдиновой и др.);

- как механизма развития многозначности (работы Ю.Д. Апресяна, В.Г. Гака, А.К.Бириха, Е.Л. Гинзбурга, Д.Н. Шмелева и др.);

- как механизма категоризации знания (работы Е.С. Кубряковой, Е.В. Падучевой, Н.Н. Болдырева, Е.В. Урысон, Н.А. Илюхиной);

- как онтолингвистического феномена (работы Н.А. Чернявской, Е.А. Аввакумовой, М.Б. Елисеевой).

В своем языковом и речевом проявлении метонимия обращает на себя внимание прежде всего тремя сторонами:

- переносом названия с одной реалии на другую на основании отношений смежности между ними (на фоне метафоры, базирующейся на отношениях сходства между двумя реалиями);

- изменением значения перенесенного слова – появлением у него вторичного, метонимически производного значения или оттенка значения, иначе говоря, семемным или семным варьированием;

- функцией метонимического обозначения реалии в речи.

Продолжительное время изучение метонимии было связано с ее осмыслением в этих аспектах. Вместе с тем – при внешней очевидности и даже простоте переноса на основании смежности двух реалий – глубинная суть и логика разновекторных переносов до сих пор остается предметом многообразных интерпретаций. Именно к этой стороне лексической метонимии обращена настоящая работа.

История изучения лексической метонимии восходит к античной науке (Аристотель, Цицерон, Квинтилиан); в отечественной

традиции к этому явлению, как известно, обращались М.В. Ломоносов, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня и другие ученые. Более поздние опыты ее описания и систематизации содержатся в работах Д.Н. Шмелева, Ю.Д. Апресяна, М.В. Бондаренко, А.И. Ольховской, А.Н. Еремина, Е.Л. Гинзбурга, О.Э. Королевой, О.О. Петровой, М.Я. Бич, А.А. Коротеева, Г.И. Кустовой, А.Л. Новикова, О.Е. Раевской, Н.Н. Сальниковой, М.В. Сандаковой и многих других.

В связи с тем что механизм метонимии как явления при узко понимаемом лингвистическом подходе казался очевидным и, в отличие от метафоры, не представлял трудностей в интерпретации, ее изучение в течение длительного времени сосредоточивалось, главным образом, на систематизации переносов.

Многие опыты описания метонимических переносов производят впечатление попыток инвентаризации богатейшего и многообразного эмпирического материала, нежели теоретической интерпретации этого явления, хотя первая задача и является необходимым условием для второй.

При этом систематизация переносов на первом этапе основывалась на учете соотношения смежных денотатов, именуемых одним словом, – первичного (исходного) и вторичного.

Наряду с целью систематизации типов переноса одни опыты классификации направлены на демонстрацию бесчисленного многообразия этих типов, другие – на поиски принципов обобщения этого многообразия и обеспечения его обозримости.

Обобщение материала происходило одновременно (и во взаимодействии) с семасиологическими изысканиями в сфере развития полисемии, ее механизма, с изучением регулярной многозначности, которая наиболее последовательно развивается именно в сфере лексической метонимии. Эту сторону регулярных переносов точно характеризует Л.А. Новиков: «Основа полисемии – это своеобразная «сетка» отношений, на которую как бы нанизываются лексико-семантические варианты, отражающие те или иные предметы (явления, признаки и так далее) действительности. Эта «сетка» удобна, потому что отношения единиц в ней – регулярные, повторяющиеся, и экономна, т.к. позволяет распространять знак (лексему) в качестве названия сходных, связанных по сети отношений предметов и явлений внеязыковой действительности» [60, с. 193].

О наличии своеобразных формул, предопределяющих состав вторичных значений слов, пишет, в частности, Н.Н. Сальникова: регулярная многозначность – «отработанные в сознании носителей языка и неоднократно фиксированные в семантических структурах слов фор-

мулы смысловых соотношений лексико-семантических вариантов, которые при наличии у слова некоторого первичного значения предполагают у него присутствие других лексико-семантических вариантов определенной семантики, регистрируемых в привычной норме его употребления» [76, с. 74].

Разработанность семасиологической стороны регулярной многозначности в области лексической метонимии привела к «оттачиванию» формулировок вторичных лексико-семантических вариантов слов различных тематических и лексико-семантических групп и тем самым в известной мере обеспечила **переход** в систематизации типов метонимического переноса **с учета типов денотатов к учету лексико-семантических вариантов** – исходного и метонимически производного значений слов.

В дальнейшей истории изучения и интерпретации метонимии постепенно усиливается тенденция к **обобщению** бесчисленного множества конкретных типов переноса слов разных частей речи и их **крупноплановой типологизации**.

В современной науке лексическая метонимия оказывается в фокусе полипарадигмального исследовательского внимания. Наряду с традиционными подходами, включающими лексикологический, семасиологический, функциональный, сопоставительный и другие аспекты ее осмысления, активно развивается лингвокогнитивное направление интерпретации лексической метонимии, в рамках которого она неизбежно обнаруживает выход за рамки лексики и, что самое важное, получает интерпретацию **когнитивного явления** – наряду с лексической формой вербализации демонстрирует ментальную природу.

Переход к когнитивному осмыслению метонимии выразился, на наш взгляд, в четырех важнейших сторонах:

– в обновленной интерпретации *отношений смежности* – как ключевого условия переноса названия: внимание при интерпретации сущности метонимического переноса смещается на вроде бы очевидный, но ранее специально не осмыслявшийся аспект – **восприятие сознанием денотатов как смежных** в том или ином отношении; акцентированием восприятия как познавательного акта современная наука обязана когнитивному подходу: этот акт отсылает к ментальной сфере жизнедеятельности человека;

– в возможности и целесообразности интерпретации смежных денотатов как элементов некоей целостности – **более крупной единицы**, единицы структурированного знания (Дж. Лакофф, Р.М. Фрумкина, Н.Н. Болдырев, Н.А. Илюхина); это представление, в свою очередь,

позволяет интерпретировать метонимию как процесс и результат *манипуляций единицами знания* о мире *в логике целого и его частей*;

– в обнаружении закономерностей, объясняющих логику разных типов метонимического переноса: векторы переноса предопределены структурными особенностями единицы структурированного знания – спецификой типа концепта (фрейма, пропозиции, сценария, гештальта), который организует хранение и воспроизведение знания о той или иной денотативной сфере;

– в объяснении причины переноса названия с одного денотата на другой, которая также имеет когнитивную природу и описывается понятием *сдвиг фокуса внимания* (L. Talmy, Е.В. Падучева и др.) между элементами, связанными партитивными отношениями (частей единого целого).

Когнитивный принцип интерпретации природы метонимии и принцип ее типологии, который заключается в опоре на связь векторов переноса названия со структурным типом концепта, организующего знание о соответствующем денотате (фреймом, пропозицией, сценарием, гештальтом), позволяет **объединить общим основанием** наиболее массово представленные в речи типы метонимии и их разновидности, охватывающие слова разных частей речи – существительные, прилагательные, глаголы и наречия.

Предлагаемый лингвокогнитивный принцип в его кратко изложенной версии обладает большой объяснительной силой в интерпретации как природы лексической метонимии в целом, так и магистральных векторов разнонаправленных метонимических переносов.

Более того, глубокий, когнитивный механизм метонимии и значительная роль этого механизма в речевой деятельности, отражаемая в системе языка, убедительно подтверждаются еще двумя аспектами осмысления метонимии в данной работе.

Обращение к разным языковым и текстовым единицам (лексическим и фразеологическим, к жанру пословиц, жанру рекламных слоганов и жанрам поэтических произведений) позволяет обнаружить последовательное отражение действия этого механизма в функционировании и порождении всех названных типов единиц.

Внимание к проявлениям метонимии в разных денотативных и коммуникативных условиях, в разных типах дискурса приводит к выводу о ее тотальном распространении, свидетельствующем в свою очередь также не о языковой, а о когнитивной природе лежащего в ее основе механизма, о гибкости проявлений этого механизма, обнаруживающего себя многообразными эффектами при порождении высказываний разной дискурсивной природы.

Глава 1.

О типологизации лексической метонимии

Предтечей и необходимым условием лингвокогнитивного осмысления метонимии, как уже отмечалось, был значительный период, связанный с опытами систематизированного описания фактов метонимического переноса, характеризующегося высокой частотностью в речи, обусловленного, в частности, действием закона экономии. Результаты, представленные в этих трудах, дают богатый материал для его теоретической интерпретации, в том числе с лингвокогнитивных позиций. Обратимся к наиболее важным этапам изучения лексической метонимии в отечественном языкознании, связанным с типологизацией переносов.

1.1. Из истории систематизации метонимических переносов

Кратко коснемся обзора **принципов** и результатов **систематизации лексической метонимии** в трудах отечественных лингвистов. В работах более раннего периода не ставится задачей систематизация проявлений метонимии, приводится перечень лишь ее наиболее продуктивных моделей, которые призваны убедительно представить это явление в его наиболее показательных разновидностях.

Рассмотрим в качестве примеров несколько известных классификаций.

Обратимся к перечню переносов А.А. Потебни, систематизированному Л.Б. Савенковой:

1. Представление человека (группы людей), предмета, вещества, пространства.

1.1. Свойство человека – человек: *цыганское наваждение* – вместо *цыгане*.

1.2. Человек – принадлежащий ему предмет: *сосед погорел* – вместо *дом соседа*.

1.3. Материал – предмет, сделанный из этого материала: *ясень* – вместо *ясеневое копье*.

1.4. Вместительность – вместимое: *город* – вместо *жители города*.

1.5. Действие – пространство, где происходит: *полдень* – вместо *страна света, где солнце в полдень*.

1.6. Время – пространство: до сих *пор* – вместо *до этого места*.

2. Представление действия, состояния.

2.1. Место действия – действие: при *Калке* один из них был схвачен в свалке (Пушкин).

2.2. Знак, символом – действие: *пожинать лавры* (с переходом к метафоре).

2.3. Наглядный момент действия или символическое действие – действие: *сесть на коня* – вместо *начать воевать*.

2.4. Причина – действие: *жалованье* (первоначально: деньги, выданные в силу *расположения* дающего к получающему).

2.5. Деятель – действие: *полк* – вместо *битва*.

2.6. Орудие действия – действие: *взять град копьём* – вместо *приступом*.

2.7. Время – событие: Два-три романа, в которых отразился *век* (Пушкин).

3. Представление свойства, признака человека свойством предметов и явлений, связанных с ним: *свободное время*, вместо *время, когда человек свободен*.

4. Представление времени.

4.1. Место – время: *даль жизни*.

4.2. Характерное явление или признак определенного времени – время: *жатва* – вместо *лето*.

5. Представление частного общим: *погода* – вместо *буря* [74, с. 17-19].

В широко признанном учебнике по введению в языкознание А.А. Реформатский, во многом следуя традиции, заложенной М.В. Ломоносовым, А.А. Потебней и другими, представил 12 типов лексических переносов, прежде всего широко распространенных среди имен существительных. Приведем этот перечень как весьма показательный и отличающийся от тех, которые приводят другие ученые, лишь некоторыми формулировками: одно в другом (*класс, аудитория*), одно на другом (*блюдо*), одно под другим (*стол, блюдо «пища», бумага «документ»*), одно после другого или в результате другого, процесс-результат (*перевод, прием студентов*), орудие – продукт, сделанный при помощи данного орудия (*язык*), занятие, отрасль знания – объект знания или результат занятия (*фонетика, грамматика, механика*), материал – изделие (*медь, серебро, фарфор*), место – изделие (*абрау-дюрсо, херес, мадера* («алкогольный напиток»), *панамы «шляпа»*), место – историческое событие, происшедшее в данном месте (*Бородино*), имя производителя – изделие (*кольчуга, маузер, браунинг, наган «оружие», батист «ткань»*) [73, с. 47].

Наряду с частотными типами переноса А.А. Реформатский приводит более редкие факты, свидетельствующие о разнонаправленности и неограниченности векторов переноса: одно через другое (франц. *jalousie* жалюзи «оконные шторы из деревянных пластинок» от *jalousie* «ревность») (того, кто подсматривал в окошко через створчатую штору), имя – общественное положение или характер: *Карл* (Великий) – *король*, *Цезарь* – *цесарь* (царь), *кесарь*.

В работах Д.Н. Шмелева дополнительно обозначены следующие типы переносов: посуда – ее содержимое (*тарелка*), место – те, кто там находится (*класс*), материал – изделие из него (*серебро*), растение – пищевой продукт (*морковь*), имя автора, изобретателя, открывателя – его произведение, открытие (*Чайковский*, *ампер*), мероприятие – его участники (*собрание*), действие – его результат или место (*варенье* – «процесс, действие от глагола»; и «то, что сварено», *покупка* – «действие» и «купленная вещь», *остановка* – «действие» и «место остановки транспорта»),

Отдельно, в качестве разновидности метонимии, Д.Н. Шмелев рассматривает синекдоху, выделяя в ней 4 группы:

а) часть тела – человек: *голова* – «очень умный человек»; *лоб* – «подросший ребенок», *рот* – «один человек как единица при распределении пищевых продуктов»;

б) дерево или растение – их плоды (*слива*, *вишня*, *груша*, *малина*);

г) растение – его цветок (*роза*, *георгин*, *пион*);

д) животное – его мех (*лиса*, *соболь*, *кролик*) [92, с. 210].

Аналогично, но более кратко применительно к существительным формулирует типы переносов Ю.А. Гвоздарев [19].

В учебном пособии Л.А. Новикова «Семантика русского языка» [50, с. 195–198] приводятся типы переносов в сфере имен существительных, имен прилагательных и глаголов. Так, в сфере существительных автор выделяет переносы:

- действие – результат действия (*вырезка*);
- действие – место действия (*проход*);
- действие – инструмент действия (*сцепление*);
- действие – средство действия (*переплет*),
- действие – субъект действия (*руководство*);
- свойство – тот, кто (то, что) имеет это свойство (*талант*, *трудность*);
- местилище – вместимое (*аудитория*);

- часть – целое (*клубника*);
- целое – часть (*начальство*);
- предмет (металлы, минералы, растения, животные и др.) – изделия, материал, продукт, еда и др. (*золото*);
- профессия, звание, степень, чин и др. – человек, носящий (имеющий) их (*физик*);
- танец – музыка к нему (*вальс*).

Обратим внимание на то, что в общем перечне типов метонимии Л.А. Новиков хотя и не объединяет в особый тип, но указывает рядом переносы с действия (как ядра обозначения ситуации) на связанные с ним компоненты: субъект, результат, средство, инструмент, место.

В отношении прилагательных Л.А. Новиков фиксирует несколько наиболее регулярных типов переносов:

- имеющий свойство – вызывающий свойство (*спокойный*: человек – работа);
- выражающий свойство, состояние – вызывающий их (*печальный*: вид – известие);
- являющийся таким – приводимый в действие им (*водяной*: капля – турбина);
- являющийся таким – предназначенный для него (*сидячий*: положение – место);
- выражающий определенное качество (свойство) – свойственный подобному человеку, выражающий указанные свойства (*грубый*: человек – манеры).

Следует обратить внимание на то, что в перечне разновидностей адъективной метонимии (как и последующей глагольной метонимии) ученый формулирует их на основе учета первичного и метонимически производного значений перенесенного слова. Этой традиции при описании адъективной метонимии (переносов определений) следуют и многие другие ученые.

В отношении глаголов Л.А. Новиков отмечает, что значительное число переносов во вторичном значении выражают результативно-следственные отношения [60, с. 197], среди них отмечает два типа:

- воздействовать физически на объект (или – обрабатывать определенным способом) – создавать нечто в результате этого в нем / из него (*копать* землю – котлован);
- обрабатывать определенным способом – ликвидировать этим способом (*лечить* больного – ревматизм).

Н.Д. Арутюнова в статье «Метонимия», помещенной в ЛЭС [6, с. 300], выделяет ряд переносов для имен существительных, в большинстве случаев представляя группы фактов укрупненно:

1) с вместиллица на содержимое или объем содержимого (*блюдо* «большая тарелка» и «еда», *стакан* «сосуд для питья» и «мера жидких и сыпучих масс»);

2) с материала на изделия из него (*медь* «металл» и «медные деньги»);

3) с места, населенного пункта на совокупность его жителей или связанное с ними событие (вся *деревня* над ним смеялась, *Бородино* «битва на Бородинском поле», *дорога* «проложенный для движения путь», «поездка», «время поездки», «жители»);

4) с действия на его результат, место или вовлеченный в действие предмет (субъект, объект, орудие) (*остановка* «определенное действие», «место остановки транспорта», «расстояние между остановками», *свисток* «акт свиста» и «приспособление для свиста»);

5) с формы выражения содержания или его материального воплощения на само содержание (толстая *книга* и интересная *книга*);

6) с отрасли знания, науки на предмет науки и наоборот (*грамматика* «строй языка» и «изучающий его раздел языкознания»);

7) с социального события, мероприятия на его участников (*конференция*);

8) с социальной организации, учреждения на совокупность его сотрудников и помещение (*фабрика* бастовала, была отремонтирована);

9) с целого на часть и наоборот (*груша* «дерево» и «плод»); «перенос наименования с части на целое, являющийся частным случаем метонимии, называется синекдохой» (с. 300)

10) с эмоционального состояния на его причину (*ужас* «страх» и «ужасное событие»);

11) имя автора может использоваться для обозначения его произведений или созданной ими модели, стиля (читать *Толстого*, *Булль* «имя мастера» и «мебель с определенным типом декора»).

Отметим, что в дополнение к обычно приводимым Н.Д. Арутюнова в данном случае выделяет частные переносы с формы выражения содержания или его материального воплощения на само содержание (толстая *книга* и интересная *книга*) и с эмоционального состояния на его причину (*ужас* «страх» и «ужасное событие»).

В отношении прилагательных и глаголов Н.Д. Арутюнова (как и Л.А. Новиков – см. выше) отмечает общую для них особен-

ность – смежность не признаков или действий, а «характеризуемых ими предметов», иллюстрируя свою оценку лишь некоторыми примерами: «К метонимии принято относить также сдвиги в употреблении признаков слов (прилагательных и глаголов), основанные на разных видах смежности характеризуемых ими предметов (вторичная метонимизация значения), ср.: «*выутюженный костюм*» и «*выутюженный молодой человек*», «*завязать шнурки*» и «*завязать ботинки*», ср. также постепенное расширение сочетаемости признаков слов, вызванное семантической и логической близостью определяемых имен: «*дерзкое выражение глаз*», «*дерзкий взгляд*», «*дерзкие глаза*», «*дерзкий лорнет*»...» [6, с. 300–301].

Повторим, что при обзоре перечней метонимических переносов обращает на себя внимание разная степень детализированности-обобщенности и в обозначении типов реалий (первичной и вторичной), и типов первичного и метонимически производного значений слова. Так, обобщенному обозначению «вместилище – вместимое», или «вместилище – содержимое или объем содержимого» (Н.Д. Арутюнова), или «одно в другом» (А.А. Реформатский) в классификации Д.Н. Шмелева соответствуют два более частных типа: «посуда – содержимое» (*фарфоровая тарелка – тарелка супа*) и «место – те, кто там находится» (*просторный класс – класс внимательно слушает*). В классификации Ю.Д. Апресяна (см. ее описание далее) наряду с переносом «содержащее – содержимое» (*зал, чайник*) называются переносы «комната – мебель для комнаты» (*кухня, столовая*) и «сосуд – количество вещества, способное в нем поместиться» (*ведро, стакан*).

Переносу с целого на часть и наоборот в перечнях, приведенных в работах Н.Д. Арутюновой и Л.А. Новикова, в классификации Д.Н. Шмелева соответствуют переносы «часть тела – человек» (*голова «очень умный человек», лоб «подросший ребенок»*), «дерево или растение – их плоды» (*малина*), «растение – его цветок» (*роза, георгин, пион*), «животное – его мех» (*лиса, соболь, кролик*) [92, с. 240].

Следует подчеркнуть, что детализированное обозначение типов переноса (например, «растение – его цветок»), с одной стороны, производит впечатление излишней атомарности, а с другой, демонстрирует тотальность переноса с целого на часть: название растения может служить метонимическим обозначением клубней (*картофель, хрен*), листьев, коры (отвар *дуба*), ветвей (подбросить в костер *березу*), семян (замочить *свеклу*), т.е. любой части растения.

На следующем этапе в лингвистической литературе появляются опыты классификации метонимии, направленные на **объединение частных типов переноса в более крупные блоки**. Это позволяет не только сделать общую картину переносов более обозримой, увидеть некоторые важные закономерности переносов, но и впоследствии создать условия для теоретической интерпретации этого явления.

Представим несколько таких опытов, которые можно расценивать как разные срезы в истории классификации метонимических переносов.

Широко признанной является классификация метонимии Ю.Д. Апресяна, изложенная в работе «О регулярной многозначности» [5]. Ее особенностью является, с одной стороны, учет гораздо более многочисленных частных разновидностей переноса, а с другой – **укрупнение классификации**, по крайней мере, применительно к одному блоку переносов в сфере субстантивной лексики.

Так, в отдельный блок автор выделяет **актантную метонимию**, которая включает переносы, демонстрируемые субстантивными названиями действий, состояний или отношений. Приведем этот фрагмент детализированной классификации [5].

1. «Действие» – «субъект действия»: нести *вахту* – *вахта* эсминца, замена старых кадров – подыскать себе *замену*;

2. «Состояние» – «причина состояния»: *развлечение* гостей – массовые *развлечения*;

3. «Свойство» – «субъект свойства»: *авторитет* ученых – мнение лучших *авторитетов*;

4. «Действие» – «объект действия». Вместе со значением объекта действия часто синкретично выражается значение результата действия: *покупка* пианино – замечательная *покупка*;

5. «Действие» – «результат действия»: дать на *подпись* – *подпись* под документом;

6. «Действие» – «второй объект действия»: *вооружение* армии ракетами – новое *вооружение*;

7. «Действие» – «средство действия»: *замазка* окон – *замазка* для окон;

8. «Действие» – «инструмент действия»: *сигнализация* флажками – рука потянулась к *сигнализации*;

9. «Действие» – «способ действия»: *линовка* бумаги – косая *линовка*;

10. «Действие» – «место действия»: *зимовка* началась – дойти до старой *зимовки*;

11. «Действие» – «время действия»: *получка* денег – едва дотянул до *получки*;

12. «Действие» – «количество действия»: *налив бензина – бутылки неполного налива*».

Вместе с тем на фоне укрупненной подачи метонимии отглагольных существительных другие многочисленные типы субстантивных переносов представлены в традиционной форме перечисления, хотя в некоторых случаях и более детализированного:

- «растение» – «плод этого растения» (*абрикос, малина*);
- «растение» – «цветок растения» (*астра, пион*);
- «растение» – «пищевой продукт из него» (*горчица, хрен*);
- «дерево» – «его древесина» (*ель, кедр*);
- «животное» – «его мех» (*белка, песец*);
- «животное» – «его мясо» (*гусь, судак*);
- «материал» – «изделие из него» (*бронза, стекло*);
- «ткань» – «изделие из нее» (*бархат, шелк*);
- «часть тела» – «находящаяся на нем часть одежды» (*грудь, локоть*);
- «часть тела» – «ее выражение» (*глаза, лицо*);
- «орган тела» – «его заболевание» (*У нее почки, Здесь все с желудками*);
- «предмет» – «признак» и наоборот (*глупость*);
- «содержащее» – «содержимое» (*зал, чайник*);
- «комната» – «мебель для комнаты» (*кухня, столовая*);
- «сосуд» – «количество вещества, способное в нем поместиться» (*ведро, стакан*);
- «извозчик» – «экипаж извозчика» (*перевезти вещи на ломовике*);
- «музыкальный инструмент» – «музыкант, играющий на нем» (*виолончель, контрабас*);
- «событие» – «его (живописное) изображение» (*Благовещение, Положение во гроб*);
- «страна света» – «ветер с этой стороны» (*норд, ост*);
- «представительница народности» – «ее танец» (*венгерка, лезгинка*);
- «танец» – «музыка к нему» (*вальс, джига*);
- «представитель нации» – «ее судно» (*англичанин, шотландец*);
- «столица государства» – «его правительство» (*Бонн, Лондон*);
- «форма государственного правления» – «государство с такой формой правления» (*народная демократия – народные демократии*);
- «организация» – «занимаемое ею здание» (*консульство, прокуратура*);
- «звание» – «носящее его лицо» (*барон, полковник*);
- «голос» – «певец с таким голосом» (*альт, бас*);

- «предмет одежды» – «люди, которые его носят» (*маска, зеленые береты*);
- «деятельность» – «занимающиеся ею люди» (*руководство*);
- «должность» – «время пребывания в ней» (*директорство, президентство*);
- «цифра» – «предмет с таким числом составных частей» (*двойка, тройка*);
- «параметр» – «высокая степень свойства по этому параметру» (*воля, толщина*);
- «единица меры» – «измерительный инструмент» (*аршин, метр*);
- «явление» – «изучающая его наука» (*история, право*);
- «искусство» – «собрание произведений этого искусства» (*архитектура, графика*)).

Прокомментируем особенности приведенной классификации.

1. Во второй части классификационного перечня преобладают виды переносов, выделенные и другими авторами. Наряду с ними присутствуют новые: «часть тела» – «находящаяся на нем часть одежды»; «часть тела» – «ее выражение»; «орган тела» – «его заболевание»; «комната» – «мебель для комнаты»; «извозчик» – «экипаж извозчика»; «музыкальный инструмент» – «музыкант, играющий на нем»; «событие» – «его (живописное) изображение»; «страна света» – «ветер с этой стороны»; «представительница народности» – «ее танец»; «танец» – «музыка к нему»; «представитель нации» – «ее судно»; «столица государства» – «его правительство»; «форма государственного правления» – «государство с такой формой правления»; «звание» – «носящее его лицо»; «голос» – «певец с таким голосом»; «предмет одежды» – «люди, которые его носят»; «должность» – «время пребывания в ней»; «цифра» – «предмет с таким числом составных частей»; «параметр» – «высокая степень свойства по этому параметру»; «единица меры» – «измерительный инструмент»; «искусство» – «собрание произведений этого искусства».

2. При этом перечень видов переноса отличается достаточной детализацией в стремлении охватить большое число частных разновидностей и продемонстрировать их обилие и многообразие¹.

¹ В работах других исследователей находим перечень иных частных типов переноса, среди них, в частности: реальный человек – его сценический персонаж (*Ленин*); кино- или сценический персонаж – актер, исполняющий эту роль (*Ленин, Каренина*), человек – премия, учрежденная этим человеком или в честь этого человека (*Нобель, Сахаров*), место – расположенное в этом месте учреждение (*Танка*).

3. Если ставить целью обозримость картины и поиск общих логических оснований лексической метонимии, то целый ряд выделенных переносов допускает объединение и соответственно обобщение формулировок.

В частности, переносы «растение» – «плод этого растения» (*абрикос, малина*); «растение» – «цветок растения» (*астра, пион*); «дерево» – «его древесина» (*ель, кедр*); «животное» – «его мех» (*белка, песец*); «животное» – «его мясо» (*гусь, судак*) допускают объединение в крупный блок «целое» – «его часть».

В модель «вместимое» – «вместилище» могут быть включены переносы «содержащее» – «содержимое» (*зал, чайник*) и «комната» – «мебель для комнаты» (*кухня, столовая*).

В составе модели «материал» и «изделие из него», наряду с фактами *бронза, стекло*, может рассматриваться и перенос «ткань» – «изделие из нее» (*бархат, шелк*); в качестве разновидности модели «признак» – «носитель этого признака» могут расцениваться переносы

- «звание» – «носящее его лицо» (*барон, полковник*) и
- «голос» – «певец с таким голосом» (*альт, бас*), а также
- многочисленные иные частные разновидности (например, *гений, талант, ничтожество, посредственность*).

4. Излишне частным представляется вид переноса «событие» – «его (живописное) изображение» (*Благовещение, Положение во гроб*), т.к. к нему примыкают метонимические обозначения живописного портрета, а также фотографических, графических, скульптурных и иных изображений – все они могут быть объединены под названием «предмет, событие» – «его (живописное, фотографическое, графическое, скульптурное и иное) отображение».

1.2. Об опытах типологизации лексической метонимии

Другие опыты классификации лексической метонимии имеют целью принципиальное укрупнение общей картины в результате обобщения многочисленных частных разновидностей.

В связанных с этим вопросом работах, восходящих к труду Г. Пауля, метонимические типы переносов терминологически обозначаются как пространственная, временная, каузальная (причинно-следственная), атрибутивная метонимия (работы Д.Н. Шмелева, И.В. Арнольд, М.Г. Шкуропацкой, А.Н. Еремина, О.О. Петровой и ряда других). Так, Д.Н. Шмелев пишет, что метонимия основана на

реальных логических, временных, пространственных и других ассоциативных связях» [92, с. 238]. Ту же мысль подчеркивает М.Г. Шкуропацкая: основа метонимии – это пространственные, событийные, понятийные, логические отношения между лицами, предметами, действиями, процессами и явлениями [91, с. 70].

Вместе с тем следует отметить, что без специального терминологического обозначения и задолго до такой дифференциации метонимии эти разновидности метонимии выделялись (хотя бы отдельными частными видами) во всех ранних описаниях (начиная с трудов М.В. Ломоносова, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни), а также и в более поздних работах по метонимии, которые строились на иных основаниях (например, в диссертации Л.Б. Савенковой [74] и других).

В то же время принципиально важным считаем сам факт терминологического разграничения этих семантических типов метонимии – разграничение переносов по этому принципу намечает путь не только для семасиологической, но и для когнитивной типологии, связанной с интерпретацией метонимии на **общей** для этих типов **основе** – связи векторов переносов с разными типами ментальных единиц (подробнее об этом далее).

Опыт описания метонимии с выделением названных типов содержится, в частности, в учебном пособии Л.И. Рахмановой и В.Н. Суздальцевой [70, с. 30–33], хотя и не характерен в целом для учебной литературы. Рассмотрим эту, ставшую широко известной, классификацию как показательную с точки зрения воплощения семантического принципа.

Так, субстантивную метонимию авторы объединяют в три модели: **пространственную, временную и логическую**: «В зависимости от того, какой именно смежностью связаны предметы (понятия), действия, различают метонимию пространственную, временную и логическую».

Приведем и прокомментируем эту классификацию.

К **пространственному** типу (в основе которого – «пространственное, физическое соположение предметов, явлений») авторы относят метонимические переносы названий помещения, учреждения и т. п. на людей, живущих, работающих и т. д. в этом помещении, на этом предприятии (*дом, цех, общежитие*), переносы названий сосуда на его содержимое (*чайник, самовар*). В данном случае имеется в виду, по сути дела, лишь один в высшей мере обобщенный тип переноса – перенос названия с вместилища на вместимое. Известно, что этот тип

охватывает чрезвычайно широкий состав частных видов переноса и играет важнейшую роль не только в номинации, но и в концептуализации элементов многих сфер действительности.

Временная метонимия включает также лишь один тип переноса – перенос названий действия (выраженного отглагольным существительным) на результат – на то, что возникает в процессе действия (*издание, изображение, вышивка, резьба*). Как пишут авторы, речь идет о ситуации, когда «предметы, явления смежны, «соприкасаются» во времени их существования, «появления». Такой метонимией является перенос названия действия (выраженного существительным) на результат – на то, что возникает в процессе действия» [70, с. 31]. Заметим, что такая интерпретация не выглядит убедительной хотя бы потому, что речь идет не о двух предметах, а о действии и предмете. Кроме того, кстати говоря, выделением этого типа переноса в отдельную разновидность, противопоставленную логической метонимии, авторы отделяют его от других типов «актантной метонимии», выделенной Ю.Д. Апресяном, тогда как все эти разновидности безусловно связаны между собой общей логикой переноса.

К **логической** метонимии авторы учебника относят большой перечень довольно разнородных типов переноса, общность которых не очевидна. На это в примечании справедливо указывают и сами авторы: «Термин «логическая метонимия» в значительной мере условен, поскольку в известной степени относится ко всем разновидностям» [70, с. 32]. Перечень разновидностей логической метонимии, представленный в этом учебнике, включает переносы названия:

- сосуда, емкости на объем того, что содержится в сосуде, емкости (*чашка, рюмка, ложка, мешок*);
- вещества, материала на изделие из него (*фарфор, бронза, керамика, бумага, акварель, полотно, холст, капрон, мех*);
- автора, создателя чего-либо на его творение (*Левитан, Гоголь, Ушаков*);
- действия на вещество (предмет) или на людей, с помощью которых осуществляется это действие (*замазка, пропитка, подвеска, зажим, защита, нападение, смена*);
- действия на место, где оно происходит (*вход, выход, объезд, остановка, переход, поворот, проход, переправа*);
- свойства, качества на то или того, что или кто обнаруживает, имеет это свойство, качество (*бестактность, грубость, глупость, бездарность, нетактичность, колкость, банальность, талант*);

– географического пункта, местности на то, что в них производится (*цинандалы, саперави, гавана, гжель*).

Заметим, что если пространственная модель в классификации метонимии Л.И. Рахмановой и В.Н. Суздальцевой не вызывает возражений, то две другие не кажутся убедительными. В частности, вряд ли логично усматривать временную метонимию в переносах названия с действия на результат этого действия. Ср. более убедительные примеры метонимического переноса слова на основе временной смежности, различающиеся вектором переноса – с действия на время этого действия (*обед* «основной прием пищи» – «время такого приема пищи») и наоборот – с времени на действие (событие), происходящее в это время (*вечер* «часть суток от окончания дня до наступления ночи» – «вечернее общественное собрание, посвященное чему-л.; вечернее представление» или «встреча друзей, знакомых, близких в вечернее время для общения, развлечения, празднования чего-л.»).

Что касается логической метонимии, то в эту модель типы переносов включены «по остаточному принципу», что признают и сами авторы – см. об этом выше, с. 20. Включенные в нее разновидности, на наш взгляд, не имеют между собой явной общности.

Л.И. Рахманова и В.Н. Суздальцева обращаются также к метонимии прилагательных и глаголов. В отношении прилагательных классификации не приводится, авторы указывают лишь на разные пути образования метонимических значений. В одних случаях основанием для переноса прилагательного является смежность двух предметов (*глупая физиономия* – *физиономия глупого человека, сумасшедший дом* – *дом для сумасшедших людей*). В других случаях «метонимическое значение у прилагательных может появиться и иначе, не путем переноса определения» (*дорожный костюм, весенние каникулы, желудевый кофе*): «эти прилагательные в метонимическом значении возникли как бы заново, вторично (вторично по сравнению с теми же прилагательными в их прямых значениях) от того существительного, называющего один из смежных предметов, от которого в свое время образовалось прямое значение. Ср.: "весенние каникулы" – каникулы, бывающие весной (разрядкой выделены смежные предметы, понятия), "дорожный костюм" (костюм, предназначенный для дороги), "желудевый кофе" (кофе, приготовленный из ж е л у д е й)» [70, с. 32].

В работе кратко рассматривается глагольная метонимия – в двух ее разновидностях, трактовка которых нам представляется точной, хотя и неразвернутой. См. об этом далее, на с. 72.

О трех названных разновидностях метонимии упоминает Е.В. Падучева [Подчеркнуто нами. – Н.И.]: «Метонимический сдвиг – это смещение фокуса внимания: метонимия, «перенос по смежности», дает перенос внимания на объект, смежный с данным. Смежность может быть пространственной, временной или причинно-следственной, как при метонимии «автор – произведение» в контексте *когда мужик <...> Белинского и Гоголя с базаров понесет*» [64, с. 160].

В работе М.Я. Бич [9] на материале имен собственных в газетных текстах, вслед за другими учеными, также рассматриваются локальная, темпоральная, каузальная, атрибутивная и партитивная (синекдоха) модели метонимических переносов. Характер лексем (имена собственные) позволил несколько расширить перечень переносов за счет фактов, свойственных именно таким лексемам. Приведем иллюстрации каждого типа, в том числе добавленные нами.

Локальная метонимия строится на отношениях смежности между местом и находящимся в этом месте объектом и включает следующие типы: часть света, региона, населенного пункта – жители этой части света, региона, населенного пункта (*Запад, Самара*); географический объект – событие, связанное с этим объектом (*Бородино, Аустерлиц*); город – учреждение, находящееся в этом городе (*Сорбонна*); место расположения учреждения, предприятия – сотрудники этого учреждения, предприятия (*Пентагон, Сколково*).

Каузальная метонимия включает следующие типы переносов:

– «автор – его произведение, творчество, концепция, идея» (*Чайковский, Дарвин*);

– «глава учреждения, предприятия – учреждение, предприятие – продукция предприятия» (*Шанель, фورد*);

– «человек – произведение искусства (памятник), посвященное этому человеку» (*Маяковский, Петр Первый*).

Темпоральная метонимия представлена переносом «человек – время его деятельности или жизни» (*Рюрик – при Рюрике*).

К **атрибутивной** метонимии относятся типы переносов, базирующиеся на отношениях между признаком и носителем этого признака (*Жаботинский «силач», Чикатило «серийный насильник и убийца*»).

Партитивная метонимия объединяет следующие типы:

- «название страны, столицы – правительство этой страны» (*Москва, Вашингтон, Дели*);
- «название страны, города – делегация, спортивная команда этой страны, города» (*Россия, Хорватия, Марокко*).

Сравнение классификаций, предлагаемых разными учеными, позволяет обратить внимание на случаи некоторой условности в объединении метонимических фактов и выделении ряда переносов. Нередко сходные языковые либо речевые факты при систематизации включаются в разные модели переноса. В случае детализирования перечня переносов очевидной становится целесообразность объединения частных разновидностей в общий тип. Это можно сказать, в частности, о виде переноса «представитель нации» – «ее судно» (*англичанин, шотландец*) в классификационном перечне Ю.Д. Апресяна. Этот вид переноса в языке и речи представлен гораздо более широко – он распространяется на любое изделие (например, автомобиль – *немец, японец* и др.), животных (например, собаку, коня – *кабардинка* и др.). Следовательно, его целесообразно выделить на более широкой основе.

Итак, существующие опыты описания метонимических переносов слов (наиболее широко представленные в сфере имени существительного) не производят впечатления исчерпывающих описаний, так как убеждают в том, что их перечень не может быть конечным в силу многообразия впечатлений смежности реалий, регулярно или ситуативно уловленных человеческим сознанием при восприятии действительности. Как пишет Е.В. Падучева, «перечни метонимических переносов, приводимые в разного рода учебниках и пособиях, сходны в том, что они всегда неполны» [64, с.162]. Заметим, что эта оценка справедлива (хотя и в меньшей мере) по отношению и к специальным исследованиям метонимии.

Однако несомненная заслуга ученых, авторов трудов в этой области, прежде всего опытов классификационных описаний и типологии метонимии (в том числе прежде всего названных выше), заключается в том, что они создали необходимые предпосылки для интерпретации природы этого массового явления – в том числе его когнитивного механизма.

По сути дела, пространственный, каузальный, временной, атрибутивный типы в их разных терминологических обозначениях крупнопланово представляют макроклассы метонимических переносов, ко-

торым недостает в существующих описаниях общего основания для объединения на основе единого принципа. В этих условиях возникает необходимость поиска основания типологии бесконечного числа языковых и речевых фактов, которое отражало бы основополагающий принцип, предопределяющий конкретный тип метонимического переноса. Искомая типология должна иметь объясняющую силу, которая и является ее целью – в отличие от классификаций, имеющих целью главным образом систематизировать необозримый массив метонимических словоупотреблений.

Принцип такой типологии, по нашему убеждению, заложен на ментальном уровне и открывается в рамках лингвокогнитивного подхода. В поисках обоснования продуктивности такого подхода обратимся к работам, которые с разных сторон освещают суть лингвокогнитивного взгляда на метонимию.

1.3. О когнитивном подходе к интерпретации лексической метонимии

Целесообразность и даже необходимость обращения к когнитивной стороне метонимии как языкового явления подтверждается и тем, что в последние десятилетия речевая деятельность признана одним из модулей когнитивной деятельности, а метонимия – одним из механизмов когнитивной деятельности, проецирующимся в том числе на язык.

В данном случае при оценке метонимии мы исходим из того, что основания метонимических переносов лежат в **ментальной области** – области восприятия сознанием действительности во всем многообразии связей между реалиями действительности, принципах структурирования и хранения знаний о действительности. По этой логике следует обратиться к связи языковых единиц и языковых значений с ментальными единицами хранения знаний. Это тем более целесообразно с учетом того, что во многих случаях ученые интуитивно следуют именно этой логике, хотя и оперируют собственно языковыми единицами – например, при выделении актантной метонимии либо пространственной, временной, каузальной метонимии.

Необходимо лишь эксплицировать эту логику через обращение к собственно ментальным единицам и связанным с ними теоретическим понятиям.

1.3.1. Метонимия в связи с понятием *сдвиг фокуса внимания*²

Активная разработка явления *сдвиг фокуса внимания* применительно к системе языка и ее функционированию в свете связи когнитивной и речевой деятельности приходится на начало XXI века и связана с введением в практику лингвистических исследований когнитивных принципов. Это явление исследуется в когнитивной лингвистике и других лингвистических направлениях, использующих когнитивные принципы, в терминах *фокусирование, профилирование, аспектизация, актуализация, выделенность, фигура – фон, профиль – база, домен и матрица доменов, концептуальный диапазон и активная зона, траектор и ориентир, перспективизация* и другие [41, с. 25; и др.]

Ментальная интенция к актуализации тех или иных элементов замысла запускает механизм порождения высказывания с необходимой фокусировкой смысла, которая достигается средствами разных уровней языка, обнаруживающими глубинную общность именно в свете связи с этой интенцией. Идея фокуса внимания («фигуры – фона» – Talmy) Е.В. Падучевой называется продуктивной, связанной с концептуализацией ситуации. Обращение к концептуальным структурам позволяет построить, как считает Е.В. Падучева, лингвистически целесообразное определение понятия метонимии [64, с. 189–190].

Не случайно явление сдвига фокуса внимания в лингвистике осмысливается в первую очередь в связи с метонимией (см. работы Г.И. Кустовой [51], Е.В. Урысон [84], М.В. Сандаковой [77], И.Д. Гажевой [16], И.В. Лисицыной [53] и многих других) – как в ее традиционном (по отношению прежде всего к субстантивной метонимии), так и в более широком понимании.

Сама по себе последовательная связь сдвига фокуса внимания с метонимией высвечивает статус обоих явлений как универсалий. Очевидно, что оба понятия – смежности и сдвига фокуса внимания – имеют не языковую, а ментальную природу, отражают *восприятие* реалии и тем самым задают более широкий, сквозной взгляд на языковую систему в ее функционировании.

² Илюхина Н.А. Сдвиг фокуса внимания в проекции на язык и речь // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманит. и соц. науки. Т. 23. № 6. С. 66-76.

В свою очередь осмысление метонимии сквозь призму сдвига фокуса внимания неизбежно приводит не только к расширению ее границ в лексике (когда рассматривается перенос лексических единиц с одного денотата на другой, находящийся с первым в отношениях смежности), но и к осмыслению в метонимической логике других явлений, механизм которых ранее не связывался с метонимией [66; 82]. Так, О.В. Раевская говорит о необходимости и продуктивности выхода за пределы только лексического понимания метонимии. Феномены метонимической природы можно обнаружить, по ее мнению, на разных языковых уровнях: от морфем до дискурса [68].

В числе первых в отечественной лингвистике в практике исследования языковой системы понятие сдвига фокуса внимания (по замечанию автора, вслед за Л. Талми [80; 95]) было использовано Е.В. Падучевой для интерпретации диатезы и некоторых типов метонимии [63; 64]. Это понятие, апеллирующее к акту восприятия ситуации реципиентом, дает основание Е.В. Падучевой обозначить свой принцип типологии рассматриваемых конструкций как когнитивный.

Е.В. Падучева выделяет три типа метонимии в широком ее понимании:

1) метонимически соотносящиеся «две концептуализации одной и той же ситуации»: *Стаканы пенились и шипели беспрестанно* (Пушкин); *когда мужик <...> Белинского и Гоголя с базаров понесет* (Некрасов); *по снегу хрустели шаги*;

2) метонимически соотносящиеся значения слова, зафиксированные в словаре – «если одно значение получается из другого смещением фокуса внимания», при этом, по мнению автора, смещение фокуса внимания может касаться участников ситуации и компонентов толкования [63, с. 241]: *зубы* «полость» и «отверстие»; *треснуть* «деформация» и «звук»; *сломать ногу* «событие + состояние» и «только событие»;

3) метонимически соотносящиеся видения ситуации выражаются разными синтаксическими конструкциями: *Я открыл дверь новым ключом – Новый ключ открыл дверь без труда; пробить дыру в стене – пробить стену*. [63, с. 241–243]

Однако приведенная типология не охватывает всего многообразия случаев смещения фокуса внимания при отражении ситуации, во многих случаях так или иначе имеющих метонимические основания.

Заданная коммуникативная цель – актуализация одного из элементов высказывания – достигается путем сдвига фокуса внимания,

который в свою очередь, по нашему мнению, осуществляется через общий механизм, основанный

– на **отношениях смежности между элементами целого**, эксплицитно или имплицитно присутствующими в высказывании (словами, элементами их семантической структуры, аргументами (членами предложения) при предикате), и

– на **варьировании элементов**, подвергаемых актуализации либо деактуализации (о деактуализации см. [41]).

В языке и речи эффект сдвига фокуса внимания означает подчеркивание особой значимости какой-либо части сообщаемого теми или иными средствами и отражается в разных явлениях.

1. Наиболее последовательно сдвиг фокуса внимания проявляется в **традиционно выделяемой лексической метонимии существительных**. Векторы таких переносов предопределяются структурой соответствующего концепта: фрейма, пропозиции, сценария, организующего знания о соответствующем денотате (подробнее об этом см. [29]).

2. Сдвиг фокуса внимания при обозначении разных аспектов одной и той же ситуации достигается **заменой названий ее компонентов в объектной позиции**. Приведем примеры, которые в научной литературе чаще всего относятся к глагольной метонимии, поскольку она выражается в появлении у глагола производного значения: *копать землю* – *копать котлован*, *полоть морковь* – *полоть сорняки* – *полоть грядку*; *выбивать пыль* – *выбивать ковер*, *ковать железо* – *ковать меч*.

В этих выражениях выдвигание того или иного компонента ситуации в фокус внимания происходит за счетмены объекта (разного лексического наполнения объектной позиции) при переходном глаголе. Так, при обозначении ситуации глаголами *полоть*, *выбивать* и под. аспект *устранения ненужного объекта* актуализируется при выборе на роль прямого объекта при переходном глаголе соответствующего названия (*полоть сорняки*, *выбивать пыль*), а аспект *очищения объекта* в результате устранения ненужного (иного!) объекта – актуализируется при выборе названия очищаемого объекта (*полоть морковь*, *выбивать ковер*).

Фокусирование внимания на другом *аспекте* того же действия-ситуации – *создании нового объекта* в результате обработки исходного объекта-материала – осуществляется путем выбора в качестве объекта названия **созидаемого объекта**: *копать котлован*, *ковать меч*, *варить суп*.

Именно в сфере метонимии становится очевидным, что сдвиг фокуса внимания неизбежно сопровождается развитием полисемии за счет появления вторичного – метонимически производного значения, т. е. семантического варьирования слова.

3. Та же логика смещения фокуса внимания с одного аспекта действия (ситуации), называемого глаголом, на другой аспект того же действия достигается **меной лексического наполнения позиции грамматического субъекта** при глаголе, например: *Водитель привез делегацию – Автобус привез делегацию – Руководитель привез делегацию на автобусе.*

В этом случае фокусировка внимания при отражении ситуации достигается изменением синтаксического статуса компонента ситуации: в позиции грамматического субъекта, подчеркивающей значимость компонента ситуации, оказываются обозначения разных компонентов внеязыковой ситуации. Обратим внимание на то, что соответствующие компоненты одной и той же ситуации находятся в отношениях смежности в рамках этой ситуации. Например: *Ученый обнаружил закономерность – Исследование обнаружило закономерность – Результаты исследования обнаружили закономерность – Материал обнаружил закономерность – Метод обнаружил закономерность.*

Приведенные выражения отражают одно событие – передают информацию об итогах исследования объекта – с выдвиганием в центр внимания разных аспектов этой ситуации за счет помещения их обозначений в позицию грамматического субъекта. В итоге мены компонентов ситуации в позиции субъекта происходит актуализация агентивного (*ученый*), инструментального (*метод*), процессуального (*исследование*), объектно-интерпретационного (*результаты*) и других аспектов исследования. Подробнее об этом см. [30, с. 65–113].

4. С точки зрения смещения фокуса внимания могут быть рассмотрены коррелирующие между собой **разные синтаксические конструкции, отражающие одну и ту же ситуацию** с разных сторон: *Я иду (сбегаю) по тропинке к реке – Тропинка идет (сбегаёт) к реке – Тропинка ведет меня к реке.* Подобные факты в работах Е.В. Падучевой интерпретируются в терминах диатетических преобразований [64, с. 62 и далее].

5. Сдвиг фокуса внимания очевидным образом выражается в **актуальном членении предложения**: зону повышенного коммуника-

тивного внимания представляет рема высказывания: *На факультете состоялась встреча с писателем – Встреча с писателем состоялась на факультете – Встреча с писателем на факультете все же состоялась*. Приведенные факты под углом зрения сдвига фокуса внимания можно интерпретировать как демонстрирующие варьирование коммуникативной семантики предложения.

6. Актуализация разных аспектов ситуации достигается **избирательным введением аргументов (актантов и сирконстантов) в речь** (а деактуализация аспектов – опущением их обозначений; «пропадающие актанты», по Е.В. Падучевой [64, с. 60-62]). Ср. варианты отражения ситуации, обозначаемой высказыванием *Коллега приехал из Самары в Томск на конференцию поездом: Коллега приехал в Томск – Коллега приехал из Самары – Коллега приехал поездом – Из Самары на конференцию приехали*.

7. К способам смещения фокуса внимания относится **использование грамматических и лексических конверсивов** как средств «выражения субъектно-объектных отношений в эквивалентных по смыслу предложениях» [59, с. 234-235]. См. примеры использования лексических конверсивов, меняющих проекцию в отражении одной и той же внеязыковой ситуации: *Сергей продал Антону автомобиль – Антон купил у Сергея автомобиль*.

В данном случае наблюдается другой вид варьирования – лексическое варьирование основного обозначения одной и той же внеязыковой ситуации – глагола. Вариантами обозначения выступают конверсивы *купить* и *продать*.

8. Признаки механизма сдвига фокуса внимания можно усмотреть в **переносах определений по метонимической логике**: *нервный сотрудник – нервное поведение – нервный период; добрый человек – добрый поступок – добрые слова*. (О роли конкретных отношений смежности при переносе определения см. [31])

9. Сдвиг фокуса внимания на основе отношений смежности регулярно проявляется **при использовании** не слова, а более крупной единицы в качестве средства характеристики денотата – **метафорического образа (концепта)**. Например, образ коня-лошади путем переноса характеризует разные стороны человека: конь – человек (*разнуздавшийся хулиган*), конь – чувство (*обуздать гнев*), конь – мысль (*эскадрон моих мыслей шальных*), конь – память (*память невозможно обуздать*); супруги – кони (*в общей семейной упряжке мы уже сорок лет*) и т. д.

Следовательно, принцип метонимической экспансии закономерно определяет функционирование образа как средства концептуализации любой сферы. В этом случае сдвиг фокуса внимания выражается в варьировании ассоциативных связей с элементами этой сферы, чаще всего в результате переноса средства характеристики с целого на часть, в приведенных примерах – с человека на ту или иную его ипостась: чувство, мысль, память и т. д.

Метонимическое смещение фокуса внимания **сопровождается семантическим варьированием** вовлеченных в этот процесс **лексем** – образованием метонимически производного значения (*чайник* «посуда» – «жидкость»; *копать* «механически обрабатывать землю» – «создавать котлован»). Этот тип семантического варьирования лексических единиц именуют семным (лексико-семантическим) варьированием, результатом которого является полисемия слова.

10. Однако **семантическое варьирование** и, следовательно, актуализация той или иной части лексического значения слова (иначе говоря – сдвиг фокуса внимания на ту или иную сему в структуре лексического значения) наблюдается также **в рамках прямого значения слова**. Такой вид семантического варьирования, называемый семным (речевым) варьированием, охватывает все знаменательные слова. Приведем примеры семного варьирования лексики *крапива*: *Весной полезны щи из крапивы* («содержит витамины и другие полезные вещества»); *Опять щи из крапивы? Иногда и мяса хочется* («в качестве пищи отличается низкой калорийностью»); *От лени раньше лечили крапивой* («обжигает кожу»). Заметим, что выдвигание в фокус внимания того или иного признака (семы) при семантическом варьировании слова происходит на основании их смежности в структуре значения слова.

11. Принципиально сходную картину **семантического варьирования** демонстрирует в процессе функционирования ментальная единица – **концепт** – в ее проекции на язык, в том числе в роли метафорического образа, моделирующего какую-либо сферу. В данном случае сдвиг фокуса внимания достигается путем не только семантического, но и лексического варьирования образа (концепта) – его воплощением в разном лексическом обличье. В примерах, приведенных в п. 9, лексическое варьирование представлено всего несколькими лексема-

ми: *разнуздавшийся, обуздать, эскадрон, упряжка*. О более широкой панораме лексического варьирования метафорического концепта см. [30, с. 30–32].

Итак, результаты рассмотрения вопроса о проекции когнитивного понятия *сдвиг фокуса внимания* на языковую систему в ее функционировании подтверждают продуктивность взаимодействия когнитивных и лингвистических инструментов для исследования природы языка, его глубинных (ментальных) основ и системных характеристик.

Осмысление феномена сдвига фокуса внимания в его лингвистических проекциях высвечивает закономерности, определяющие функционирование языковых единиц разных уровней и языковой системы в целом, в их числе – явления лексической метонимии.

Сопоставление принципиально разных приемов актуализации элементов высказывания, которые обеспечиваются средствами разных языковых уровней, позволяют обнаружить общий механизм сдвига фокуса внимания. Он основывается на **отношениях смежности между элементами**, эксплицитно или имплицитно присутствующими в высказывании и стоящими за ними элементами отражаемого внеязыкового денотата, и на **варьировании элементов** высказывания и/или элементов отражаемой ситуации-денотата. Показательно, что отношения смежности и процесс варьирования охватывают элементы одного концепта (ментальной единицы), отражающего единую реалию (в том числе ситуацию) внеязыковой действительности.

1.3.2. О роли акта восприятия как когнитивной предпосылки метонимии

В продолжение разговора о связи ментальной и языковой сторон речемыслительной деятельности обратимся к базовой предпосылке метонимии, лежащей в основе метонимических переносов.

Важным вопросом в осмыслении природы метонимии является **понимание смежности** – неизменного идентифицирующего признака метонимии и критерия ее разграничения с близкими в том или ином отношении явлениями.

В проекции понятия смежности на сознание оно обнаруживает многогранность (см. выше). Более ранние работы, в которых

явление метонимии лишь иллюстрируется фактами языка и речи, обычно отмечаются виды переносов, отражающие очевидную физическую (пространственную) смежность реалий (предметов) внеязыковой действительности, например, по модели *вместилище – вместимое*. Эта модель в столь обобщенном обозначении объединяет бесчисленное множество частных метонимических переносов, характерных для слов разных тематических групп – названий помещений, учреждений, стран, городов, тары, средств транспорта, сосудов, посуды и мн. др.

Однако с увеличением перечня видов метонимических переносов становится очевидным глубинный характер метонимии и невозможность ее систематизации на лингвистических основаниях: понятие смежности обнаружило себя в самых разных проявлениях, затруднявших систематизацию и превращавших этот процесс в выделение необозримого перечня видов переносов.

К тому же по мере усиления антропоцентрического начала в исследовании языка внимание смещается **на оценку смежности реалий с точки зрения их восприятия сознанием**, т.е. на другую сторону ментальной природы явления.

Во-первых, ряд исследователей метонимии и ранее указывали при характеристике ее природы на наличие *психических ассоциаций* смежности, прежде всего А.А. Потебня как представитель психологического направления в лингвистической науке. Развернуто размышляет об этом В.А. Звегинцев, который связывает метонимию (как и метафору) с психологическими основаниями: они «не связаны со структурными особенностями языков, не характеризуют собой определенные лексико-семантические группы слов, не показывают связи с формированием понятия, с которым соотносится данное слово <...>. Это – универсальные, вневременные и внеисторические категории, целиком покоящиеся на психологических основах» [25, с. 128].

Постепенно в определениях метонимии расширяется понимание сущности *смежности*, выходящей за рамки фиксируемой эмпирически. Такое расширение констатируется, в частности, в статье Н.Д. Арутюновой, в которой вслед за определением метонимии приводится конкретизация сущности отношений смежности [Подчеркнуто нами. – Н.И.]: «Основой метонимии могут служить

пространственные, событийные, понятийные, синтагматические и логические отношения между различными категориями, принадлежащими действительности и ее отражению в человеческом сознании, закреплённым значениями слов, – между предметами, лицами, действиями, процессами, явлениями, социальными институтами и событиями, местом, временем и т. п.» [6, с. 300].

Во-вторых, соответственно расширяется круг языковых фактов, которые осмысляются с точки зрения участия метонимического механизма. (См. об этом работы Н.Н. Болдырева [10], Г.И. Кустовой [51], Е.В. Падучевой [63; 64; 65], О.К. Ирисхановой [41], Н.А. Илюхиной [32; 39; 40], Е.В. Резниковой [71; 72]).

В-третьих, на новом этапе осмысления даже традиционно относимых к метонимии фактов встает вопрос о поисках **общего основания их типологии**, которое отразило бы когнитивную природу метонимии. Обратим внимание на то, что в приведенном определении Н.Д. Арутюновой в качестве основы метонимии назван широкий (по-видимому, открытый) перечень видов отношений между категориями, которые принадлежат «действительности и ее отражению в человеческом сознании». В самом деле, осмысление аудитории, тарелки, автобуса как вместилищ, как неких «емкостей» происходит лишь при восприятии их сознанием вместе с тем, что в них вмещается (аудитории и находящихся в ней студентов, тарелки с кашей, автобуса вместе с пассажирами).

Акцентируем в приведенной выше цитате из статьи Н.Д. Арутюновой еще один момент: промежуточным звеном между предметами, событиями, другими феноменами – и значениями слов, с другой стороны, существуют ментальные категории, хранящие структурированные и категоризованные, концептуализированные знания о них («между различными категориями»). Именно в сфере последних следует, по нашему убеждению, искать основания для типологии традиционной лексической метонимии.

Е.В. Падучева пишет об этом так: «Интерес к метонимии – это следствие обращения лингвистов к связям между высказыванием говорящего и (воспринимаемой и осознаваемой им) действительностью: связи по смежности существуют не между смыслами, а в действительности. Но идя от ситуации к ее концептам, можно говорить о соответственных – метонимических – связях между компонентами концептов ситуаций» [65, с. 241].

1.3.3. Роль отношений целого и части в порождении лексической метонимии

Будучи когнитивным по своей природе, механизм метонимии связан с общими принципами и способами структурирования знания в процессе познания – в ином случае остается фиксировать неограниченный перечень проявлений смежности при восприятии действительности. Универсальным принципом структурирования знания, в том числе на этапах восприятия и обработки информации, признан **принцип соотношения целого и его частей**. «Отношения со-частности» (Р.М. Фрумкина, А.В. Михеев [78]), относимые учеными к важнейшим типам логических отношений, организующих наше знание о мире, имеют непосредственную проекцию на язык и речь в разных проявлениях. Как указывалось выше, универсальный характер партитивных отношений наблюдается, в частности, как принцип воспроизведения семантики самых разных единиц: в картине семного варьирования значения слова в речи, семного варьирования многозначного слова, семантического варьирования метафорического образа, варьирования образ-схемы; эти отношения получают свое выражение в актуальном членении предложения – в выделении наиболее коммуникативно актуальной его **части**. Имеется в виду, что сложный семантический континуум (семема, многозначное слово, структурированный смысловой континуум метафорического образа-концепта, образ-схемы, предложения и другие) в речемыслительных актах воспроизводится в объеме своей части – в виде актуальных сем, в виде одного ЛСВ многозначного слова, в виде нескольких признаков концепта при нейтрализации других компонентов целого, в виде ремы в составе предложения и т. д.

Подчеркивая значимость партитивных отношений в когнитивной деятельности, Дж. Лакофф рассматривает их как разновидность образ-схем: образ-схему *часть-целое* он называет среди схем *связь, центр – периферия, источник – путь – цель, верх – низ, спереди – сзади, линейный порядок* и др. [50, с. 356–359]. Это означает, что *часть – целое* является способом осмысления познаваемого денотата, способом организации любого знания – определяет структуру концептов разных типов. Более того, названные Дж. Лакоффом образ-схемы сами постро-

ены по принципу частей целого: *центр и периферия* – это элементы (части) целого, прежде всего круга; схемы *источник – путь – цель*, *верх – низ*, *спереди – сзади* также представляют собой элементы некоего единого целого. Что касается схем *связь, линейный порядок*, то и это не что иное, как организация частей в составе целого. Следовательно, образ-схему *часть – целое* не следует считать рядоположенной остальным, она представляет собой предельно абстрагированную структуру концептов, в том числе образ-схем.

Отсюда следует предположение, что манипуляции с целым и его частями при воспроизведении знания в речемыслительных актах являются важнейшим приемом когнитивной деятельности, который обнаруживается при наблюдении за функционированием разных языковых единиц, а также за воспроизведением концептов.

Как показывают наблюдения, интерпретация **сквозь призму категорий целого и части** является чрезвычайно органичной для лексической метонимии, отражая логику восприятия действительности на этапе познания и обозначения элементов структурированного знания.

Рассмотрим роль и место партитивных отношений в развитии лексической метонимии, в генезисе которой этот тип отношений играет, по нашему убеждению, ключевую роль, при этом – применительно к словам разных частей речи: существительным, прилагательным и глаголам и применительно к разным моделям лексического переноса. Это становится очевидным лишь при взгляде на лексическую метонию сквозь призму когнитивных единиц.

При обсуждении вопросов о роли партитивных отношений в процессе порождения метонимии показательны дискуссии о ее соотношении с синекдохой. Как известно, традиционно синекдоха выделяется в качестве самостоятельного тропа (в частности, в трудах М.В. Ломоносова, А.А. Потебни, в современных учебниках – например, в учебнике Л.И. Рахмановой и В.Н. Суздальцевой) – на том основании, что она возникает на основе отношений целого и части. При этом даже в тех работах, в которых синекдоха включается в состав метонимии (в работах Д.Н. Шмелева, Ю.А. Гранина, Л.Б. Савенковой и др.), она квалифицируется как *особый, частный* тип метонимии.

Между тем далее будет представлено обоснование точки зрения, в соответствии с которой партитивные отношения (отношения со-частности) лежат в основе *всей лексической метонимии*.

Когнитивное видение явлений многозначности, вторичной номинации, языковой образности исходит из признания метонимии (как и метафоры) ментальным механизмом манипуляции с единицами представления знания. С учетом этого логично подходить не только к интерпретации, но и к типологии метонимии с точки зрения ее связей с ментальными структурами.

Таким образом, «концептологический» подход как один из аспектов когнитивной интерпретации лексической метонимии позволяет перейти к оценке природы необозримого перечня разновекторных переносов слов в их связи с концептом и его структурой.

1.3.4. О связи метонимических переносов с типом концепта

Последовательное обращение к лексической метонимии с когнитивным понятийным аппаратом, осмысление процессов ее порождения сквозь призму когнитивного взгляда позволяет увидеть еще один собственно когнитивный ее аспект – зависимость от единиц ментального уровня, которая выражается в предопределенности конкретного типа переноса структурой ментальной единицы, в которой воплощается знание о денотате.

Лексическая метонимия, как уже неоднократно упоминалось, производит впечатление чрезвычайной пестроты и разнообразия, а ее классификации, особенно детализированные, направленные на охват всего многообразия метонимических фактов, – впечатление атомарности. Укрупнению ракурса видения метонимии и соответственно обобщению типов метонимических переносов (не отменяющему значимости многообразных детализированных лексикологических и семантических классификаций) способствует опора на ментальную категорию концепта в его разновидностях, среди которых основное внимание будет уделено фрейму, пропозиции, сценарию и гештальту.

Выбор для демонстрации именно этих типов концептов продиктован тем, что они отчетливо различаются между собой принципом структурирования знания, который и предопределяет модели (векторы) переноса названия.

Базирующиеся на их основе типы метонимических переносов при всем их типологическом различии последовательно основываются на отношениях целого и части.

Как говорилось выше, многообразные отношения смежности (пространственной, ситуативной, логической, атрибутивной и др.) могут быть обобщены и сведены к отношениям целого и частей в их понятийном либо эмпирическом представлении. Применительно к ментальным единицам **целым** мы считаем концепт (концепт-фрейм, концепт-пропозицию, концепт-сценарий, концепт-гештальт), а частями – компоненты его структуры, связанные между собой конкретными отношениями, обусловленными структурой соответствующего концепта.

Сформулируем **исходные положения концепции**:

– метонимия является результатом манипуляции единицами знания в категориях целого и его частей, в свете представлений о целом и его частях;

– принципы структурирования знания в процессе его категоризации и концептуализации впоследствии определяют векторы переноса – слов-названий, слов-определений (а также метафорических концептов – см. об этом [32]);

– метонимические переносы слов тесно связаны с определенными типами концептов и осуществляются в логике структуры этих концептов.

По крайней мере значительная часть лексической метонимии строится на основе структур фрейма, пропозиции и сценария: структура фрейма, пропозиции и сценария, в свою очередь, предстает в процессе метонимического воспроизведения в виде отношений целого и части: концепт осмысливается как целое, а его элементы (субфреймы во фреймовой структуре, компоненты ситуации (актанты и сирконстанты) в пропозициональной структуре, акты в сценарной структуре) – как его части.

Соответственно в качестве основных типов лексической метонимии противопоставляются **фреймовый, пропозициональный, сценарный и гештальный типы**. Они в одной и той же логике вовлекают в процесс переноса слова разных частей речи: существительные, прилагательные, глаголы и наречия.

При этом субстантивная метонимия массово представлена преимущественно фреймовым и пропозициональным типами. Глагольная метонимия также репрезентирована двумя основными типами – пропозициональным и сценарным. Что касается прилагательных, метонимическое употребление которых в литературе обозначается как перенос (или – смещение) определений, то они подвергаются переносу в логике всех названных типов метонимии.

Гештальтная метонимия в данном случае рассматривается как разновидность остальных трех типов – фреймовой, пропозициональной и сценарной метонимии.

Названные типы лексической метонимии, выделенные на едином основании (связи с определенным типом концепта), объединяют в более крупные блоки ранее выделенные семантические разновидности субстантивной метонимии:

- обозначаемые как актантная метонимия (Ю.Д. Апресян и др.),
- как пространственная, временная, каузальная (причинно-следственная), логическая, атрибутивная метонимия,
- а также разновидности, описываемые другими исследователями в иных терминах: вместилище – вместимое, часть – целое, действие – субъект действия и многие другие.

Этой же логикой органично объясняются многие разновидности переноса (смещения) определений, которые обычно рассматриваются и систематизируются по другой логике, вне связи с метонимическими переносами имен существительных, как отдельная, обособленная разновидность метонимии.

Наконец (что, по нашему убеждению, особенно важно), все отмеченные в научной литературе разновидности глагольной метонимии обнаруживают – с точки зрения зависимости логики образования вторичных значений от структурного типа концепта, кодирующего знания о соответствующей денотативной ситуации – тот же когнитивный механизм.

На основе предложенной лингвокогнитивной логики, в соответствии с которой конкретные разновидности переноса лексической единицы: векторы переноса и типы вторичных, метонимически производных лексико-семантических вариантов в значении слова как результат переноса, – предопределены типом и структурной организацией ментальной единицы (концепта фреймовой, пропозициональной и сценарной структуры), организующей знания о соответствующей внеязыковой реалии, в последующих двух главах представлена единая типология лексической метонимии в сфере имен существительных, имен прилагательных и глаголов. В последней главе данного издания показан сквозной характер действия когнитивного механизма метонимии в проекции на разные типы единиц (языковых и текстовых) и по отношению к разным денотативным и дискурсивным условиям коммуникации.

Глава 2.

Метонимия в сфере существительных и глаголов

При построении типологии метонимии в данной главе мы исходим из того, что она базируется на отношениях части и целого либо отношениях между частями одного целого.

Конкретные типы лексической метонимии различаются с учетом принципов структурирования и концептуализации знания, которые лежат в основе дифференциации разных типов концептов, организующих знания о соответствующем фрагменте действительности. Именно принципы структурирования и концептуализации знания, как известно, **предопределяют своеобразие структуры каждого типа концепта.**

Это обстоятельство дает основания для разграничения типов метонимии, предопределенных фреймовой, пропозициональной, сценарной, гештальтной структурой – разными типами **многокомпонентных концептов**, которые отчетливо различаются принципом организации знания.

Иначе говоря, логика интерпретации метонимических переносов **сквозь призму партитивных отношений** применительно к разным типам концептов, которые отражают когнитивную операцию структурирования знания в процессе познания, выглядит следующим образом: фрейм и составляющие его слоты, или субфреймы; пропозиции и составляющие ее компоненты – субъект, объект, инструмент, место и т. д.; сценарий и образующие его конкретные акты или этапы; гештальт и его понятийная и эмпирическая (чувственно-наглядная) составляющие.

Особенности структуры многокомпонентного концепта – характер его частей и конкретный тип связи между ними – предопределяют вектор переноса и функциональное соотношение связанных переносом реалий в их отражении сознанием, общую семантику обоих компонентов.

Типология метонимических переносов слов, опирающаяся на логику восприятия реальности и структурирования знания о ней в процессе концептуализации знания, как нам представляется, лишена той описательности, которая в классификациях метонимии обычно имеет целью преимущественно группировку фактов, а не объяснение природы явления.

Предлагаемая логика способна обеспечить крупноплановое восприятие и обозримость пестрой картины лексической метонимии и, что более важно, представить дополнительное объяснение когнитивной природы метонимии.

2.1. Фреймовая метонимия

Сущность и разновидности фреймовой метонимии обусловлены *структурой фрейма* как ментальной единицы. Сошлемся на определения Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Болдырева: фрейм – это

«объемное и целостное представление многокомпонентного явления типа *класс: комната, доска, парты, учительский стол, мел, географическая карта, глобус* и т. д.» [2, с. 75];

«объемный многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной, часто повторяющейся ситуации. Например: ТЕАТР (компоненты: билетная касса, зрительный зал, сцена, буфет, раздевалка, спектакль и т. д.)» [11, с. 54].

Структура фреймов, организующих знания о разных типах денотатов и целых денотативных областях, отражает особенности осмысления, структурирования знания об этих денотатах, организации, хранения и воспроизведения знаний о них.

Типичными денотативными областями, знания о которых организованы фреймовым принципом, являются сферы действительности (материк, лес, степь, море, тундра, горы, Земля, Вселенная) и человеческой деятельности (наука, медицина, образование, производство, экономика, сельское хозяйство, политика), учреждения, организации (университет, поликлиника, почта, полиция, Третьяковская галерея), государственно-политические единицы – государства и их объединения (страна, Россия, Бразилия, ООН, СНГ, Евросоюз), административно-территориальные единицы – города, села (город, Москва, Хельсинки, Давос, Минск, Тарханы) и их части (Кремль, Невский проспект, Елисейские поля, Майдан), здания, средства транспорта, мебель, посуда и мн. др. Фреймовый принцип организации и хранения знаний о них имеют такие сферы, как человек, общество, сложные механизмы (корабль, двигатель, компьютер) и другие.

Фрейм как ментальная единица складывается из компонентов (слотов), отражающих представления о структурных элементах сферы-денотата, называемых обычно субфреймами или слотами. Набор слотов применительно к разным типам денотатов может различаться, однако для многих типов денотатов характерно значительное сходство структуры. Приведем обобщенную характеристику фреймовой структуры некоторых типов концептов.

Так, концепты, входящие в группу **«Учреждение»**, объединяют следующие блоки («части»): «тип учреждения» (школа, больница, полиция, прокуратура, редакция, ресторан, гостиница), «помещение / здание, в котором располагается учреждение», «сотрудники», «документы», «инфраструктура»: общая (мебель, средства связи) и специфическая (мебель узкого назначения, ср.: в ресторане, в больнице, в редакции), оборудование (медицинское оборудование, лекарственные препараты в больнице; оружие в полиции; посуда в ресторане; и т. д.).

Концепты, организующие знания о **зданиях**, представляют совокупность типовых «частей» (сходных с элементами концептов «учреждения»): «здание» (и его части – отдельные помещения разного назначения), представленное разновидностями (жилой дом, административное здание, здание школы, цирка и мн. др.), «люди (и/или животные), находящиеся (проживающие или работающие) в этом здании», «документы», «инфраструктура» (мебель, средства связи, оборудование).

Концепты, организующие знания о государственно- и административно-территориальных единицах, складываются из таких «частей», как «территория» и ее части (столица, края, города, села, реки, горы и т. д.), «население», «инфраструктура» (экономика, культура, социальные феномены) и т. д.

Представленная структура концепта фреймового типа предопределяет

- неизбежную **метонимическую многозначность** слов, именующих эти денотаты,

- **регулярный** характер метонимической многозначности таких слов, организуемой **одинаковыми** (общими) **типами переносов**, и как следствие

- **одинаковый** (или предельно сходный) **состав** метонимически производных **ЛСВ** в значении этих слов.

При этом показательно, что ЛСВ в семантической структуре таких слов связаны между собой логическими отношениями целого и его частей.

Показательным примером картины метонимических переносов, имеющих фреймовую природу, может служить денотативная сфера «Учреждение».

2.1.1. Перенос названия с целого на часть

При метонимическом обозначении денотативных компонентов этой сферы чаще всего наблюдается перенос с целого на части. В качестве примера рассмотрим концепт «Университет» [29]. Слово *университет* как название целого регулярно используется для наименования самых разных «частей» университета, образующих данный фрейм:

– «тип учреждения – высшее учебное заведение»: *Я поступил в университет, а он – в колледж;*

– «здание»: *Университет построен в 1976 г.; находится в университете;*

– «тип образования, получаемого в этом учреждении»: *У меня за плечами техникум, а у него университет – разница!*

– «период времени, связанный с пребыванием (обучением или работой, в другом случае – с лечением (о больнице), развлечением (о цирке) и т. д.) в учреждении»: *Это было в моей жизни еще до университета;*

– «лица, работающие или получающие услуги в учреждении» – в данном случае работающие или обучающиеся в университете, при этом подчеркнем – представленные любой частью, вплоть до отдельно взятого человека:

а) «коллектив студентов и сотрудников»: *Университет вышел на субботник;*

б) «руководители»: *Университет принял решение об открытии филиала;*

в) «представители преподавателей, сотрудников, студентов»: *Университет переизбрал ректора на новый срок;*

г) «студенты (в любом количестве)»: *Университет на областной студенческой конференции занял все призовые места;*

д) «любые представители, вплоть до одного отдельно взятого человека» (на совещании преподавателей, или методистов, или проф-

союзных деятелей, или юристов, бухгалтеров вузов области): – *Где здесь в зале университет?*³

– «любые документы, касающиеся учреждения», например:

а) в речи сотрудника поликлиники, областного министерства образования, министерства финансов, типографии и т. д. фраза *Найдите на полке (в сводной таблице, в базе данных и т. д.) университет!* может предполагать медицинские карты, отчет, устав, бланки дипломов, статистические данные и мн. др.;

б) в речи сотрудника, совмещающего работу в университете с работой в другом учреждении, фраза *В какой папке у меня университет?* может подразумевать расписание, список студентов, контрольные работы и т. д.).

Аналогично выглядит использование слова *университет* по отношению к другим «частям» этого денотата и концепта – к спортивному инвентарю, сооружениям разного назначения, мебели – купленной, сданной куда-либо на ремонт, к книгам из / для библиотеки университета и т. д.

В свою очередь подразделения как «части» университета осмысляются по той же логике и их наименования используются применительно к их «частям»: *филфак, деканат, кафедра, заочное отделение* – о корпусе либо помещении, сотрудниках, студентах, документах и т. д.

Названные типы метонимических переносов и набор производных ЛСВ характерны для лексических массивов, кодирующих знания о разного рода учреждениях и организациях в формате фрейма, в частности, для лексем *завод, школа, гимназия, институт, больница, детсад, издательство, редакция, театр, филармония, министерство, полиция, суд, турбюро, НИИ, академия наук* и мн. др.

Еще более широкий диапазон метонимически производных ЛСВ образуют названия государств, городов. Так, слова *Россия, США, Германия, Грузия* и под. могут именовать государство, территорию этого государства, население и его части, любые отрасли экономики, науки, техники, культуры, искусства, природу и многое другое. Например:

³ Приведем пример обозначение такого рода из устной речи: завуч школы при распределении по классам детей, прибывших на конкурс из разных учреждений, говорит вахтеру: *Зачем вы дали ключ от этого класса? Этот мальчик не «Веселые человечки», он 17-я школа!* (пример М. Добровой) – в данном случае названия целого «Веселые человечки», 17-я школа использованы по отношению к одному ученику, представляющему соответствующие учреждения.

Как изгнать Америку из кинотеатров? (АиФ. 2004) – «фильмы, кинопродукция страны».

На примере одного типа значения («население») покажем механизм сдвига фокуса внимания на разные его части: *26 октября Россия перейдет на зимнее время...* (АиФ. 2003) – «все население страны»; *Как самочувствие страны связано с самочувствием ее правителей?* (Комсом. правда) – «население страны, за исключением правящих кругов»; *Россия и Грузия нашли точку опоры в урегулировании абхазского конфликта* (Известия. 2004) – «руководители страны»; *Война диктует свои страшные законы. Но главное было в другом. Люди узнали, что Россия сделает все, чтобы их спасти* (АиФ. 2003) – «руководители и представители МЧС»; *...в ОИК (Организации Исламская конференция) приняла участие и Россия...* (АиФ. 2003) – «представители одной из религиозных конфессий»; *Россия не ведет переговоров с террористами, она их уничтожает* (Новости. 2004) – «члены правительства и представители силовых ведомств»; *...меняется израильский подход в последнее время исключительно под давлением Америки* (Известия. 2004) – «руководители, правящие круги страны»; *В Мадриде открывается Международная конференция по восстановлению Ирака. Америка будет добиваться списания его внешнего долга...* (АиФ. 2003) – «представители страны на конференции»; *Казахстан принял план конституционной реформы, который ему предложила Россия* (АиФ. 2004); *Россия тратит деньги по-дурацки* (Комсом. правда) – «представители власти, олигархи»; *Россия взяла реванш за поражение в Ванкувере* (Комсом. правда) – «члены сборной команды по хоккею»; *...с весны 2003 года Россия показала, что готова к альянсу со старой Европой. ...Россия начала играть активную роль в деле восстановления единства церкви Христовой* (Известия. 2004) – «представители православной церкви»; *Россия и США продолжают строить космические корабли* (Итоги. 2003) – «представители космической промышленности»; *В 2002 г. Россия увеличила поставки в Италию угля и зерна* (АиФ. 2003) – «представители экономики»; *Страна говорит на чудовищной смеси мата, блатного жаргона, не к месту заимствованных иностранных слов и просторечных выражений* (Известия. 2003) – «существенная часть населения».

В приведенных примерах названия стран демонстрируют регулярную многозначность широкого спектра даже в одной из многих своих семантических функций – в качестве номинаций населения, приобре-

тают способность при поддержке контекста характеризовать разные его слои и даже отдельных представителей. Вместе с тем, как можно видеть на примерах, метонимия выступает способом обобщенного, неконкретизированного обозначения компонента денотативной сферы, см. более яркие примеры недифференцированного обозначения части населения или руководства страны: *Недавно студентов с факультета журналистики в виде учебной нагрузки обязали несколько дней смотреть телевизор и фиксировать число показываемых по различным каналам актов насилия и жестокости. Студенты зафиксировали сотни убийств, мордобоев, изнасилований. <...> В телевизионной версии **Россия** просыпается и надевает портки лишь для того, чтобы хлебнуть пивка или водки, побезобразничать, подражаться, кого-нибудь ограбить, изнасиловать или убить, после чего свалиться пьяной в канаву и там заснуть с чувством, что «жизнь удалась»* (В. Костиков); ***Таджикистан** установит памятную стелу* (Комсом. правда).

2.1.2. Перенос названия с части на целое

Противоположный вектор фреймового переноса названия – с части на целое – также широко распространен. В частности, с высокой степенью регулярности он наблюдается при отражении денотативной области «Человек».

В этом случае на человека переносятся названия его «частей» – органов, квазиорганов, свойств и т. д., например: *Он у нас **голова!**; Но многие наши «светлые умы» не могут продавать свои идеи, потому что далеки от рыночной экономики* (Комсом. правда) – о человеке в аспекте интеллектуальной деятельности; *В семье пять **ртов** – о человеке как едоке; Где молодость стопой стремится спешной, С огнем в очах, чела мечтой безгрешной И криком **уст...*** (В. Иванов) – о человеке в аспекте речевой деятельности; *... те, кто остался, только выиграют от этого. Потому что будет проще пробиться молодым **талантам**. Россия – огромная страна, в которой живет огромное количество по-настоящему талантливых людей. Раньше у них просто-напросто шанса не было протиснуться между «**достоиниями**». А сейчас тропинка освободилась* (Я. Поплавская) – о человеке с точки зрения его творческих способностей и общественной оценки; *Хотелось ему ненароком явить*

ся домой, чтобы **душу** Марты застать врасплох, посмотреть, – улыбнется ли она от неожиданности (В. Набоков) – о человеке в аспекте душевного состояния.

Проследим отмеченную закономерность в другой сфере той же денотативной области «Человек» – **в сфере биологического времени**.

В качестве метонимического обозначения человека последовательно используются названия его возраста, актуализирующие этот аспект личности, например: *Теперь ты понял, что смерть приходит не только за стариками. Смерть с удовольствием подкарауливает юность* (С. Липскеров); *К середине лета приладилась рыбачить с мальчишками, они брали ее с собой на понтон, на приволье варила пацанам уху, болтала с ними, обнимала детство* (А. Иличевский); *На этот раз победила молодость: Игорь Кравчук из 8 класса Академической гимназии заметил в тексте о Пуатье 33 ошибки!* (Н. Смирнов); *Где молодость стопой стремится спешной, С огнем в очах, чела мечтой безгрешной И криком уст...* (В. Иванов); *Холостяку в свете скучно: ему досадно видеть новые, молодые поколения; один отец семейства смотрит без зависти на молодость, его окружающую* (А. Пушкин – П. Нащокину); *Юности жаждет того и сего, Юности нужен весь мир навек, А зрелости нужен больше всего Один-единственный человек...* (Э. Асадов); *Очень интересной была встреча с Дэн Сяопином. Встретились мудрая старость и молодой задор. Дэн Сяопин держался подчеркнуто доброжелательно, но был немногословен, многие слова и фразы еще подлежали расшифровке* (А. Яковлев)⁴.

2.1.3. Взаимонаправленные переносы названия

Закономерный характер метонимических переносов, за которыми стоит ментальная операция сдвига фокуса внимания между смежными элементами денотативной области, отражается в факте **взаимонаправленных векторов переноса названия**.

Наиболее последовательно и ярко они проявляются в некоторых денотативных сферах, к числу которых относятся сфера дорожного

⁴ Как и некоторые примеры, приведенные выше, этот фрагмент дает основания и для метафорической интерпретации абстрактного понятия старости в образе человека (мудрая старость встретила с молодым задором), т. е. олицетворение старости.

движения, включающая в качестве основных компонентов средство транспорта, водителя, пассажиров, и сфера учреждений. Рассмотрим переносы такого рода на примере этих денотативных областей в рамках соответствующих фреймов.

Сравним два способа обозначения участников дорожного движения в ситуации аварии – названием водителя и названием автомобиля:

– Известно, что **водитель** одного автобуса **выехал** на встречную полосу и **столкнулся со своим коллегой по цеху** (в речи журналиста, Россия 24);

– В Хабаровском крае в районе озера Гасси произошло **столкновение двух междугородних рейсовых автобусов**, в результате 12 человек погибли, более 60 человек пострадали, сообщили «Интерфаксу» в пресс-службе УМВД по Хабаровскому краю в среду (<http://news.rambler.ru/incidents/30958096/>).

Из примеров видно, что водитель и транспортное средство в условиях движения воспринимаются как единое представление – общий фрейм. С учетом этого обстоятельства не удивительно, что общий фрейм может быть метонимически обозначен как названием автомобиля, так и названием водителя.

Регулярный характер взаимонаправленных переносов убедительно подтверждают факты описания одной и той же аварии (ДТП) разными средствами медиа. При описании двух аварий одни журналисты используют названия водителя, другие – названия автомобиля, ср.:

– В Самаре пьяный **водитель** Форда **столкнулся с КамАЗом**, погибла девушка (сайт города Самара 63.ru); На Московском шоссе пьяный **водитель** «Форда» **залетел под «КамАЗ»**, погибла девушка (Pro Город Самара); В Самаре пьяный **водитель устроил ДТП...** (SamRU.ru); Молодая женщина погибла в лобовом **столкновении иномарки с «КамАЗом»** (Русская планета);

– На Южном шоссе **иномарка выехала на встречу и столкнулась с КамАЗом**; Вчера, 23 сентября, в Куйбышевском районе Самары в 09:40 18-летний **водитель** автомобиля «Daewoo Nexia», превысив скорость во время движения по Южному шоссе, не справился с рулевым управлением и **выехал** на встречную полосу, где **столкнулся с грузовиком «КамАЗ»** (Pro Город Самара); На Южном шоссе в Самаре **водитель** «Daewoo Nexia», превысив скорость, **влетел в «КамАЗ»** (Pro Город Самара); В Самаре **Daewoo Nexia врезалась в КамАЗ**, водитель попал в больницу (СитиТрафик); На Южном шоссе «Дэу Нексия» **влетела в КАМАЗ** (сайт города Самара 63.ru).

При этом общий фрейм может быть представлен разными обозначениями водителя, в том числе личным местоимением. Приведем примеры из разговорной речи: *Мужик сломался, надо его подвезти за запчастями* (о водителе, у которого сломался автомобиль); (обращение к водителю) *Слушай, не отвезешь шесть человек на вокзал?* (Ответ) – *Не могу, я рейсовый автобус*; *Посмотри, это Саша на стоянке?* (об автомобиле, на котором работает водитель с таким именем); (в репортаже с улицы) – *Сзади в меня врезалась другая машина. Она разбила мне весь зад*; *Мы поехали на Лысовой* – на автомобиле, принадлежащем этому лицу.

Аналогичный факт отмечен в разговорной речи по отношению к поезду:

(пассажир, обращаясь к проводнику) *Так мы и будем ехать до Саратова полупустыми?* – Местоимение *мы*, определяемое признаком *полупустые*, именуется единый концепт-фрейм «Поезд» (включающий в данном случае пассажиров, машинистов, проводников).

Другими примерами, подтверждающими положение о взаимонаправленных переносах в рамках фрейма «Транспорт», могут служить следующие высказывания о самолете и пассажирах, о подводной лодке и ее капитане:

А) *Как только стало известно, что самолет погиб...* (о крушении самолета со 140 пассажирами) (ТВ. 1 канал. Время). Слово *погиб* относится прежде всего к людям – пассажирам и членам экипажа;

Б) [Об истории гибели АПЛ «Курск»] *Когда Лячин [капитан] всплыл под перископ, что-то произошло, что-то заставило его нырнуть по срочному погружению. Иначе бы он не ударился о грунт так сильно* (Комсом. правда). В данном случае именем капитана назван весь концепт «Подводная лодка», объединяющий транспортное средство и экипаж.

Очевидно, что в этих и подобных случаях в сознании участников коммуникации транспортное средство и люди (водители, пассажиры и т. п.) мыслятся как элементы единого целого – общего представления о транспортном средстве и связанных с ним людях: водителе, экипаже, пассажирах.

Регулярный характер взаимонаправленных переносов наблюдается также в сфере обозначения учреждений. Сопоставим распространенные объявления:

– *Кафе* (магазин, почта и мн. др.) *работает* с восьми часов до двадцати часов;

– *Мы открылись*; *Мы работаем* без выходных; *Мы открыты* для вас до утра.

Семантику подобных выражений трудно интерпретировать без признания того, что названия учреждений (как и названия транспортных средств) могут недифференцированно воплощать «комплексное» представление об учреждении, помещении и сотрудниках.

Если сравнить выражения *Мы работаем* и *Кафе работает*, то можно сказать, что в первом случае речь идет прежде всего о сотрудниках (хотя за этой информацией стоят и другие смыслы: открыто помещение, функционирует учреждение), во втором выражении название учреждения (слово *кафе*) тоже несет комплексную информацию – функционирует учреждение, открыто помещение, работают сотрудники.

Что касается выражений *Мы открыты для вас до утра* и *Мы открылись*, то очевидно, что местоимение *мы* включает в себе ту же комплексную семантику («помещение», «учреждение» и «сотрудники»). Сдвиг фокуса внимания на сотрудников обеспечивает нужный прагматический акцент при обозначении учреждения – переход со стандартно-официального на личное, с подчеркиванием гостеприимства.

В разговорной речи при номинации этой денотативной сферы также наблюдаются факты взаимонаправленного переноса названия: *Касса сейчас на обеде* (именем подразделения и помещения назван сотрудник) – *У вас нет ключа от Маргариты Васильевны?* (именем сотрудника названо помещение – деканат заочного отделения).

Типичный характер взаимонаправленных переносов подтверждают наблюдения за метонимическими переносами в других денотативных сферах.

Коснемся в этой связи переноса *человек – его одежда и аксессуары*. Обычно в речи фиксируется перенос с части (одежды) на целое (человека в этой одежде). При этом лексемы, выступающие метонимическим обозначением лиц, акцентируют их функциональный или социальный статус в той или иной ситуации, например: *у нас не будет диалога с ватниками*; *зеленые погоны* заполонили городок, *английской короне* небезразличны эти процессы, *в страну будут введены голубые каски*; *Сдаваться! А в двери бушлаты, шинели, тулупы...* (В. Маяковский) – о матросах, солдатах и крестьянах; *Я стою [в очереди] за этой красной курткой*.

Результатом переноса по этой модели являются фразеологизмы *белые воротнички, синий чулок, зеленые фуражки* и многие другие, именующие лиц с таким элементом одежды.

Укажем отмеченные в разговорной речи факты взаимонаправленного переноса названия в этой сфере: *Я стою в очереди за коричневым пальто / плащом* → *Опять пальто на меня повесили* (Л. Кочедыков) – при нехватке вешалок в гардеробе поверх пальто говорящего кто-то повесил свое. Слово *пальто* в первом примере выступает именем человека, во втором имя человека (*я – на меня*) обозначает лишь принадлежащее ему пальто. Основой для обоих переносов, различающихся противоположно направленным вектором, в этом случае является представление о человеке и его одежде как о едином целом.

В традиции рассмотрения метонимии в последние годы, и особенно в обобщающих классификациях метонимических переносов и метонимических значений, ряд рассмотренных выше типов (например, *учреждение – сотрудники, транспорт – пассажиры, дом – жильцы* и т. д.) принято обозначать в терминах *вместилище – вместимое*, которые, на первый взгляд, более точно их описывают. Вместе с тем эти разные взгляды и соответственно типологические характеристики таких переносов не только не противоречат друг другу, но и напрямую коррелируют, поскольку вместилище и вместимое в совокупности охватываются когнитивным термином *концепт*, укладываются в представление о концепте фреймового типа, могут интерпретироваться как части единого целого.

В сознании говорящих существует представление о доме, университете, школе, почте, автомобиле не только как об отдельной (от человека либо иных элементов) сущности, но и о **доме, университете, школе, почте, автомобиле как о целом**, включающем строение, транспортное средство и т. п. (собственно вместилище) и живущих, работающих или находящихся в нем людей.

Думается, что именно такое – комплексное – представление о предмете служит основанием для регулярного переноса названия между реалиями, связанными отношениями со-частности (целого и его частей). При этом квалифицировать тип переноса во многих случаях можно двояко:

– как перенос названия с одной части целого на другую его часть (*Весь трамвай обсуждал эту новость*: с названия транспортного

средства как части общего фрейма «Трамвай» – на пассажиров как другую часть того же общего фрейма)

– или, если исходить из того, что слово *трамвай* именуется не только транспортное средство, но и комплексный фрейм «Трамвай», – как перенос названия целого на пассажиров как на часть этого целого.

В любом случае именно «комплексное» представление многокомпонентного денотата служит основанием для осмысления отношений смежности между его компонентами, для ментальной операции сдвига фокуса внимания с одной части на другую в рамках целого и переноса названия на основе этой смежности как способа фокусировки, поскольку наиболее отчетливо смежность осознается между частями единого целого.

Рассматриваемый тип переноса может встречаться (особенно часто в поэтической и разговорной речи) в усложненном варианте, например в стихотворении А. Вознесенского: *Любитель гвоздики и флоксов В Майданеке сжег **поглобуса***. При опоре на контекст (особенно информативно сочетание *сжег в Майданеке*) выявляется актуальный смысл слов *глобус* (и соответственно – *поглобуса*) – «население планеты Земля». Этот ЛСВ является результатом двухступенчатого переноса фреймового типа: «объемное изображение планеты Земля» → «планета Земля» → «население планеты Земля».

Семантический эффект метонимических переносов с целого на часть и с части на целое является разным.

Перенос с целого на часть высвечивает **связь между именуемой реальией и целым**, к которому эта реальия принадлежит. Ср. два способа именования одной реальности – людей как пассажиров – в следующих выражениях: *Все пассажиры сразу замолчали* и *Весь трамвай сразу замолчал*. В первом случае названа лишь сама характеризующая реальия – пассажиры, во втором случае эти люди названы как **часть комплексно воспринимаемого трамвая**. Доказательством восприятия пассажиров как части фрейма «Трамвай» в сознании может служить, в частности, то, что выражение *Все пассажиры вышли на тротуар* (в ситуации поломки вагона, например) оценивается как корректное, а выражение *Весь трамвай вышел на тротуар* как не вполне корректное.

Перенос названия с части на целое имеет другой семантический эффект: смещение внимания с целого на часть сопровождается **осмыслением функции этой части в составе целого**. Акцентирование

внимания на функции этой части в составе целого, в свою очередь, обуславливает актуализацию данного аспекта в деятельности или функционировании целого. Это характерно прежде всего для существительных с собственно предметным значением, в том числе относящихся к сфере человека, например: *Он у нас голова!*

Достаточно показательны факты вовлеченности *одного слова* в разнообразные виды переносов и образование комплекса вторичных значений. Так, лексема *рука* как название органа – верхней конечности человека от плеча до кончиков пальцев или от запястья до пальцев – образует несколько метонимически соотносительных вторичных значений, некоторые из них представлены в следующих примерах: *Он моя правая рука* (о человеке-помощнике); *Мне жаль, что мы, руке наемной* (о человеке-управляющем и т. п.); *Доверя грабить свой доход...* (А. Пушкин); *В его руках большой коллектив* (о человеке с властными полномочиями); *Это не моя рука* (о почерке человека) и т. д.

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, перенос названия с части человека (в данном случае с того или иного органа) на человека сопровождается осмыслением этого органа в функциональном аспекте: голова осмысляется как орган интеллектуальной деятельности, руки – как орган практической деятельности, рот – как орган поглощения пищи или орган речевой деятельности, язык – как орган порождения речи, глаза, уши, нос – как органы восприятия, получения зрительной, слуховой, обонятельной информации, ноги – как орган движения, душа – как средоточие душевной жизни.

При обозначении целого (в данном случае человека) через его часть, осмысляемую функционально, происходит актуализация соответствующей сферы жизнедеятельности человека в целом – как человека-едока, или как человека говорящего, или как человека думающего, или как человека-наблюдателя, получающего и передающего информацию об увиденном-услышанном, или как человека-деятеля и т. д. Такую мотивацию имеет, в частности, устойчивое сочетание *иметь свою руку* (где-либо, например, в министерстве – о человеке, **действующем** в чьих-либо интересах).

В других случаях – по отношению к другим денотатам функциональный аспект осмысления части в составе целого при переносе оказывается не актуальным, хотя функции этих (разных!) «частей» очевидны для говорящего. Приведем в качестве примера метонимические переносы в сфере обозначения средств транспорта, прежде все-

го автомобиля. В этой функции используются такие названия частей, как *мотор, колеса, руль*: *Едва удалось поймать мотор*; *Я сегодня на колесах*; с несколько иным акцентом – *За рулем – известный гонщик*. В этих случаях наблюдается синонимия между разными способами метонимического обозначения автомобиля, и функция многообразного метонимического обозначения автомобиля через его части иная – прежде всего экспрессивная.

Обычно же в сфере обозначений артефактов используется название одной типичной для них (и вместе с тем отличительной) части и не наблюдается многообразия переносов по модели часть – целое: *Прилетели два борта* (о самолете и вертолете); *В ходе операции изъяснили несколько стволов* (об оружии).

Аналогичная картина наблюдается в сфере обозначений животных посредством лексемы *голова*: *Стадо в тысячу голов*. Между тем при потребности в экспрессии возникают иные метонимические обозначения животного по его части, например: *По килограмму мяса – на один хвост* (или – *в одни лапы*). Можно предположить, что выбор той или иной части тела животного при этом сравнительно безразличен, т.е. функциональный аспект соответствующей части целого (головы, хвоста, лап – у животного) оказывается не актуальным, главное – эффект известной неожиданности, обеспечивающий экспрессию высказывания.

Однако в том случае, если возникает потребность в актуализации какого-либо конкретного аспекта животного, наблюдается мотивированный выбор части для обозначения животного в целом: *Не кот, а кишка!* (о прожорливом животном). Кстати говоря, экспрессивная функция в сфере обозначения человека тоже может повлечь неожиданный (и, по сути дела, – немотивированный ситуацией) выбор части тела, например: *На вечеринку собираем по тысяче рублей с носа!* – с человека.

Нередки в речи метонимические словоупотребления, которые допускают множественную интерпретацию – как фреймовый или пропозициональный тип. К ним, по нашим наблюдениям, относятся результаты переноса названия с материала на изделие из этого материала (*фарфор, дерево, глина, золото, медь, серебро, мех, парча, принимаем пластик, ситец*). Фреймовый тип метонимии представлен в выражениях: *девочка в ситце*. Однако метонимическое употребление таких слов в выражениях *кроить ситец* (ср.: *кроить платье*) обнаруживает пропозициональную логику переноса. См. об этом далее.

2.2. Пропозициональная метонимия

Пропозициональная метонимия наблюдается в сфере слов разных частей речи: существительных, глаголов и прилагательных (последние при этом выступают в синтаксической роли определений). Реализация общего принципа, лежащего в основе метонимии этого типа, на лексическом уровне имеет специфические формы. Поэтому разные проявления влияния пропозициональной структуры на языковой (лексико-семантический) уровень при развитии метонимии будут рассмотрены в двух подразделах: «Пропозициональная метонимия существительных» и «Пропозициональная метонимия глаголов».

2.2.1. Пропозициональная метонимия существительных

Этот тип лексической метонимии в направлениях переносов (и лежащего в их основе сдвига фокуса внимания) отражает структуру концепта другого типа – пропозиции, которая аккумулирует знания о ситуации. Н.Н. Болдырев пишет: «Пропозициональная структура, или пропозиция – наиболее распространенный способ концептуальной организации нашего знания. Она представляет собой модель события как определенной области нашего опыта, в которой вычленяются элементы – аргументы и базовый предикат, связывающий эти аргументы...» [11, с. 54]

Другими словами, пропозиция как тип концепта характеризуется иным способом организации, хранения в сознании и воспроизведения в речи знания о действительности. Концепт-пропозиция организует знания о денотате в аспекте его типовых ситуативных связей с другими денотатами, то есть в категориях компонентов ситуации – актантов и сирконстантов: субъекта, объекта, адресата, орудия, инструмента, средства, места, времени и т. д. (в другой терминологии – агенса, пациенса, экспериенцера, бенефактива и нек. др.).

Метонимические переносы, предопределенные структурой концепта-пропозиции, также представляют собой манипуляции словом в логике отношений *целого и его частей*. Однако в качестве частей выступают не соположенные, статично осмысляемые (как во фреймовой структуре) компоненты одной денотативной сферы, а компоненты, организованные конкретной ситуацией и осмысляемые через

соотношение названных выше категорий субъекта, объекта и т. д. Целым в этом случае мыслится представление о всей ситуации-событии.

В рамках пропозициональной метонимии при описании удобно противопоставить **три разновидности**, различающиеся вектором переноса названия:

1) с ситуации как целого на ту или иную часть – на какой-либо компонент этой ситуации,

2) с той или иной части (компонента) ситуации на ситуацию в целом и

3) с одной части (одного компонента) на другую часть (другой компонент) в рамках одной ситуации.

Рассмотрим названные разновидности переноса подробнее.

2.2.1.1. Перенос названия с ситуации на компонент этой ситуации

Первая разновидность пропозициональной метонимии выражается в известных моделях метонимических переносов «действие → субъект действия», «действие → результат (объект) действия», «действие → место действия», «действие → средство/инструмент действия», которые охватывают большие лексические массивы. Например:

защита – «ситуация-событие, действие» и «состав защитников»,
остановка – «ситуация-событие, действие прекращения движения» и «место этого действия»,

упаковка – «действие упаковывания», «средство, используемое для упаковывания – бумага и т. п.» и «результат этого действия – упакованный объект».

Эта разновидность пропозициональной метонимии представляет собой перенос названия с «целого» (ситуации, названной по характеру организующего эту ситуацию действия – защиты, движения, остановки, упаковывания, а также купли, продажи, созидания, других конкретных типов действия) – на ее «части»: субъект, или объект, или орудие, или место и др. Перенос названия с ситуации на ее части по понятным причинам наиболее широко распространен среди отглагольных существительных, опредмеченно называющих **ситуацию в целом**: *суд, работа, смена, вязанье, руководство, стройка, мойка, заплата, печать, стрижка, заказ, посылка, жалоба, доставка, вывих, растяжение, перелом, проверка, контроль* и т. п.

Название целой ситуации в результате переноса становится названием того или иного компонента либо аспекта данной ситуации, т.е. названием ее **части**. Приведем примеры: *Суд состоится завтра* (ситуация в целом, обозначенная через действие) – *Суд удалился на совещание* (судьи как субъекты действия) – *Дети остановились около суда* (место действия).

Ср. два предельно близких выражения, в которых воплощаются разные (метонимически связанные) значения: *Нам предстоит идти на суд* – *Нам предстоит идти в суд*. В первом случае существительное *суд* называет действие (рассмотрение дела членами суда), во втором – место (учреждение); в связи с этим соотносительные предложно-падежные формы имеют разные синтаксические функции – выражают цель и место действия.

Для демонстрации массового характера этой разновидности позиционной метонимии приведем (далеко не полные) списки существительных, которые регулярно используются в метонимически производных значениях и имеют эти вторичные значения в качестве системных лексико-семантических вариантов.

Действие → **субъект**: *совет, суд, защита, обвинение, нападение, руководство, охрана, съезд, сбор, собрание, замена, смена, разведка, следствие*. Приведем текстовые примеры: *Проверка на факультет уже приехала*; *Разведка вернулась в отряд*; *Вечерняя смена заступила на работу*; *Суицид возьмете?* (в речи врача «Скорой помощи»); *...хотелось ... молча взять его за руку и заплакать над Машиной оборвавшейся жизнью* (К. Симонов); *Главной же точкой, как и в прежнее время, все была Анята, дорогая и единая дочь, светлое упование стареющей жизни* (Б. Зайцев).

Действие → **объект**: *совет, работа, труд, исследование, вязание, плетение, варение, соление, печение, накопление, сбережение, сбор, решение, сочинение, писание, письмо, описание, анализ, заимствование, замена, вклейка, раскраска, обивка, вставка, добыча, издание, редакция, изменения, дополнения, поправка, добавка, выделение, подчеркивание, объединение, стрижка, облицовка, стройка, воспоминания, съемка, запись, заказ, консультация, предложение, требование, просьба*.

Действие → **место**: *стройка, мойка, вход, выход, переход, поворот, объезд, спуск, подъем, остановка, зимовка, обрыв, переправа, консультация, суд*.

Действие → **средство** (материал как средство): *замазка, упаковка, обивка, облицовка, окантовка.*

Действие → **инструмент** (оборудование): *мойка, печать, свисток, зажим, поднос, прицел.*

Действие → **время**: *миг, мгновение, обед, ужин, революция, перестройка.*

Выбор компонента ситуации (субъекта, объекта, средства, места и др.), который получает метонимическое обозначение по имени всей ситуации, зависит от коммуникативной потребности – от того, что оказывается наиболее важным для отражения ситуации, входит в фокус повышенного внимания говорящего.

Как можно видеть из приведенных выше списков, одно и то же название ситуации, помимо основного значения (конкретного действия), может приобретать *несколько* вторичных, метонимически производных значений, образованных по логике пропозициональной метонимии, в частности:

совет – «субъект» («члены совета как органа»: *совет* *провел заседание*) и «объект» («рекомендация»: *благодарю за полезный совет*);

сбор – «субъект» («те, кто собрались»: *Пионерский сбор дружно проголосовал*) и «созидаемый объект» («то, что собрано»: *валовой сбор зерна; потогонный сбор, слабительный сбор*);

замена – «субъект» («те/то, кто/что заменяет») и объект («те/то, кем/чем заменяют»);

облицовка – «средство, материал» («то, чем облицовывают») и «созидаемый объект» («результат облицовывания»);

стройка, консультация – «созидаемый объект» и «место действия»;

упаковка – «средство» и «созидаемый объект»;

печать – «инструмент» и «созидаемый объект».

В речи нередки случаи недифференцированного выражения двух метонимически связанных значений слова (неразличение двух ЛСВ – «ситуация-процесс» и «субъект») Так используется, например, слово *следствие* в следующем тексте: *Недавно депутат Госдумы Оксана Дмитриева инициировала расследование в отношении «Роснано». Генпрокуратура, куда обратилась парламентарий, ее обеспокоенность тем, куда делись потраченные государством деньги, разделила. По версии следствия, руководители «Роснано» причастны к растрате 300 млн рублей (<http://news.rambler.ru/economics/31104028/>): версии, вытекающей из **материалов следствия**, и версии **следователей**.*

Интересно сопоставить семантику слова *следствие* с семантикой слова *генпрокуратура* в приведенном тексте: на первый взгляд, слово *генпрокуратура* выступает здесь в значении «прокуроры» – учреждение-сотрудники (*генпрокуратура разделила ее обеспокоенность*), однако в соседней конструкции (*куда [в генпрокуратуру] обратилась парламентарий*) генпрокуратура осмысливается как учреждение-место. Таким образом, это слово в данном случае также выступает в тексте в семантически недифференцированном виде и отражает, на наш взгляд, фреймовое (а не пропозициональное) представление о прокуратуре как денотате.

2.2.1.2. Перенос названия с компонента на ситуацию в целом

Вторая разновидность пропозициональной метонимии имеет противоположный вектор переноса названия – с той или иной **части (компонента) ситуации на ситуацию в целом**. Представим ее частные виды.

Наиболее часто регистрируется перенос **с места на ситуацию**, которая локализована в этом месте. Такой перенос отражен в словарных толкованиях некоторых лексем, в частности слов *дорога* и *путь*. Обратимся к Большому толковому словарю С.А. Кузнецова [12] (прямое и производное значение ситуации-события выделены нами полужирным шрифтом):

ДОРОГА 1. **Полоса земли**, служащая для езды и ходьбы. *Проселочная д. Шоссейная д.* 3. **Передвижение; путешествие, поездка.** *Утомительная д. Запасти провизии на (в) дорогу. Долго пробыть в дороге. Устал с дороги* (после поездки, путешествия). *Молчал всю дорогу* (во время всей поездки). *Выпить чаю на дорогу* (перед поездкой). *Присесть перед дорогой* (русский обычай, когда провожающие и отъезжающие перед выходом из дома на несколько минут садятся). *И невозможное возможно, Дорога дальняя легка* (Блок).

ПУТЬ. 1. **Полоса земли**, служащая для передвижения (езды и ходьбы); дорога. *Проложить новый п. Прямой, извилистый п. Зимний, летний п.* 7. **Передвижение куда-л.; поездка, путешествие.** *Долгий, дальний, трудный, утомительный п. Простудиться в пути. Итак, друзья, в добрый п.! Счастливый, добрый п.; счастливого, доброго пути* (пожелание благополучия отбывающему, уезжающему). *По пути* (во время передвижения, путешествия; мимоходом, попут-

но). *Пути не будет кому-л. (разг.; не будет удачи во время поездки, путешествия).*

В качестве текстовых иллюстраций употребления слова *дорога* в производном значении «поездка, путешествие» приведем следующие фрагменты: *Долгая дорога домой; Заснув в фуре после долгой и утомительной дороги, дальнობойцик чуть не лишился всех запасов топлива* (<http://619.com.ua/tegi/utomitel'naya-doroga>); *Автобусная экскурсия Египет – Иерусалим – Вифлеем – Мертвое море (Израиль) – Очень интересная экскурсия, но утомительна дорога* (http://otzovik.com/review_302721.html); *Первая часть дороги... всегда... медлительна. Средние часы дремотны, последние – скоры* (В. Набоков).

Этот тип переноса отражен и в семантике заимствованных слов, например, лексема **форум** в латинском языке называло центральную площадь, на которой проходили собрания; а в русском языке оно закрепилось во вторичном значении «представительное собрание».

Наиболее часто в метонимически производном значении используются названия стран и населенных пунктов, которые широко известны (в истории или в данный момент) как место значимого события: войны, террористического акта, резонансной встречи государственных деятелей, заключения международного соглашения, крупного фестиваля и мн. др.

Приведем текстовые примеры, в которых в указанной функции выступают лексические единицы *Афганистан, Сирия, Чечня, Париж, Давос, Рейкьявик, Ялта, Майдан*:

В качестве потенциального нового руководителя компании некоторые аналитики называли отставного полковника, прошедшего до СВО Афганистан, Чечню, Сирию (в составе ЧВК) и курировавшего базу «музыкантов» в Молькино (Моск. комсомолец); Антон Елизаров – герой России, ДНР и ЛНР. Он уроженец Ростовской области, был кадровым десантником (окончил Рязанское училище), командовал ротой, служил в спецназе, прошел Чечню (Моск. комсомолец); Похоже, что у нас во всем Чечня [о состоянии дел в правоохранительных органах, в экономике, финансах] (Г. Греф); Европейцы боятся новой Ялты (в Ялте состоялась встреча И. Сталина, Д. Рузвельта и У. Черчилля, на которой были закреплены итоги второй мировой войны, установлены границы государств послевоенной Европы и т. п.); Террористы, двое из которых были ликвидированы, а один задержан

в Бельгии в четверг, планировали теракты, которые могли стать «вторым *Парижем*» [о расстреле членов редакции сатирического журнала], заявил бельгийской газете источник в министерстве юстиции страны. <...> «*Предотвращен второй Париж*. Оставалось несколько часов до того, как атака могла быть проведена в нашей стране», – заявил газете источник в министерстве юстиции (<http://news.rambler.ru/28730507/>); Прошло несколько *Давосов* с нашим участием; (после избрания Трампа президентом США на этапе резкого ухудшения отношений между Россией и США) – *Стоит ли ждать второй Рейкьявик?* (столица Исландии, в которой состоялась первая встреча М. Горбачева и Р. Рейгана, с которой началось сближение между странами); *Эксперты объяснили «МК» метаморфозы бывшей «житницы СССР»*. Чем бы ни закончился *Майдан*, кто бы ни встал у руля страны – разворачивать «Титаник» украинской экономики все равно придется, пока не налетел на айсберги (МКРУ. 2014).

Пропозициональные переносы одной лексемы и в этой разновидности метонимии могут быть неоднородными. См., например, векторы переноса и семантику лексемы *Минск*, в исходном значении называющей город – как **место** события, а в переносных, метонимически производных значениях – **событие (ситуацию) в целом** и основные компоненты этой ситуации – **субъект** и **объект**:

– событие: *Минск-2* длился шестнадцать часов; *Не исключаю, что потребуется и Минск-3, и Минск-4* (С. Иванов) – «переговоры по урегулированию военного конфликта в Донбассе»;

– объект: *В сентябре прошлого года, после августовского контрнаступления, когда тот же Мариуполь можно было взять буквально за пару дней, войскам приказали остановиться, и был заключен «Минск-1»* (Т. Фельгенгауэр) – «договор между противоборствующими сторонами как результат переговоров»; *Минск-2 должен быть исполнен до конца* (С. Станкевич) – «план урегулирования как результат переговоров»; *Минска уже нет* (РТР. Вечер с Владимиром Соловьевым) – об утратившем силу договоре;

– субъект: *Обсуждал ли этот вопрос Минск-2?* (Д. Куликов) – «участники переговоров»).

Другим примером многовекторного переноса в современной речи может служить слово *майдан*: в исходном значении оно называет площадь в Киеве (Майдан Незалежности), а в метонимически произ-

водных значениях именуется протестные выступления в Киеве в 2004 и в 2014 годах (центром которых была названная площадь), а также участников этих выступлений.

Однако широкое распространение многовекторного переноса одного названия на несколько денотатов (на ситуацию в целом и/или на субъект, объект, орудие и т. д.) ограничивается возникающими при этом коммуникативными неудобствами.

Нередко встречается перенос названия **с субъекта на ситуацию**, участником которой он является. В такой функции регулярно используются в речи названия административных или общественных органов, подразделений – лексемы *совет, комиссия, ректорат, кафедра* и мн. др. для обозначения события – заседания, сессии, совещания, иных действий этих органов: *Завтра будет совет* (= заседание совета); *Скоро состоится кафедра*; *На ректорате обсуждались экономические вопросы*; *После ректората назначено собрание*; *Я сейчас иду на комиссию*.

В логике переноса по этой модели вовлекаются и названия новых организаций, сообществ, ср.: *На следующей неделе соберется большая восьмерка* (наименование субъектов – глав восьми государств) – *Мы готовимся к «восьмерке»* (В. Путин) – о заседании глав государств.

Отметим случаи переноса названия **с времени на ситуацию** – событие, происходящее в течение этого времени. Этот вектор переноса наиболее типичен для лексемы *вечер*, которая в исходном значении называет время суток, а в метонимически производном значении – мероприятие или событие, происходящие в течение вечера. Например: *поэтический вечер, музыкальный вечер, вечер встречи выпускников*. Словарь С.А. Кузнецова [12] отражает этот тип многозначности:

ВЕЧЕР 1. Часть суток от окончания дня до наступления ночи. *Наступил в. Поздний в. День клонится к вечеру. Семь часов вечера.*
2. Вечернее общественное **собрание**, посвященное чему-л.; вечернее **представление**. *Литературный в. Творческий в. Школьный выпускной в. Новогодний в. Танцевальные вечера. В. балета.* 3. **Встреча друзей, знакомых, близких** в вечернее время для общения, развлечения, празднования чего-л. (обычно с угощением). *Званный в. Устроить семейный в. Дает балы и вечера.*

Приведем текстовые примеры употребления слова *вечер* для обозначения события: *Среди других мероприятий – ретроспектива его фильмов, выставка акварелей местной изостудии, показ видеопро-*

граммы, литературно-музыкальный **вечер** («Экран и сцена»); В жениховом доме тоже **устраивали прощальный вечер** («вечерок», «мальчишник»), на который собирались друзья и родственники жениха («Народное творчество»); С помощью друзей был **устроен вечер стихов** (Г. Иванов); ... 5 декабря 1953-го **устроен был в Париже его вечер** (Г. Иванов); На этот раз гостей было гораздо меньше – 250–300 человек – примерно четверть от собравшихся в день похорон, – рассказал «Известиям» один из участников траурного **вечера** (<http://news.rambler.ru/17429408/>).

В такой же функции обозначения события используются слова **день** (ср.: *День медицинского работника* – «праздник»), **неделя** (*Неделя русского языка*), **год** (*Год литературы*, *Год педагога и наставника* и т. п.) и др. Приведенные и подобные названия в метонимически производном значении подразумевают проведение комплекса массовых мероприятий соответствующей тематики в течение этого времени.

В такой функции используются, особенно в разговорной речи, и другие лексемы, называющие временные периоды: *Давайте вспомним этот **день*** (о событиях этого дня); *Спасибо! Ты сделал мой **день!*** **Февраль и октябрь** – звенья одной цепи (о февральской и октябрьской революциях в России в 1917 г.) (С. Кургинян). Приведем пример индивидуально-авторского воплощения словом **день** «событийной» семантики: *Приду домой. Закрою двери. / Оставляю обувь у дверей. / Залезу в ванну. Кран открою. / И ... просто **смою этот день*** (В. Высоцкий) – за словом **день** стоит комплексное представление, в составе которого актуализована событийная и эмоциональная «части» (дешифровка этого фрагмента не исключает множественной, в том числе гештальтной интерпретации, если учесть и аспект «переживания» событий дня).

Как следует из представленного перечня разновидностей пропозиционального переноса (перенос слова с целого на часть и с части на целое), переносы обладают обратимостью: это доказывает их случайный характер, устойчивость отношений, на которых они базируются.

2.2.1.3. Перенос названия с одного компонента ситуации на другой

Третья разновидность пропозициональной метонимии отражает отношения смежности **между компонентами** одной ситуации, на этой основе происходит перенос названия с **одной ее части** на дру-

гую (с одного компонента ситуации на другой). Она представлена также частными разновидностями.

Наиболее распространенным вектором переносов этого типа является перенос с **субъекта** на **объект**. Эту разновидность метонимического значения развивают прежде всего названия лица. Она широко распространена в непринужденной, разговорной речи, но проникает и в другие коммуникативные сферы. Например: *читать Блока, Маркса, Виноградова; играть Рахманинова, Бетховена, слушать Шостаковича; купить Рембрандта, выставить Левитана; пойти на Рязанова* (фильм), *пойти на Гурченко* (фильм, спектакль), *сходить на Пугачеву* (концерт); *Продажи «Калашникова» выросли на треть*; [о занятиях, зачетах и экзаменах – в речи студентов] *сдать Зиброву, пойти на Скобликову, сделать конспект по Журчевой, уйти с Марь Ивановны*; [о работах студентов и преподавателей в речи преподавателей] *читаю Горгуленко* (курсовую работу этого студента), *проверяю Тверитневу* (контрольную работу); *Сажусь за Полину* (за дипломную работу студентки Полины); *Сажусь за Михаила Васильевича* (за анализ тестов, подготовленные М.В. Бондаренко) (А. Харьковская).

Проиллюстрируем переносы этой разновидности пропозициональной метонимии с другими частными векторами.

С **орудия** на **субъект**: *Флейта часто ссорится с кларнетом* (о музыкантах оркестра); *Лучшее перо губернии* (о журналисте); *Золотая перчатка* (о боксере); *Камеры прошу удалиться* (команда операторам по завершении протокольной части официальной встречи). В этих случаях инструмент именуется человека вместе с его инструментом (*камера*) либо в связи с его инструментом в данной ситуации (*флейта, кларнет, перо, перчатка*).

С **объекта** на **субъект**: *Математика заболела* (из речи школьников); *Политология сегодня опоздала* (из речи студентов); *Роман «Евгений Онегин» показывает панораму русской жизни первой трети XIX века* (= автор показывает в романе панораму русской жизни); *Диссертация подводит к парадоксальному выводу*.

С **времени** на **субъект** и его действия: *Поклонимся великим тем годам, Тем славным командирам и бойцам...* (М. Львов).

С **субъекта** на **место** действия: *Когда и где мы с вами пересечемся? Давно мы с ним не пересекались* (ср.: *наши дороги / маршруты не пересекались*).

Многообразные разновекторные переносы, рассмотренные в данном разделе, подтверждают высказанное положение о том, что век-

торы переносов обнаруживают единую когнитивную логику – они очерчивают отношения между компонентами ситуации, основанные на партитивном принципе. Именно эта когнитивная логика, базирующаяся на пропозициональной структуре пропозиции и дополненная фактами двунаправленных переносов, приводит к выводу о единстве этих типов и подтипов метонимических переносов.

Отметим, что наиболее близко к этой логике подошел в своей классификации метонимии Ю.Д. Апресян, объединивший в рамках актантной метонимии целый ряд частных переносов их связью на основе отношений действия и других компонентов ситуации. См. их перечень выше, на с. 15–16.

Как показано выше, частичное отражение пропозициональная логика метонимии нашла и в выделении логической метонимии, а также в выделении пространственной, временной, каузальной метонимии. Однако в названных работах эти типы не были объединены общей логикой, т.к. в них использовался традиционный лексикологический либо семасиологический подход, тогда как для объединения этих разновидностей требовалась опора на когнитивный принцип – связь метонимии с ментальной единицей – пропозицией как типом концепта.

2.2.2. Пропозициональная метонимия глаголов

Глагольной метонимии в целом, как известно, ученые уделяют меньшее внимание, нежели субстантивной и адъективной. Описывается она при этом на несколько иных основаниях и в иной терминологии. В учебной литературе она, как правило, представлена отдельными примерами – достаточными для иллюстративных целей. Например, в работах Д.Н. Шмелева: *косить траву* и *косить сено*, *варить ягоды* и *варить варенье* и ряд подобных фактов рассматриваются в логике соотношения двух объектов при одном глаголе (объект воздействия и создаваемый объект), которые обуславливают в соответствующих сочетаниях разные значения глагольного слова. При этом ученый обращает внимание еще на один вид и соответственно иной семантический эффект метонимического употребления глагола – «совмещение» значений в условиях «обратимых» действий: *выжать сок из лимона – выжать лимон*, *прибрать в комнате – прибрать комнату* [93, с. 99-100].

Как факт вторичной метонимизации значения признаков слов, основанной на разных видах смежности характеризуемых ими предметов, приводит такие примеры Н.Д. Арутюнова – «*завязать шнурки*» и «*завязать ботинки*» [6, с. 300–301]. Аналогичные факты приводятся в учебнике Л.И. Рахмановой и В.Н. Суздальцевой, обращающих внимание на смежность предметов, выступающих в качестве двух разных объектов: *выколотить пыль из ковра* – *выколотить ковер* [70, с. 325].

Более пристальное внимание глагольной метонимии первым уделил Ю.Д. Апресян, указавший в систематическом перечне 16 видов соотношения прямого и метонимически производного значений глагола (как регулярных, так и более редких), среди которых он называет, в частности:

– «деформировать определенным способом» – «каузировать этим способом»: *бурить землю* – *бурить скважину*;

– «обрабатывать определенным способом» – «удалять этим способом»: *стричь голову* – *стричь волосы*;

– «движение» – «каузация движения»: *самолет вырывается на старт* – *вырывать самолет на старт*;

– «закрывать» – «преграждать доступ закрытием»: *закрыть дверь* – *закрыть комнату*;

– «неавтономное перемещение» – «автономное перемещение»: *ехать* (человек на машине – машина). [5, с. 522]

О когнитивном аспекте этого типа метонимии – в связи с эффектом смещения фокуса внимания пишет Е.В. Падучева [64].

В нашей статье [39] этот тип глагольной метонимии рассматривается в ряду сходных явлений, отражающих на языковом уровне сдвиг фокуса внимания – в частности, наряду с **меной лексического наполнения позиции грамматического субъекта** при глаголе при отражении одной и той же ситуации (*Водитель привез товар* – *Грузовик привез товар* – *Поставщик привез товар на грузовике*). См. об этом выше, с. 28, п. 3.

Глубинная общность названных явлений заключается в том, что все они связаны с **пропозицией** как ментальной единицей и представляют разные, хотя и сходные результаты, различающиеся лишь способом актуализации / нейтрализации того или иного актанта в проекции на язык.

С когнитивной точки зрения отражаемая ситуация и организующее ее действие (либо иной процесс) в результате сдвига фокуса

внимания предстает в разной коммуникативной перспективе – с выдвижением на первый план того или иного из нескольких объектов (обрабатываемого или создаваемого, например).

Нужный коммуникативный эффект при сдвиге фокуса внимания в этом случае создается не переносом глагола, а другим языковым приемом – меной объектов: *варить ягоды – варить варенье* либо меной глаголов *бросать мяч – ловить мяч, продавать платье – покупать платье*.

Обратим здесь внимание на другое явно метонимическое употребление глаголов. Предложение *Уже неделю лежу в больнице* именуется времяпрепровождением комплексного характера и означает: не только занимаю преимущественно горизонтальное (пассивное) положение, но и принимаю процедуры, прохожу лечение. Аналогичную природу обнаруживают следующие выражения: *Давайте соберемся и посидим в ресторане; Целыми днями сижу в библиотеке / за компьютером*.

Эти и подобные примеры допускают, на наш взгляд, двойную интерпретацию – как пропозициональный тип метонимии (в его гештальтной разновидности) и как сценарный тип метонимии. См. об этом подробнее в соответствующих разделах (с. 72, 82-83).

Другая, не менее частотная разновидность глагольной метонимии относится к собственно сценарному типу и будет рассмотрена в следующем подразделе.

2.3. Сценарная метонимия

Сценарная метонимия, которая практически не привлекала внимание исследователей, была выделена именно благодаря предлагаемому когнитивному принципу типологии метонимии – разграничения и квалификации ее типов на основе связи переноса с конкретным типом концепта.

Если выделение фреймовой и пропозициональной метонимии происходило в процессе разработки предлагаемой нами типологии путем объединения на новой методологической основе ранее выделенных учеными разновидностей субстантивной метонимии (пространственной, временной, логической, атрибутивной и т. д.), то нахождение в речи («открытие») сценарной метонимии было продиктовано логикой методологического когнитивного принципа: если в речи существует фреймовая и пропозициональная метонимия (предопределенные

структурой двух типов концептов), то не может не быть фактов метонимии, предопределенных структурой сценария. Таким образом, новый тип метонимии был «открыт» дедуктивно.

Данный тип лексической метонимии базируется на структуре сценария как разновидности концепта. Под сценарием понимается «последовательность стереотипных эпизодов (этапов или элементов), развивающаяся во времени и пространстве» [2, с. 75]; «процедурный способ представления стереотипного знания, который формулируется в терминах алгоритма и инструкции» [45, с. 120]. В качестве примеров концепта-сценария ученые приводят организацию знания о посещении поликлиники, посещении театра и кино, о процедуре экзамена, о процессах игры, драки, экскурсии.

События сценарного характера могут обозначаться в общем виде (*Сын поступил в университет; Она лечилась в этой больнице; Я сходила в магазин за платьем*) либо с перечислением конкретных актов (*Я сходила в магазин, выбрала платье и купила его*).

Однако во многих случаях многоактные события и деятельность сценарного характера именуется метонимически – посредством сценарной метонимии.

Сценарный тип метонимии наиболее характерен для глагольной лексики. Он наблюдается при номинации событий – сложных, многоактных действий, при номинации деятельности комплексного характера (обучение в университете, свадьба), осмысляемой как некое «целое». Принцип метонимической номинации в этом случае сводится к **использованию слова, именующего один акт (часть сценария) из цепочки действий, для именованя всего комплекса действий.**

В соответствии с логикой сценарной метонимии для номинации сложного «целого» могут использоваться имена разных действий – в одних случаях начальных, в других – финальных, в третьих – средних, при этом не всегда существенных. В тех случаях, когда в роли названий всего комплекса действий используются названия «существенных» действий, метонимия не ощущается, и напротив: если в этой функции используется название «технического» действия-этапа, метонимический характер глагольного именованя комплексного события ощущается явственно.

Рассмотрим несколько примеров, в которых для обозначения деятельности сценарного характера используются названия либо начального, либо центрального (срединного либо итогового), либо конечно-формального акта.

В выражении *Подойди к телефону* – названное действие буквально означает лишь приближение к телефону, однако предметом номинации является комплекс действий: подойти к телефону, взять трубку и – главное – поговорить по телефону, а также положить трубку. Ср. другой метонимический способ обозначения того же действия: *Возьми трубку* (телефона). В этом случае для номинации комплекса действий выбрано другое действие как «часть» сценария – манипуляция с трубкой телефона. В обоих случаях использовано название начального действия многоактного события.

При выборе лексемы, называющей центральный акт в комплексе действий (*Поговори по телефону / Ответ на звонок*), метонимический характер обозначения ситуации не очевиден.

Эвфемистическое выражение *Закрой дверь с той стороны!* обозначает категорическое побуждение покинуть помещение, нежелание взаимодействовать с лицом и представляет собой пример сценарной метонимии. В этом случае обозначением события сценарного характера служит название последнего (при этом важно – «технического»!) акта.

Ср. еще один способ обозначения тех же комплексов действий: *Позвони мне сегодня* или *Ответь ему на звонок; Покинь помещение*. Они не воспринимаются как метонимические обозначения сценария, поскольку буквально именуют центральный акт многоактного действия, на фоне которого другие акты предполагаются как само собой разумеющиеся, имеющие «технический» характер.

Рассмотрим несколько примеров обозначения многоактного события, в номинации которых регулярно используется сценарная метонимия.

По нашим наблюдениям, наиболее частотны в качестве метонимического обозначения многоактных событий глаголы движения.

Так, выражение *Надо сходить к врачу*, буквально называющее лишь перемещение, метонимически обозначает комплекс действий: попасть на прием к врачу, получить консультацию либо взять справку, возможно, обследоваться, получить назначения и т. д.

Тот же глагол применительно к другой ситуации может метонимически обозначать иные комплексы действий, среди которых собственно перемещение не является центральным, ср.: *Я уже ходил сегодня в магазин* (= сделал покупки) / *ходил на почту* (= отправил посылку, получил перевод); *Как вы сегодня себя чувствуете?* – *Сегодня я пойду на работу / на занятия* (= буду работать, т.е. чувствую себя неплохо).

*Ребенок уже **ходит** в детский сад* (= проводит там время, играет с детьми, проходит обучение, принимает пищу, спит, гуляет и т. д.), ***ходит** в школу* (=учится), ***посещает** кружок* (=рисует, конструирует, поет, танцует).

*Собираюсь **сходить** в библиотеку* (взять книги, возможно, почитать там книги, сделать выписки, конспекты, составить библиографию и т. д.).

*Я **ходил** вчера в театр* (в разных ситуативных условиях эта фраза, означая комплексный характер деятельности, именуется совершенно разным набором действий при разном статусе субъекта действия – зрителя, актера, критика, сантехника, инспектора по пожарной безопасности и т. д.). См. также: *сходить в деканат – в бассейн – в парк – на субботник – на митинг* и мн. др.

Даже вне контекста фразы типа *Надо **подойти** завтра к директору*, как и приведенные выше фразы, означают для собеседника, что речь идет о комплексе действий, состав которых до известной степени понятен, а необходимую конкретизацию получает в ситуации или контексте (познакомиться с директором, или побеседовать, или обратиться с просьбой либо предложением, вопросом, жалобой и т. д.).

Глагол движения, указывающий на другой способ перемещения (с помощью транспорта), выполняет ту же функцию метонимического обозначения комплекса действий, входящих в понятие об отдыхе: *Давай **съездим** к морю!* (купание, загораживание, прогулки и многие другие действия, чаще всего связанные с отдыхом).

Как вы сюда добрались? – ***Вызвал такси / купил билет на поезд / попросил соседа довезти.***

В условиях широкого использования глаголов движения для метонимического обозначения комплекса самых разных действий в разных сферах деятельности возникает вопрос: каким образом происходит различение принципиально разных видов деятельности, метонимически кодируемых одной и той же глагольной лексемой?

Определяющую роль при этом играет присутствие в контексте (или в ситуации) названия конкретного концепта-фрейма (или ключевого для этого фрейма понятия). Этот концепт-фрейм и подразумевает определенный тип деятельности, ср.: *ходил на **почту**, в **магазин**, в **поликлинику** (к **врачу**), в **театр** (на **спектакль**, на **Чурикову**), в **библиотеку**, в **ресторан**, на **пляж**, в **туалет**; и др.*

Ср. метонимическое обозначение узнаваемых ситуаций: [полицейский] *Пройдемте в отделение; Не **подходи** к холодильнику после 19 часов; Давай **пройдемся***. Таким образом при номинации деятельности сценарного характера тесно взаимодействуют два типа концепта: фрейм и сценарий, актуализирующие в сознании участников общения знание о денотативной ситуации.

В процессе функционирования в логике сценарной метонимии, наряду с глаголами движения, при обозначении многоактной деятельности могут использоваться наименования разных конкретных действий, из которых она складывается. Эти разные номинации (в их составе часто оказывается и глагол движения) становятся дискурсивными синонимами. При этом, как уже говорилось, в тех случаях, когда многоактная деятельность обозначается через номинацию ее центрального акта, метонимическая логика этой номинации не бросается в глаза, хотя и в этом случае именуется в буквальном смысле лишь один акт из комплекса действий, например: *Я уже **купила** хлеб* (ср.: *Я уже **сходила** в хлебный магазин*).

Ср. аналогичные примеры номинации посещения столовой: *Сегодня в столовой я **ела** / **брала** гречневую кашу*. Оба выражения кодируют одинаковый набор действий: ходила, брала блюдо, оплачивала его стоимость, ела названное блюдо, но метонимический характер обозначения события в случае использования глагола *ела* не очевиден в отличие от фразы с глаголом *брала*. Безусловно метонимическим является обозначение того же события посещения столовой через название более частного действия: *Будешь обедать? – Нет, я **ходила** в столовую; Садитесь с нами пить чай. – Я только что (**пришла**) из буфета*. Применительно к обеду в ресторане в этой функции используется глагол *заказывала*, также называющий лишь одно из многочисленных частных действий: *В ресторане мы вчера **заказывали** бефстроганов*.

В следующих примерах сценарной метонимии в качестве обозначения события используются глаголы, совмещающие семантику движения и

а) в одном случае – семантику *пространственного расположения*: *Давай завтра **встретимся***; эта фраза означает не только пространственное расположение двух лиц, но и более важные действия, являющиеся целью встречи, а также зрительное восприятие друг друга;

б) в другом случае – семантику *зрительного восприятия*: ***Загляните** к нам сегодня вечером*; в этом случае глагол зрения кодирует

знание о комплексной деятельности (обсуждение, празднование и мн. др.), в которой зрительное восприятие не имеет важного значения.

Любопытно, что та же ситуация может обозначаться глаголом зрительного восприятия, не являющимся глаголом целенаправленного действия. Фраза *Мы с ним сегодня **виделись*** может означать как мимолетную (и даже бесконтактную) встречу, так и какое-либо взаимодействие этих лиц: разговор, обсуждение, совместные действия. В последнем случае мы имеем дело с фактом сценарной метонимии.

Показательно, что во всех трех приведенных примерах сценарной метонимии с использованием разных по значению глаголов может обозначаться один и тот же комплекс действий: движение, зрительный контакт (взаимное восприятие) и, весьма вероятно, – взаимодействие, прежде всего речевое, которые в рамках типовых ситуаций сопутствуют друг другу.

Вообще глаголы с семантикой чувственного восприятия, действий сенсорного характера нередко используются для обозначения многоактного события, например: *Вы не могли бы **посмотреть** мою статью?* Эта фраза предполагает комплекс взаимосвязанных действий: прочитать, оценить содержание, логику, оформление и т. д. и высказать свою оценку. Аналогично: ***Прочитайте** мой рассказ; Научный руководитель **смотрел** мою картотеку;* а также с обозначением других способов восприятия: ***Послушайте** мои стихи; Прежде чем **покупать** рыбу, ее надо **понюхать**.*

См. разные варианты обозначения одного события с использованием сценарной метонимии: *Студент **приносил** – **показывал** – **сдавал** руководителю эту главу,* в которых в качестве названия «целого» события использованы именованные разных частных действий, из которых складывается событие.

Обратимся к вариантам метонимического обозначения другой ситуации, также предполагающей комплекс действий, – ситуации вступления в брак.

Эта ситуация состоит из нескольких актов и может называться обобщенно (*вступить в брак, жениться, выйти замуж*) либо по одному из актов (потенциально любому), то есть с использованием сценарной метонимии: *расписаться, окрутить, пропить*. Приведем примеры: *Они вчера **расписались*** (устная речь); *Еще третьего дня поп **окрутил** молодых* (В. Аристов); *Ну, Александр, поезжай, **пропивай** сестру, женихи к сестре сватаются* (разг. речь). Из приведенных фактов сценарной

метонимии требует пояснения, пожалуй, лишь один: кажущееся метафорическим выражение *окрутить* (молодых, новобрачных и т. п.) восходит к обозначению одного из этапов ритуала венчания – обвести жениха и невесту вокруг аналоя, а следовательно, представляет собой пример сценарной метонимии.

Прием сценарной метонимии широко используется при номинации смерти человека: *испустил дух, остановилось сердце, его не стало* (среди нас), *отпели, предали земле (закопали), простились, похоронили* – на фоне обобщенного наименования *умер*.

Приведем еще несколько примеров номинации комплексных действий в разных денотативных сферах с использованием сценарной метонимии:

В этом году Челябинской области 633674 школьника сядут 1 сентября за парты (АиФ) = будут учиться, см. другой пример сценарной метонимии из этой сферы: *1 сентября пойдут в школу / откроют буквари сто тысяч первоклассников*;

Сажусь за дипломную работу; Завтра сяду за тесты – за планы – за диссертацию – за статью;

Правительство запустило печатный станок = начало выпуск денег, увеличит денежную массу, повысит инфляцию и т. д.;

Брат ушел в армию; Друг перешел (на работу) в новую школу; Комментатор вышел в эфир; Сестра пишет диссертацию.

Помимо номинативной функции, которая при обозначении комплексной деятельности, в соответствии с законом экономии сил, является основной, сценарная метонимия может выполнять эвфемистическую и другие функции, например: *Сходим в туалет* (в разговорно-бытовой речи); *Устрой себе праздник!* (в рекламе спиртных напитков в условиях запрета их прямой рекламы).

Отметим, что единичные факты сценарной метонимии без какого-либо терминологического обозначения на фоне других случаев глагольной метонимии приведены в учебнике Л.И. Рахмановой и В.Н. Суздальцевой. Авторы замечают, что метонимический перенос глаголов может быть основан на смежности предметов (*кипятить воду – белье*) и на смежности действий: *магазин открывается* (= начинается торговля) *в 8 часов*.

К этому типу следует отнести и частный перенос, отмеченный в перечне А.А. Потемни: «наглядный момент действия или символическое действие – действие: *сесть на коня* – вместо *начать воевать*».

2.4. Гештальтная метонимия

Приведем развернутую характеристику Н.Н. Болдыревым этого типа концепта. «Гештальт – это концептуальная структура, целостный образ, совмещающий в себе чувственные и рациональные компоненты в их единстве и целостности, результат целостного, нерасчлененного восприятия ситуации, в котором целостный образ, будучи проще своих составных частей, доминирует над ними: недискретное, неструктурированное знание. <...> Гештальтом может быть конечный результат целенаправленного познавательного процесса (система определенных знаний, осознанное знание), когда человек обладает исчерпывающими знаниями об объекте [далее о концепте «Университет». – Н.И.], владеет разными типами концептов: у него сформировались и конкретный образ, например здания университета или лекции, и общая схема университета, и научное понятие высшего университетского образования, и последовательность этапов обучения (сценарий), и общая структура всех составляющих университета и университетского образования (фрейм). В последнем случае он выступает как концептуальная структура, объединяющая все выше названные типы концептов, которые постепенно вычлняются в процессе познания, актуализируя свой образный, понятийный, схематический, фреймовый и т. д. уровни или разные комбинации этих концептуальных сущностей. Все они тесно переплетаются в мыслительной и речевой деятельности человека, обеспечивая многообразие способов формирования смыслов языковых единиц в вербальной коммуникации и их понимание» [11, с. 55–56].

Из приведенной характеристики гештальта как комплексного типа концепта применительно к типологии метонимии принципиальными являются два положения.

1. Именно гештальт объединяет чувственную (образную, эмпирическую) и рациональную составляющие в знании о реалии. Иными словами, одной из отличительных черт этого типа концепта является особое проявление **отношений смежности**: в этом случае имеется в виду смежность **эмпирически конкретного, чувственно-наглядного** и – **абстрактного, понятийного, логического** аспектов реалии, ситуации (единство двух типов переработки знания, гетерогенных по своей природе, объединенных в рамках гештальта).

2. Вместе с тем этот тип концепта может воспроизводиться в речи фреймовой, пропозициональной либо сценарной структурой – как принципом организации знаний о денотате.

Таким образом, гештальтный тип метонимии не противопоставлен показанным выше типам метонимии: фреймовой, пропозициональной и сценарной метонимии, а сопоставлен с ними, представляет их разновидность.

Выделение гештальтного типа метонимии в ряду других связано с необходимостью обратить внимание на переносы между компонентами концепта с выраженными образными признаками (чувственно воспринимаемыми) и компонентами абстрактного характера. Именно этой особенностью гештальтный тип метонимии в данном случае условно противопоставлен названным выше когнитивным типам метонимии. Что касается векторов переноса при образовании гештальтной метонимии, то, повторим, они могут быть фреймовыми, пропозициональными и сценарными.

2.4.1. Гештальтная разновидность в составе фреймовой метонимии

В рамках фреймовой метонимии широко распространены обе ее разновидности: для обозначения денотата может метонимически использоваться как название абстрактной его стороны, так и название образной, чувственно воспринимаемой стороны. Так, при обозначении человека с актуализацией определенной стороны его личности

– в одних случаях используется название свойства, например: *Оскорбленное достоинство Мордатенковой двинулось вглубь квартиры* (В. Драгунский);

– в других – название органа тела, обладающего образной природой, например: *государево око* (о прокурорах в аспекте их функции надзора за соблюдением закона).

Эффект в том и другом случае в конечном счете одинаков – сдвиг фокуса внимания на актуальную в этой ситуации сторону человека.

К гештальтной разновидности говорящий обращается в случае выбора названия материально-предметной стороны человека – прежде всего тех или иных частей его тела (*голова, рука, язык, рот* и мн. др.) – для обозначения того или иного вида жизнедеятельности. Приведем наиболее частотные факты:

Чтобы, не дай бог, из толпы не прокричали что-то кощунственное для властного уха (Комсом. правда) – о человеке в аспекте слухового восприятия информации; *В семье пять ртов* – о людях как едоках; *Этот человек будет нашими глазами и ушами* – о человеке-наблюдателе; *Но та же Европа с Америкой вовсю пользуются нашими умными головами* (Комсом. правда); *А молодые «мозги», окончив вузы, бегут из страны: за последние годы Россия потеряла более 200 000 ученых-исследователей* (Комсом. правда) – о человеке в аспекте его интеллектуальной деятельности; *Нужна еще пара рук* – о человеке в аспекте его практической деятельности; (о жизни в местах лишения свободы) ...*Можно загонять продукты через охрану. Договариваешься с кем-нибудь, и он в свою смену приносит тебе все, что закажешь (иметь такого знакомого называется «иметь ноги»)* (Комсом. правда) – человек в аспекте перемещения, доставки чего-либо; *Он всю жизнь был особо чувствителен к запахам. «Талантливый нос!»* – говорил про него отец... (И. Грекова) – о человеке с неординарными обонятельными способностями; *Пресс-секретарь российского президента Дмитрий Песков, которого иногда называют «голосом Путина», дал большое интервью американскому изданию...* (МК.RU) – о человеке как трансляторе мнения другого человека.

Показательно, что именно названия материально-предметных реалий обычно порождают пучок или цепочку метонимически соотносительных значений. Например, слово *рука* на основе значения «верхняя конечность человека от плеча до пальцев, а также от запястья до пальцев» образует несколько метонимически соотносительных вторичных значений: *Он моя правая рука* (о человеке-помощнике); *Мне жаль, что мы, руке наемной* (о человеке-управляющем и т. п.) *Доверя грабить свой доход...* (А. Пушкин); *В его руках большой коллектив* (о человеке, наделенном властью над людьми); *Это не моя рука* (о почерке) и т. д. Это множество соотносительных значений формируется на основе представлений о роли этого органа тела в деятельности человека.

Как свидетельствуют приведенные примеры, перенос названия с части человека – с того или иного органа – на человека в целом сопровождается осмыслением этого органа в функциональном аспекте: рот в данном случае осмысливается как орган поглощения пищи, глаза, уши, нос – как органы восприятия, получения зрительной, слуховой, обонятельной информации, язык –

как орган порождения речи, руки – как орган практической деятельности, ноги – как орган движения, голова, мозги – как орган интеллектуальной деятельности. При обозначении целого (в данном случае человека в аспекте его деятельности) через его часть, осмысляемую функционально, с точки зрения конкретного вида деятельности, происходит актуализация соответствующей сферы жизнедеятельности человека в целом – как человека-едока, или как человека говорящего, или как человека думающего, или как человека-наблюдателя, поставляющего информацию об увиденном-услышанном, или как человека-деятеля.

Обратимся к сфере астрономического времени, для номинации единиц которого также часто используется гештальтная разновидность метонимии. Астрономическое время относится к наиболее абстрактным феноменам. Соответствующие концепты («День», «Ночь», «Осень», «Зима», как и «Детство», «Юность», «Молодость» и др.), аккумулирующие знания о биологическом времени, отражающие опыт *обыденного познания времени человеком*, имеют гештальтную природу, т. е. включают чувственные представления о разных временах суток и года – прежде всего о состоянии природы в широком ее понимании в соответствующий период времени.

Сказанное свидетельствует, в частности, о том, что абстрактное понятие времени и чувственное представление, на которое оно опирается в обыденном представлении, связаны теснейшим образом в рамках гештальта «Астрономическое время».

Тесная связь представлений о суточном времени и небесных светилах отражена, в частности, в поэтических строках Н. Рубцова:

За часом час уходит прочь.

Мелькает свет и тень.

Звезда над речкой – значит, ночь,

А солнце – значит, день (Окошко. Стол. Половики).

Наблюдения показывают, что метонимические переносы гештальтного типа обладают обратимостью, т.е. демонстрируют противоположно направленные (взаимонаправленные) векторы переноса названий: с чувственно воспринимаемой реалии на абстрактную и с абстрактной на чувственно воспринимаемую (*солнце – день, луна – ночь*). Однако регулярностью отличаются переносы с абстрактных названий времени на небесные светила, характерные,

по нашим наблюдениям, для художественного (прежде всего поэтического) текста. Прокомментируем несколько подобных примеров:

Она любила на балконе Предупреждать зари восход, Когда на бледном небосклоне Звезд исчезает хоровод, И тихо край земли светлеет, И, вестник утра, ветер веет, И всходит постепенно день (А. Пушкин). В приведенном примере, рисуя наступление дня, слово *день* используется вместо связанного с ним по смежности слова *солнце* (всходит постепенно солнце = начинается день). День и солнце связаны в восприятии и в системе наших знаний по смежности: солнце является главным показателем дня, также как луна и звезды – показателем ночи. При этом лексемы *солнце*, *день*, *заря* и другие входят в состав средств номинации обоих концептов.

Приведенный пример к тому же свидетельствует о том, что концепт-понятие «День» и концепт-представление «Солнце» органично связаны в сознании в рамках макроконцепта «Суточное время» – как понятийный и чувственный элементы этого концепта-гештальта.

Отметим принципиальный момент, характеризующий перенос гештальтного типа. Как только в контекст, типичный для слова, обозначающего чувственно воспринимаемую реалию, помещается метонимически связанное с ним обозначение абстрактной реалии (слово *день* вместо слова *солнце* и под.), выражение получает возможность двоякой квалификации:

- как метонимии (поскольку обозначаемые реалии связаны отношениями смежности) и
- как метафоры (поскольку названной абстрактной реалии приписаны свойства чувственно воспринимаемой реалии). – См. об этом подробнее в [30].

Аналогично выглядит и мотивируется метонимический перенос названия суточного времени на светило в следующих выражениях:

- *...Проглянет день как будто поневоле И скроется за край окружных гор* (А. Пушкин);
- *Сиял солнечный, но прохладный денек...* (Б. Щукин).

Подчеркнем, что такой перенос обычно ускользает от внимания участников общения именно потому, что он не вносит нового смысла в обозначение времени суток. Функцией метонимического переноса названия с абстрактной части концепта на чувственно воспринимаемую является сдвиг фокуса внимания на рациональное, понятийное начало, в данном случае – прямое указание на конкретное суточное время.

Отмеченный тип переноса наблюдается и в сфере обозначения времен года – зимы, осени, весны и лета как другой разновидности астрономического времени (примеры заимствованы нами из статьи Т.В. Сливы [79]). В контексте, типичном для художественного описания зимнего пейзажа (снега, стужи как типичных чувственно воспринимаемых природных реалий в зимнее время), используется обозначение и абстрактного понятия зимы как времени года: *Зима мягко и сыро лежала на крышах* (К. Паустовский); *Зима висит на хвойных лапах* (А. Тарковский); *За осенью – стужа, за веснами – лето* (М. Светлов). В первых двух примерах слово *зима* используется вместо слова *снег*, осмысление зимы опирается на чувственные представления об этом времени года, связанные с ним по смежности. В последнем примере вместо слова *зима* в ряду других названий времен года – слов *осень*, *весна* и *лето* – используется слово *стужа*, именно типичный для этого времени года чувственно воспринимаемый признак атмосферного состояния, также связанный с зимой как временем года по смежности гештальтного типа.

В двух следующих текстовых фрагментах наблюдается аналогичная метонимическая мена слов *дождь* и *солнце* словами *осень* и *весна*: осмысление абстрактных понятий осени и весны как времен года опирается на чувственные представления соответственно о дожде и ярком (весеннем) солнце: *Падал снег, плыл рассвет, осень моросила...* (Л. Дербенев); *Весна сияла на небе, но лес еще по-прежнему был засыпан снегом* (М. Пришвин). Иными словами, в этих примерах можно констатировать употребление слова *осень* в метонимически производном значении «дождь» и употребление слова *весна* в значении «солнце» (Ср.: *Дождь моросил; Солнце сияло на небе, но лес еще по-прежнему был засыпан снегом*). Следовательно, здесь также наблюдается перенос имени времени года на типичный для этого времени года чувственно воспринимаемый признак состояния природы. Однако с не меньшим основанием можно усмотреть в этом выражении метафорическую интерпретацию абстрактного понятия весны в образе света (*Весна сияла*).

Примеры гештальтного переноса имени с этим вектором – с времени года на чувственно воспринимаемую реалию (температурное состояние) отмечены нами в другом типе дискурса: они характерны для народных пословиц: *И март на нос садится* (т. е. в марте бывают снег и мороз); *Если в январе март, то бойся в марте января* (оба названия месяцев используются метоними-

чески: слово *март* – в значении «теплая погода», слово *январь* – в значении «холодная погода»); аналогично – *На Илью до обеда лето, после обеда осень*.

Гештальтный принцип метонимического переноса наблюдается при отражении такой абстрактной сферы, как внутренний мир человека. Продемонстрируем это явление на нескольких примерах (подробнее об этом см. [30, с. 153–165]). Регулярно в речи происходит незаметная для говорящего замена названий соматических жидкостей, связанных по смежности с чувствами, именами этих чувств (особенно в спонтанной речи): *кровь бурлит в ком-либо* → *страсть бурлит в ком-либо*, *выплакать слезы* → *выплакать горе*, *нахлынули слезы* → *нахлынула обида*. Объяснить такую метонимическую замену можно тем, что названия чувств являются более информативными по сравнению с названием соматической жидкости при номинации состояния человека.

Во многих случаях гештальтная разновидность фреймовой метонимии, как отмечалось выше, является предтечей когнитивной метафоры.

2.4.2. Гештальтная разновидность в составе пропозициональной метонимии

Векторы переноса в рамках пропозициональной метонимии объединяют компоненты ситуации, среди которых могут быть абстрактные (часто это ситуация в целом либо время действия) и конкретно-предметные (субъект, объект, место, инструмент, средство).

В этом случае сдвиг фокуса внимания при отражении ситуации актуализирует разные компоненты гештальта – понятийную или образную. Так, лексема *суд* в исходном значении события воплощает преимущественно понятийную сторону концепта, а в переносных («члены суда» и «здание суда») – преимущественно чувственно воспринимаемую. Ср. два предельно близких выражения, в которых воплощаются разные (метонимически связанные) значения этого слова: *Нам предстоит идти на суд* – *Нам предстоит идти в суд*.

Обратим внимание на наиболее показательные и регулярные соотношения понятийного и образного компонентов в метонимически производных значениях существительных.

При переносе названия **ситуации (действия)** на ее **компоненты** (субъект, объект, место, средство, инструмент) в значении абстрактного существительного актуализируется чувственно воспринимаемый компонент ситуации. Это наблюдается при образовании вторичных значений слов, в исходном значении называющих действие (ситуацию в целом), а во вторичном, метонимически производном – тот или иной компонент ситуации:

– **субъект**: *совет* («члены совета»), *защита*, *собрание*, *разведка*, *следствие*;

– **объект**: *труд*, *вязание*, *плетение*, *печенье*, *письмо*, *издание*, *стрижка*;

– **место**: *стройка*, *мойка*, *вход*, *выход*, *остановка*, *переправа*;

– **средство**: *замазка*, *упаковка*, *обивка*, *облицовка*, *окантовка*;

– **инструмент**: *мойка*, *печать*, *свисток*, *зажим*, *поднос*, *прицел*.

При переносе названия **компонента ситуации на ситуацию в целом** в семантике слова с исходным образным значением наблюдается образование метонимически производного значения, актуализирующего понятийную сторону гештальта. Наиболее часто такой эффект наблюдается при переносе названия места на действие или иной процесс (ситуацию): *дорога*, *путь*, *Афганистан*, *Сирия*, *Париж*, *Давос*, *Майдан*. Приведем пример: *Антон Елизаров – герой России, ДНР и ЛНР. Он уроженец Ростовской области, был кадровым десантником (окончил Рязанское училище), командовал ротой, служил в спецназе, прошел Чечню* (Моск. комсомолец).

Продуктивность переносов названий места в рамках пропозиционального переноса гештальтного типа выражается в фактах многовекторных переносов. Приведем примеры

– двухвекторного переноса названия *круглый стол*: «мебель» → «обсуждение» → «участники обсуждения»: расположиться за **круглым столом** → *Организовать круглый стол для обсуждения этого вопроса* → **Круглый стол** так и не пришел к единому мнению;

– трехвекторного переноса названия города *Минск*: «город как место события» → «событие (действие)» → субъект действия → «объект действия»; например: **Минск-2** длился шестнадцать часов («переговоры по урегулированию военного конфликта в Донбассе»); *Обсуждал ли этот вопрос Минск-2?; В сентябре прошлого года ... можно было взять буквально за пару дней, войскам приказали остановиться, и был заключен «Минск-1»*

(Т. Фельгенгауэр) («договор между противоборствующими сторонами как результат переговоров»).

При переносе названия одного **компонента на другие компоненты** одной ситуации в значении слова актуализируются, как правило, образные компоненты пропозиции-гештальта. В следующих примерах в прямом и производном значениях актуализируются:

– образы («картинки») **субъекта** и **объекта**: *читать Блока; играть Рахманинова, выставить Левитана; пойти на Рязанова* (фильм); *ворвался боец с «Калашниковым»; математика заболела;*

– образы («картинки») **инструмента** и **субъекта**: *лауреат конкурса «Золотое перо губернии»; Камеры выходят!* (команда журналистам).

Реже в этом случае в составе значений слова соотносятся понятийный (например, понятие времени) и чувственно воспринимаемый (например, образ субъекта) компоненты пропозиции-гештальта: *Поклонимся великим тем годам, Тем славным командирам и бойцам...* (М. Львов).

Отметим и в этой разновидности гештальтной метонимии наличие многовекторных переносов. Ему подвергаются, частности, лексемы *комиссия, ректорат, кафедра* и др., называющие подразделение, коллектив этого подразделения, помещение, в котором располагается подразделение и члены его коллектива, а также заседание (собрание) этого коллектива: *Учредили новую кафедру; Кафедра приняла важное решение; На кафедре хранится оборудование; Скоро состоится кафедра.*

Природа пропозиции является основой для порождения **иной разновидности** метонимии гештальтного типа.

Она обусловлена сложной природой ситуации, которая выражается не в многокомпонентности, а в возможности осмысления процесса в разных проекциях. Например, речевое действие может быть обозначено как акт выражения смысла или как акт артикуляции, ср. обозначение одного события: *Он много говорил (вообще не говорил) сегодня на занятии – Он сегодня на занятии рта не закрывал (рта не открывал).* В таких случаях метонимия служит целям не экономии, а экспрессии, усиливая впечатление о непрерываемых речевых действиях или, напротив, о полном молчании, об отсутствии попыток произнесения слов.

Различие этих двух способов обозначения одной и той же ситуации заключается в том, что в них актуализируются разные стороны концепта – понятийная и образная. Во втором случае (который представляется мето-

нимическим) ситуация обозначается через картинку, имеющую не буквальное, а скорее символическое значение, служащую неким образным фоном, усиливающим экспрессию высказывания.

Приведем в качестве примеров метонимические обозначения жизнедеятельности лица через название того аспекта, в котором очевидно чувственно-наглядное представление об этой деятельности или ее завершении: *Давай еще постоим!* («поговорим, подождем кого- или чего-либо, полюбуемся пейзажем и т. д.»); *Мы вчера хорошо посидели в ресторане* («пообщались, получили удовольствие от блюд и т. д.»); *Его жена сидит дома* («не включена в производственный процесс, занимается домашним хозяйством») / *сидит с детьми* («занимается воспитанием детей»); *Все считали, что белорусское общество не готово к чему-то радикальному и будет сидеть дома...* (https://news.rambler.ru/world/44694837/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink); *Сосед лежит в больнице* («проходит лечение»); *Отец слег с инфарктом* («тяжело заболел»); *Мужчина сидит в тюрьме* («отбывает наказание»); *Его отец пал в бою* («погиб, убит»). Добавим, что подобные метонимические обозначения ситуации особенно типичны для непринужденного общения.

Гештальтную метонимическую природу обнаруживает принцип обозначения ситуации в большом пласте фразеологизмов, запечатлевших в своей «внутренней форме» общеизвестные жесты, ритуальные движения, символические действия: *ходить / стоять с протянутой рукой* («униженно просить»), (вынужденно) *кланяться кому-л.* («одолаживать-ся»); *протянуть руку помощи* («предложить помощь»); (за что-либо) *по головке не погладят* («не похвалят»), *ломиться в открытую дверь* («доказывать очевидное, против чего никто не спорит»), *закрывать / хлопнуть дверь перед кем-либо* («отказать в доступе куда- или к чему-л.»); *показать / указать на дверь кому-л.* («потребовать уйти»); *хлопнуть дверью* («демонстративно удалиться»). Подробнее об этом см. [40].

2.4.3. Гештальтная разновидность в составе сценарной метонимии

Гештальтная разновидность сценарной метонимии отличается обозначением многоактного (сценарного) события через номинацию того этапа, который содержит образное представление, т. е. актуализирует

чувственно воспринимаемую сторону события. Как следует из материалов, приведенных в разделе, посвященном сценарной метонимии, этот тип метонимии, как правило, выступает в гештальтной разновидности.

Примеры, приведенные выше (с. 68-71), а также следующие показывают, что в большинстве случаев обозначение такого события осуществляется через выбор лексемы, которая называет зрительно воспринимаемое действие, например: *Надо **сходить** в магазин / парикмахерскую / в банк* («выполнить определенный комплекс действий в соответствии с профилем учреждения»); ***Сажусь** за диссертацию* («начинаю работу над диссертацией»); *Руководитель уже **смотрел** мою главу* («познакомился с текстом главы, проанализировал и оценил ее»); ***Загляните** к нам после работы* («придите для какой-либо совместной деятельности»); *Прежде чем **покупать** рыбу, надо ее **понюхать*** («оценить степень свежести»); *Мои друзья **расписались** в прошлом году* («оформили брак»).

Для характеристики изменения профессиональной деятельности человека, места работы, уровня деятельности и т. д. последовательно используются в обыденной речи глаголы движения: ***ушел** из университета в школу*; ***пришел** в бухгалтеры из преподавателей*; ***перешел** из одного цеха в другой*; ***пришел** из армии*.

Таким образом, роль «картинки» при метонимическом обозначении сложного, многоактного события также важна для участников общения.

Кроме приведенных примеров, в которых глагол выступает в метонимически производном значении, гештальтная разновидность сценарной метонимии наблюдается в сфере фразеологии. В этом случае выражение

– может сохранять метонимическое значение: *руку **поднять** на кого* («ударить, побить кого-л.»), *руку **запустить** в чей-либо карман* («украсть, прежде всего деньги»), *язык не **поворачивается*** («не решается сказать что-л. неприятное, ранящее и т. п.»);

– либо приобретает обобщенно-метафорическое значение: ***смаывать** удочки* («спешно покидать какое-л. место»), ***смазывать** пятки* («спешно уходить, убежать»).

Обнаружение описанных типов метонимии и массовый характер каждого типа в его многообразных лексических проявлениях подтверждает на языковом уровне существование разных способов структурирования и хранения знания на ментальном уровне, в частности, в виде фрейма, пропозиции, сценария и гештальта.

Не менее важно установление факта влияния когнитивных единиц на закономерности функционирования языковых единиц, в том числе закономерности переноса слов, закономерности семантического развития слов.

Как показало описание результатов лингвокогнитивной интерпретации и типологии лексической метонимии, основные ее разновидности базируются на соответствующих структурных типах многокомпонентных концептов, что позволило выделить и противопоставить фреймовый, пропозициональный и сценарный типы метонимического переноса лексических единиц разных частей речи, а также их гештальтную разновидность.

Для лингвистики выявление этой картины играет важную роль: демонстрирует действие магистральных векторов, которые объединяют разрозненные частные типы лексической метонимии и отдельные не поддающиеся обобщению языковые факты и позволяют свести их к единой логике.

Не менее важно, что сделанные наблюдения и их типологическое обобщение свидетельствуют о большой, в известном смысле определяющей роли партитивных отношений в процессе познания и в речемыслительной деятельности: как было показано, именно на них основывается сам когнитивный механизм метонимии и базируются ее типы: фреймовый, пропозициональный и сценарный типы переноса, в том числе в их гештальных разновидностях.

Фреймовая метонимия представляет собой процесс и результат переноса лексемы с целого на ту или иную его часть в рамках одной статично представляемой денотативной сферы (*больница, Самара*).

Пропозитивная метонимия образуется в результате переноса лексемы с ситуации на тот или иной компонент этой ситуации – на субъект, объект, место и т. д. (*собрание, смена, покупка*), либо в противоположных направлениях (*дорога, Рейкьявик, вечер*), а также в результате переноса с одного компонента на другой в рамках одной ситуации (*читать Маяковского, лучшее перо газеты*).

Сценарная метонимия отражает процесс и результат переноса лексемы с одного этапа или аспекта сложно организованной деятельности на всю многоактную деятельность (*сходить в поликлинику, расписаться в загсе*).

В свете представленной типологии метонимических переносов выглядит неубедительным существующее разделение собственно метонимии и синекдохи. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что на когнитивном уровне партитивные отношения играют большую роль не только в процессе развития метонимической многозначности в системе языка и в речи, но и в обработке информации о денотате и в принципах организации знания о денотате в памяти в форме концептов разного типа.

Глава 3.

Метонимический перенос определений

Перенос определений (эпитетов) давно привлекает внимание исследователей, в большей степени как художественный прием или индивидуально-авторское словоупотребление [28; 44; 56; 68; 77] с той или иной функцией. В общих обзорах проявлений метонимии перенос определения отмечается наиболее частотными разновидностями. Так, вслед за М.М. Покровским [67, с. 224] Д.Н. Шмелев указывает несколько типов такого переноса, которые отражаются в соотношении значений прилагательного «обладающий определенным качеством» – «обнаруживающий это качество» (интересный рассказчик – интересный рассказ), «вызывающий чувство, состояние» – «находящийся в этом состоянии» – «выражающий это состояние» (веселый ужин – веселый человек – веселые глаза) [93, с. 98]. Отметим, что в большинстве работ метонимия определений систематизируется именно по такому принципу – на основе соотношений исходного и метонимически производного значений, а не на основе соотношений денотатов, т.е. логика переносов определений в работах ученых обычно не соотносится с известными типами переносов в сфере существительных и их общей логикой.

Между тем в данной работе мы следуем другому принципу оценки и интерпретации переноса определений – учету соотношения первичного и вторичного денотата, с которыми связано определение. Этот принцип является общим при оценке метонимии слов разных частей речи. Что касается исходного и метонимически производного значений прилагательного (как и глагола – при оценке глагольной метонимии), то мы рассматриваем их как неизбежный эффект переноса, но не его лингвокогнитивный механизм.

Перенос определения в литературе называется адъективной метонимией, этот термин точнее описывает семантический результат переноса слова. Соответственно адъектив терминологически обозначается преимущественно как *перенесенное* или *смещенное определение*. Смещенное определение, в отношении которого наблюдается расхождение его грамматической и семантической зависимости от существительных, некоторыми исследователями (на-

пример, О.В. Раевской [68]) расценивается как проявление дискурсивной метонимии.

В лингвистических работах есть редкие опыты систематизации переносов, которые строятся на логико-семантическом соотношении денотатов – первичного и вторичного (*кудрявые волосы – кудрявая голова*). Поскольку это прямо соотносится с нашим подходом к интерпретации переноса определений, остановимся именно на таком опыте.

Показательной в этом отношении является, в частности, классификация смещенных определений А.А. Коротеева [44], в которой противопоставлены три разновидности: смещение определения с целого на часть (*чахоточное лицо, голодные зубы*), смещение определения с части на целое (*коней табун игривый, липы душистой цветы*) и смещение определения, приписывающее «признак одного предмета другому, не связанному с первым отношением целого и части или части к целому». Многие частные типы последней разновидности (по оценке автора, не связанной с партитивными отношениями в их традиционном, логико-семантическом понимании), на наш взгляд, с когнитивной точки зрения как раз обнаруживают прямую связь с пропозицией и опоры на партитивные отношения между **компонентами ситуации**, в частности:

- с действителя на опредмеченное действие (*жадная суета людей*),
- с объекта на опредмеченное действие (*тела отдадим раздетому плясу*),
- с действия на действитель (*под гул отрывистых смычков*),
- с действителя на орудие (*игривый карандаш*),
- с действителя на место действия (*угол одинокий*),
- с действителя или объекта на время (*суток полусонных*).

Очевидно, что в данном случае классификационное описание на основе логико-семантического принципа фактически обнажает когнитивный механизм переноса определений – предопределенность вектора переноса определений структурой концепта, который организует знание о соответствующей ситуации, в данном случае концептом-пропозицией. С этой точки зрения переносы (смещение) определений осуществляются также в логике структуры этих концептов – в процессе манипуляции единицами знания на основе отношений целого и частей. Опора на когнитивный прин-

цип позволяет убедиться в общем механизме метонимического переноса существительных, глаголов и прилагательных.

Говоря в целом о механизме переноса определений, подчеркнем: конкретный тип ментальной структуры (фрейм, пропозиция, сценарий, гештальт) предопределяет векторы переноса определения с одного **определяемого слова на другое**.

Анализ текстового материала показывает, что стоящие за определяемыми словами реалии внеязыковой действительности: предмет, исходно определяемый данным признаком (исходное определяемое), и предмет, получающий определение в результате его переноса (вторичное определяемое), – находятся в отношениях смежности в рамках того или иного типа концепта. Например, выражение *оранжевая революция* (о протестных акциях на Украине в ноябре 2004 г. – январе 2005 г. в связи с выборами президента) возникло как производное от выражения *оранжевые флаги* в результате переноса определения на основе смежности определяемых денотатов, как и многочисленные другие выражения, отмеченные в публицистических текстах того и более позднего периода: *оранжевая коалиция*, *оранжевая политика*, *оранжевая принцесса* (о Ю. Тимошенко), *оранжевая оппозиция*, *оранжевое правительство*, *оранжевое движение*, *оранжевый передел собственности*, *оранжевый реванш*, *оранжевые рейдеры*, *оранжевые лозунги* и т. д. См. текстовый пример: *Если Евросоюз наберется смелости и бросит все силы на поддержку **оранжевого лагеря** (пока что на Майдане отмечают лишь отдельные политики, наподобие президента Польши Бронислава Коморовского и бывшего премьера Ярослава Качиньского), то ситуация вполне может измениться* (А. Мирзоян). Отметим, что среди приведенных фактов есть переносы, мотивированные как фреймовой, так и пропозициональной либо сценарной структурой концептов.

Приведем другие примеры: *золотые девушки* (о спортсменках, выигравших золотые медали на Олимпиаде или на чемпионате); *золотая молодежь губернии* (о выпускниках, получивших золотые медали); *Сегодня в аэропорту «Шереметьево» приземлился «золотой рейс» с победителями и призерами Олимпийских игр в Сочи, которые завершились вчера* (<https://www.tatar-inform.ru/news/zolotoy-reys-olimpiyskoy-sbornoy-rossii-pribyl-iz-sochi-v-moskvu>); *«Полосатый рейс»* (название кинофильма, в котором на теплоходе перевозят тигров): *полосатый рейс* ← *полосатые пассажиры-тигры*).

Вместе с тем не всегда в этих переносах удается четко разграничить компоненты ситуации, с которых происходит перенос определения, см., например, высказывание, включающее перенесенное определение *кокаинный*: *Чем дольше я стою, тем шибче каменею, тем труднее мне сдернуть себя с места. В эту кокаинную ночь все мое тело то каменеет в неподвижности, и мне трудно сдернуться, то устремляется к дергающемуся движению, и тогда мне трудно остановиться* (М. Агеев).

Таким образом, под отношениями смежности в данном случае имеется в виду смежность между реалиями, называемыми определяемыми существительными, в рамках разного рода единиц категоризации знаний:

- смежность слотов в рамках фрейма,
- смежность актантов и сирконстантов внутри пропозиции,
- смежность отдельных актов сложного, многоэтапного сценария,
- смежность понятийных и образных элементов внутри гештальта.

Существительные, выделенные в приведенных выше примерах полужирным курсивом, называют определяемые предметы, которые связаны принадлежностью к одной ситуации (и соответственно – к одному концепту): к политическим событиям новейшего периода на Украине, к перевозке тигров на пароходе, к спортсменам или школьникам, обладателям золотых медалей.

Частные виды метонимических переносов определений не всегда поддаются четкой систематизации. Вместе с тем очевидно, что все эти виды отражают отнесенность определяемых денотатов (первичного и вторичного) к одной денотативной сфере, знания о которой организуются разными типами концептов.

Перенос определения в таких случаях приводит к выдвиганию на первый план *общей* оценки человека (*добрый человек, нервный сотрудник, озорной художник*) или оценки *частного* проявления признака при характеристике человека: совершенных им действий (*добрый поступок, нервное поведение, озорная выходка*), результатов или форм, манеры этих действий (*озорной рисунок, озорной карандаш* (о манере художника), *добрые слова*), времени, в течение которого человек испытывал соответствующее состояние (*нервный период*).

Кратко представим типы переноса определений на основе учета соотношений определяемых денотатов в свете предложенного лингвокогнитивного принципа.

3.1. Фреймовая логика переноса определения

Фреймовая логика переноса определений выражается в том, что исходная и вторичные реалии, определяемые одним признаком, связаны общностью фрейма – то есть отношениями части и целого либо отношениями частей одного целого, под которым понимается денотат, осмысляемый как статичная фреймовая структура. Напомним, что свойства такого типа концепта обнаруживают ментальные единицы, стоящие за словами *университет, милиция, медицина, Дума, правительство, Россия, Самара* и мн. др. (основные компоненты соответствующих фреймов отражены в составе ЛСВ этих многозначных слов).

Обратимся к анализу фактов фреймового переноса определения применительно к разным денотативным областям.

Одним из наиболее значимых и многокомпонентных в любой языковой картине мира является концепт-**фрейм «Человек»**.

Фреймовую логику можно усмотреть в переносе определения с человека, понимаемого как целое, на органы, их функции и многочисленные порождения. В результате такого переноса определение по метонимической логике распространяется на микроконцепты, представляющие «части» этого фрейма (голову, мозг, руки, сердце, душу и др.), их функции (ум, чувства, ощущения, восприятие и др.). Приведем речевые факты, которые могут быть интерпретированы как проявления названной закономерности:

– *мрачная улыбка, мрачное лицо, мрачное настроение* ← *мрачный человек*;

– *озорные глаза; озорной огонек в глазах; Марта, прощаясь с ним на углу, увидела благодарный блеск за его круглыми стеклами; счастливая речь ее глаз* ← *озорной, благодарный, счастливый человек* в ситуативном (через выражение лица) проявлении этих признаков;

счастливый брак ← *счастливые супруги*.

Тот же вектор метонимического переноса определения видим в типовых выражениях: *любящие глаза, молчащий рот, смущенный взор; танцующая походка; встревоженные глаза; холостая жизнь* (ср.: *холостой мужчина*); *Хмельные, пьяные чувства, мысли, полупьяная улыбка* ← *улыбка, чувства, мысли хмельного, пьяного, полупьяного человека*.

Столь широкое проявление метонимии базируется на регулярной (когнитивной по своей природе) операции структурирования целого

и концептуализации частей по аналогии с целым. В соответствии с этим одушевление, персонификация последовательно распространяются на *все микроконцепты сферы «Человек»* – как на материальные, физические «части» человека (голове, лицу, глаза, губы, уши, сердце, душу, руки, ноги, желудок и др.), которые связаны с определенными сферами психофизиологической, духовной, социальной деятельности, так и идеальные (ум, мысли, чувства, веру, убеждения, совесть и др.), на любые проявления человеческой сущности.

Перечислим лишь наиболее типичные из них: голова, лицо, рот, глаза, губы, лоб, организм, сердце, душа, руки, ноги; нрав, характер, натура, темперамент; совесть; память, ум, мысль, знание, дума, сомнение, подозрение, вера, убеждение, мечта; чувство, состояние, настроение, волнение, тревога, трепет, любовь, отвращение, страсть, нежность, ненависть, тоска, печаль, восторг, наслаждение, счастье, уныние, скука, кручина, мука, боль, страх, отношение, ревность, дружба, симпатия, интерес; храбрость, отвага, терпение, подвиг, труд, безделье, детство, юность, молодость, старость. Продемонстрируем названную закономерность с опорой на материалы В.И. Убийко [81] и на свою картотеку.

Закономерность выражается в том, что многие определения, которые характеризуют человека в том или ином аспекте, обнаруживают тенденцию к расширению сочетаемости в результате метонимического переноса – к сочетаемости с существительными, называющими «части» человека, те или иные его проявления и т. д. См. типичные сочетания, являющиеся результатом переноса определения по фреймовой логике: *счастливый человек – счастливое лицо*, а также *вид, выражение лица, взгляд, глаза, улыбка, смех, слезы, мысль; детство, юность; судьба, доля* и др.; *взволнованный человек – лицо, глаза, голос* и др.

Аналогично, без заметных ограничений демонстрируют экспансию другие прилагательные со значением эмоционального состояния человека, а также лексемы *благородный, честный, правдивый, прямой, насмешливый, хитрый, коварный, гордый, развращенный, лукавый* и мн. др., характеризующие лицо в морально-этическом отношении.

Показателем регулярности подобных переносов, а также масштабов метонимической экспансии названий свойств человека в рамках фрейма «Человек» может служить другой срез общей картины – демонстрация широкой сочетаемости существительных – названий частей человека (микроконцептов этой сферы) с определениями, кото-

рые в исходном употреблении характеризуют человека в целом. Приведем некоторые примеры.

Нрав – *добродушный, благородный, задорный, спокойный, покладистый, миролюбивый, смиренный, кроткий, неугомонный, мужественный, общительный, открытый, прямой, независимый, вспыльчивый, властный, задиристый, капризный, неуживчивый, строптивый, хитрый.*

Характер – *благородный, добрый, незлобивый, общительный, открытый, компанейский, гордый, уверенный, властный, смелый, решительный, мужественный, стойкий, негибачаемый, неуступчивый, волевой, настойчивый, упорный, честный, правдивый, мстительный, угрюмый, необщительный, замкнутый, самовлюбленный.*

Душа – *добрая, чуткая, правдивая, честная, открытая, благородная, самоотверженная, бесхитростная, непорочная, праведная, целомудренная, благочестивая, кроткая, неподкупная, безнравственная, грешная, порочная, алчная, жадная, тщеславная, злая, озлобленная, коварная, трусливая, азартная, беспокойная, энергичная, страстная, дерзкая, беззаботная, тоскующая, покорная, смиренная, робкая, смущенная, стыдливая, безгрешная, совестливая.*

Сердце – *верное, преданное, любящее, нежное, ласковое, честное, неподкупное, бескорыстное, страстное, пылкое, благородное, великодушное, смелое, отважное, мужественное, бесстрашное, удалое, лживое, бесчувственное, гордое, надменное, тщеславное, завистливое, трусливое, злое, непреклонное, равнодушное, скупое, взволнованное, утомленное, несчастное, обездоленное, озлобленное, страждущее, унылое.*

Обратимся к текстовым примерам, демонстрирующим фреймовый тип переноса определений в составе узуальных и окказиональных сочетаний: *На вас будут постоянно направлены глаза: любопытные, настороженные, одобряющие, осуждающие* (Комсом. правда); *Николай Иванович – некогда стройный, кудрявый и румяный парень, теперь же необычайно толстый, уже поседевший мужчина с заплявшим лицом, хитро-добродушными глазками и жирным лбом, перетянутым морщинами, словно нитками...* (И. Тургенев); *Посмотрите – самые развитые государства ведут «охоту за умными головами», тогда как мы разбрасываемся лучшими людьми* (Митрополит Кирилл); *А молодые «мозги», окончив вузы, бегут из страны: за последние годы Россия потеряла более 200 000 ученых-исследователей* (Комсом. правда); *Пусть добрым будет ум у вас, а сердце умным будет!*

(С. Маршак); *Румяная торговка сидела.., прикасаясь к нему сонным плечом...* (В. Набоков); *Но если ночью иль во сне Взалкает память обо мне Предосудительно и больно, И, сиротеющим плечом Иица плечо мое, невольню Ты вздрогнешь...* (Н. Крандиевская-Толстая); *Он всю жизнь был особо чувствителен к запахам. «Талантливый нос!» – говорил про него отец, невысокий, обожаемый человек...* (И. Грекова); *Говорила: «Да, любовь свободна, / И в любви свободен человек, / Только то лишь сердце благородно, / Что умеет полюбить навек»* (Н. Гумилев); *Как горько было сердцу молодому ... сказать прости родному дому* (И. Бунин); *Неожиданный и смелый / Женский голос в телефоне...* (Н. Гумилев); *Портрет Вари за пианино – усердная спина, освещенная солнцем, рыжие косички так и сияют* (И. Грекова); *В этом мире я только прохожий, Ты махни мне веселой рукой* (С. Есенин); *Взгляд, прикованный прежде к прекрасным очам И горевший стыдливой мольбою, Нагло бродит теперь по открытым плечам, Обнаженным бесстыдной рукою* (С. Надсон).

Обратим внимание на два рода речевых фактов, которые служат дополнительным аргументом в пользу положения об общей когнитивной природе и общей логике метонимических переносов существительных и определений.

Во-первых, сопоставим внешне сходные сочетания, различающиеся переносимыми единицами:

– *Отдам кошку (собаку, щенят) в хорошие руки*; ср.: *добрые руки – умелые руки – золотые руки – заботливые руки – любящие руки – салат на скорую руку* и

– *Вдруг две ловкие ладошки легли мне на глаза...* (В. Набоков).

В первом случае наблюдается перенос существительного с части (руки как органа тела человека) на целое, а во втором – перенос определения с целого (лица) на часть. Тем не менее в обоих случаях переносы – существительного и определения – основаны на партитивных отношениях.

Во-вторых, показательна фраза, в которой в одном ряду объединены определения, относящиеся к двум разным определяемым существительным – имени лица *Ярослав Голованов* (они выделены жирным шрифтом) и названия *жизнь* (выделены подчеркиванием), которые соотносятся между собой как целое и часть: *Ушла огромная, насыщенная, талантливая, дружелюбная, остроумная и так необходимая нам, друзьям, и вам, читателям, жизнь Ярослава Го-*

лованова (Комсом. правда). Перенесенным, кстати говоря, в данном случае является и сказуемое *ушла* (типично – *ушел Ярослав Голованов*). Приведенный факт демонстрирует общую метонимическую закономерность, регулирующую переносы как существительного, так и определения, обеспечивающих одинаковый сходный семантико-коммуникативный эффект – характеристику лица.

Приписывание признака, свойственного человеку в целом, его «части» – которая при этом осмысливается с точки зрения функции по отношению к человеку (см. об этом выше), сдвиг фокуса внимания на эту часть – сужают соответствующее качество до отдельного его проявления и в то же время выделяют эту часть и определяющее ее качество как доминантные в восприятии лица. К тому же представление части человека «крупным планом», с акцентированием признака, соотношенного именно с данной «частью», усиливает экспрессию высказывания.

Фреймовый перенос определения в высшей степени характерен для поэтической речи. Приведем примеры из текстов М. Цветаевой: *Душа, не знающая меры ...Тоскующая по плечу; ...будет разрешен / Себялюбивый, одинокий сон.*

Более того, тенденция переноса по фреймовому принципу регулярна даже применительно к одному (значимому для поэта) микроконцепту человека – глазам, устам, рукам и т. д.: глаза – зрачок – взгляд, взор; рот – губы – углы губ – уста – поцелуй – зевок – речи; руки – объятья и т. д. Приведем примеры:

– *Ему в задумчивые глазки / Взглянула ...; Все видит, все знает твой мудрый зрачок; За их взгляд, изумленный насмерть, / Извиняющийся в болезни...; Юный ли взгляд мой тяжел?; Чтоб только не видел ваш радостный взор / Во всяком проходим судью; О безучастие, с которым / Следишь высокомерным взором...; Темный, прямой и взыскательный взгляд. / Взгляд, к обороне готовый;*

– *Запечатленный, как рот оракула – / Рот твой, гадавший многим; И над лепетом уст виновных...; Только и памятливы, что на песни / Рот твой улыбочивый; С рожденья чуждые мольбам, / К его задумчивым губам / Они прильнули обе... обе...; ...Не надует гордых губ; ...углы / губ изогнутых и длинных грустны; Смоль поцелуев злых...; Ржавый замок, наглый зевок; Лживые, в душу идущие, речи / Очаровательных губ;*

– *... Нежной рукой отвелая нецелованный крест...; ... Рукой заспанной ресницы трет, / Теперь правому плечу – черед; В кудрях –*

рука – / Упрямая –запуталась; ...опять рукою робкой / Надавливать звонок; В чьем опьяненном объятии / Ты обрела забытье.

Регулярным является фреймовый перенос определения с целого на часть при характеристике лица в аспекте возраста. Чаще всего встречается вариант, в котором определение переносится с лица (целого) на возраст как одну из его сторон, например:

Детство было голодным, хотя мне всегда подсовывали лучшие кусочки за столом (Б. Васильев); *Счастливое, беззаботное детство, окруженное любовью, как бы загражденное от всего жестокого, темного теплыми, мягкими, любящими руками, руками матери* (С. Франк);

Я знаю, что юность жестока, дерзка, непослушна, легкомысленна, безответственна, и знаю тебя, и знаю, что при всем при этом против моей воли ты не пойдешь... (Т. Окуневская); *Скромное желание работать и необъяснимое желание жить — тоже были. Не на что, не с кем, негде, но факт. Вот она, оголтелая молодость: ее притязаниям предела нет* (И. Сурикова);

У самарцев украли сытую старость (Комсом. правда): в тексте идет речь об утере архивных документов закрывшихся во время перестройки учреждений и предприятий, что не позволяет подтвердить людям, оформляющим пенсию, размер их зарплаты в предыдущий период.

Перенос определения с обратным вектором – с части на целое – создает повышение роли этого признака в общей характеристике человека, обеспечивает доминантный статус этого признака в описании (в портрете, изображении). Например: *кудрявый мальчик, плешивый мужчина, лысый мужчина, стриженная девочка, сгорбленная женщина, горбатый старик, седой мужчина, рыжая женщина, черные подростки, конопатый мальчик, раскосая девушка, крашеная женщина*. Такие переносы отличаются последовательностью и, в отличие от переносов с противоположным вектором (с части на целое), воспринимаются как узуальные. Сопоставим выражения, в которых признак характеризует ту или иную часть тела, а в случае переноса – человека в целом:

А) волосистой покров:

Они были похожи, родные дочь и отец: кудрявые волосы – шапкой, черты лица мелковатые, но приятные (Б. Екимов); *Искупались бы, товарищ генерал, – посоветовал Теткин, потирая свой темно-коричневый кудрявый живот* (И. Грекова) – *С ним вместе путе-*

шествовал его сын Сережа, **кудрявый** романтический **мальчик**... (И. Грекова);

Ее глаза, сильно увеличенные стеклами очков, ее рано **поседевшие волосы** стального цвета, закрученные на затылке узлом, ... несколько неодобрительное выражение ее лица – все это, по-видимому, не очень понравилось щелкунчику (Катаев); Он казался лет пятидесяти; ... и преждевременно **поседевшие усы** не соответствовали его твердой походке и бодрому виду (М. Лермонтов) – Николай Иванович – некогда стройный, кудрявый и румяный парень, теперь же необычайно толстый, уже **поседевший мужчина** с заплывшим лицом, хитро-добродушными глазками и жирным лбом, перетянутым морщинами, словно нитками, – уже более двадцати лет проживает в Колотовке (И. Тургенев);

Портрет Вари за пианино – усердная спина, освещенная солнцем, **рыжие косички** так и сияют (И. Грекова); У него **рыжие усы**, белесые брови, водянистые глаза, лицо в тяжелых морщинах (В. Чивилихин) – И сразу увидел белые дикие горы и высокий колючий лес, из которого вылез огромный **рыжий** и лохматый **дядька** с кривыми бивнями (А. Дорофеев);

А росту я среднего, **лоб** имею **плешистый**, бороду седую, брюхо толстое... (А. Пушкин) – Однако кто он такой, этот пожилой **плешистый холостяк** без особых примет, если не считать подозрительную недостаточность двух пальцев на правой руке? (Ю. Давыдов);

Я всмотрелся: твердые ясные черты воскового лица, непропорционально большая **лысая голова**, твердые губы, очень выпуклые веки (А. Иличевский) – Все эти старые и молодые **люди**, бледные, **лысые**, ... собравшись вместе, ощутили высшую поэзию, когда-либо существовавшую в жизни, – поэзию прозы (В. Гроссман);

Он поднялся, причесал пятерней свои **лохматые волосы** и неторопливо пошел к двери (В. Гроссман) – И сразу увидел белые дикие горы и высокий колючий лес, из которого вылез огромный **рыжий** и **лохматый дядька** с кривыми бивнями (А. Дорофеев);

Б) цвет кожи:

У него были выбритые до синевы щеки, **смуглая кожа**... (Т. Устинова); Клавдия просто сидит, прямая, чуткая, раскинув в стороны голые **смуглые руки** (И. Грекова); Клавдия Васильевна всегда выкатывалась из двери, подгребала к машине и томно ложилась грудью на капот, подпирая полными руками **смуглые щеки** (И. Грекова) – **Смуглые девушки** сидели на корточках у огня (Д. Гранин);

Лицо бледное, незагорелое, вытянутое, что-то скифское отозвалось в нем, диковатое, что ли... (А. Азольский) – *Все эти старые и молодые люди, бледные, лысые, с большими глазами и с пронзительными маленькими глазами, с широкими и узкими лбами, собравшись вместе, ощутили высшую поэзию, когда-либо существовавшую в жизни, – поэзию прозы* (В. Гроссман);

Молодое, румяное лицо Васи хмурится, и он сердито взмахивает своей шапкой белокурых кудрей (Д. Мамин-Сибиряк) – *Николай Иванович – некогда стройный, кудрявый и румяный парень, теперь же необычайно толстый, уже поседевший мужчина с заплывшим лицом, ...* (И. Тургенев);

Лицо его очень похоже на перепелиное яичко: маленькое, конопатое (Г. Троепольский) – *Она была в мать – такая же рыжая и конопатая* (Т. Тронина);

В) состояние позвоночника: *У моей жены, ей сейчас 36 лет, с детства был сколиоз, не выявили вовремя, и теперь у нее сгорбленная спина* (М. Рыбьянов) – *Ее новый муж был пожилой человек, сгорбленный и плешивый* (А. Алешин);

Г) форма глаз: *...чуть прикрывая от испуги раскосые монгольские глаза веками, вскидывая белесые чухонские бровки и надувая щеки русского округлого лица, поспешал Фомин в указанное место* (А. Евсеев) – *Раскосая девушка разносила еду, собирала посуду, шла на зов...* (В. Василенко).

3.2. Пропозициональная логика переноса определения

Пропозициональная логика переноса определений, не менее массово представленная в речи, отражается в комплексе векторов метонимического переноса слова-определения, обусловленных структурой пропозиции.

Исходная и вторичные реалии, определяемые одним атрибутом, в сознании человека **связаны отнесенностью к одной ситуации**: признак, определяющий один из ее компонентов (субъект, объект и т. д.), приписывается как атрибут другому компоненту той же ситуации (субъекту, объекту, орудию, месту, времени) либо ситуации в целом, которая в этом случае обычно бывает обозначена отглагольным существительным; признак, определяющий всю ситуацию, переносится на тот или иной ее компонент. *Циничный человек – цинич-*

ные действия, поступок, слова, признание, шутка и т. д. См. пример в тексте: *Счастье, шаг твой благосклонный / Не всегда проходит мимо...* (Н. Гумилев). Отдельно взятые речевые факты демонстрируют одновекторный перенос, однако дискурсивный ракурс наблюдения обнажает множество векторов, которые в совокупности отражают структуру пропозиции – более или менее сложную.

Следствием регулярного переноса определения, как уже отмечалось, является развитие у него метонимически производного значения, ср.: *любопытный человек* («испытывающий, проявляющий любопытство») и *любопытная вещица* («вызывающая любопытство»).

3.2.1. Перенос определения с ситуации на ее компонент

По нашим наблюдениям, случаи переноса определения со всей ситуации на какой-либо отдельный компонент этой ситуации сравнительно редки. В нашей картотеке зафиксированы преимущественно переносы со следующими векторами:

– **перенос с события на время** этого события, например: *трагическое утро; трагические дни, траурный вечер, великая эпоха; Польша – как когда-то на крыльце трактира, в ту памятную ночь – взял ее за подбородок и вздернул голову, всматриваясь в лицо* (В. Пиккуль); соответственно трагическими, памятными, траурными, великими представляются человеку события, которые произошли в указанное время;

– **перенос с действия на средство действия**: *Начинающим водителям могут запретить быстрые машины* (quto.ru/), ср. *быстрое движение* машин – *быстрые машины*;

– **перенос с действия на субъект действия**, например: *Если вы торопитесь, я буду краток* (разг. речь), ср. *краткое выступление – краткий оратор*.

3.2.2. Перенос определения с компонента на ситуацию в целом

Перенос определения с противоположным пропозициональным вектором – **с части на целое**, т.е. на ситуацию в целом или на действие, организующее эту ситуацию – распространен в речи более ши-

роко. В составе его частных разновидностей чаще всего наблюдаются переносы со следующих компонентов ситуации:

– с **субъекта** на ситуацию (действие, процесс): *Гостей «стреляющей» свадьбы доставят в суд силой* (Рамблер. Новости. 2012); *Я забыл сказать, что, кроме поля, деревни, матери и колокольного звона, я любил еще (и чем больше живу, тем больше люблю) паровозы, машину, ноющий гудок и потную работу* (А. Платонов); *Назван размер штрафа за агрессивную езду* (Авторамблер. 2019); *Стоит сытое ворчание* (В. Распутин); *Не искушай доверья моего. Я сквозь темницу пронесла его, Сквозь жгальное предательство друзей, Сквозь смерть моих возлюбленных детей* (О. Берггольц); *Шепот, робкое дыханье...* (А. Фет); *...молодость цветущую твою Не пощадит молвы коварное гоненье* (М. Лермонтов); *Начальника криминальной полиции Литвы уволили за пьяную езду* (<http://news.rambler.ru/24362206/>); *В этом смысле германские и американские интересы совпадают, и отчасти этим объясняется молчаливое наблюдение Германии за развивающейся драмой...* (luckyea77.livejournal.com); *Это было не раз. Это будет не раз / В нашей битве, глухой и упорной...* (Н. Гумилев); *Такой слегка шалопайский футбол. Не всегда встроенный, но в целом обаятельный* (dzen.ru); *И вдруг – нелепая, пьяная драка, офицерский скандал – и все кончено, все разлетелось в прах!* (А. Куприн); *Слава высмеяла «голую вечеринку» и Киркорова с катетером на руке* (Н.Борродкин); *Ведь провокации, секс-эпатаж и легкомысленные вечеринки были моей стихией...* (https://news.rambler.ru/starlife/52037006/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink4); *Дорогая Настя, я не присутствовала на твоей обнаженной вечеринке!* (https://news.rambler.ru/starlife/52037006/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink);

– с **объекта** на действие: *меховая распродажа* (реклама продажи меховых изделий); *норковая распродажа* (реклама продажи шуб); *Известие о крупном подписании соглашения с Китаем* (НТВ): *подписание крупного проекта → крупное подписание*;

– с **инструмента** на действие (процесс): *распростертые объятия*, *ср. распростертые руки*; *Что вы знаете о «ядовитых» операциях ФСБ и ГРУ против Дудаева?* (Комсом. правда): *операции с применением ядовитых веществ → ядовитые операции*. В последнем случае намеренность переноса и оценка выражения как не вполне нормативного обнаруживается в использовании кавычек, означающих условность выражения.

3.2.3. Перенос определения с одного компонента ситуации на другой

Пропозициональные векторы переноса определения с одной «частью» ситуации на другую являются разновекторными и широко распространены. Продемонстрируем соответствующие виды метонимического использования прилагательного.

3.2.3.1. Наиболее последовательно происходит перенос определения с субъекта на другие компоненты ситуации. Представим основные разновидности.

1. Перенос определения с субъекта на объект представлен разновидностями объекта – создаваемого в результате действий субъекта и воспринимаемого субъектом:

А. Перенос с субъекта на **создаваемый объект**: *талантливый рассказ*: талантливый писатель → талантливый рассказ; *бездарная повесть, гениальное творение, умная книга, озорной рисунок, бойкий смех, разудалый свист, ликующий крик, нахальная пристройка, молодое кино* (о фильмах молодых режиссеров); *Амбициозные проекты будут поддержаны губернатором* (разг. речь); *Более солидное впечатление производит вторая глава* (А. Безрукова); *Нет сил слушать высокопоставленный бред* (комментарий на форуме Рамблера).

Прокомментируем текстовый пример: *Бок о бок с шашлычной, / шипящей так сочно, / Киоск звукозаписи / около Сочи. / И голос знакомый / С хрипкой несетя, / и наглая надпись: / «В продаже – Высоцкий»* (Е. Евтушенко). Сочетание *наглая надпись* именуется проявление названного качества, характеризующего человека-субъекта. Однако перенос признака на создаваемый субъектом объект (надпись) позволяет снизить степень категоричности в характеристике субъекта – указать на качество наглости как на ситуативное, разовое его проявление со стороны лица-субъекта.

В следующем примере в составе текстового фрагмента содержится мотивация – указание на логику переноса определения с субъекта на объект: *Суд обязал бизнесмена Черного заплатить \$503 млн по «пьяной расписке»* (заголовок). *Верховный суд штата Нью-Йорк обязал экс-олигарха Михаила Черного, проживающего с 1994 года в Израиле выходца из СССР, заплатить полмиллиарда долларов по оспариваемой многие годы расписке с бизнесменом Александром Гликладом, говорится в заявлении суда. Гликлад подал в суд на бывшего алюми-*

ниевое магната Черного еще в 2009 году с требованием выплаты по векселю 270 миллионов долларов, которые ему якобы причитаются от продажи доли в «Кузбассразрезуголь». Адвокаты Черного в свою очередь заявили, что **подпись** на расписке, написанной от руки, **была поставлена им по ошибке не в том месте и «в состоянии алкогольного опьянения»** (<http://news.rambler.ru/24575427/>): **пьяный бизнесмен** подписывает расписку → **пьяная расписка**.

Б. Перенос с субъекта **на воспринимаемый объект** (который вызывает у субъекта соответствующие чувства – радость, грусть, злость): **Городок Хвалынский, ленивый и сонный**, яснее проступал за кущами деревьев (А.Н. Толстой); **За окном вагона уже дымился ненастный день, мелькали печальные перелески**, белело небо над каким-то пригородом, там и сям еще горели, или уже зажглись, окна в отдельных домах... (В. Набоков): **печальное настроение субъекта**, навеянное восприятием перелесков → **печальные перелески**.

На первый взгляд, неожиданным представляется следующий пример переноса определения в тексте М. Цветаевой: *Розан ал, студень гол. / А будильник – зол*. Однако поэт так комментирует подобный факт: «Не глаза – страстные, а я чувство страсти, вызываемое во мне этими глазами, приписала глазам. Не я одна. Все поэты». Приведенная цитата – своеобразный ключ к пониманию многих словоупотреблений поэта. С учетом метаязыковой рефлексии поэта такие факты логичнее рассматривать как следствие именно пропозиционального переноса определения.

2. Перенос определения с субъекта **на орудие** действия: *Художник-варвар кистью сонной Картину гения чернит...* (А. Пушкин): **сонный художник** → **сонная кисть**; *Когда горят над сопками Стожары И пенье сфер проносится вдали, Колокола и сонные гитары Им нежно откликаются с земли* (Н. Заболоцкий).

3. Перенос определения с субъекта **на место** его действия: *одинокая комната, пьяный мост, пьяная дорога, танцующий мост*.

Приведем текстовые примеры:

Опустившись на колени, она поцеловала край одеяла с постели, те места пола, где ступали его ступни, перекрестила все углы комнаты и вышла. Больше в эту сладкую и больную комнату она не возвращалась (Б. Зайцев); [о нудистах] *Мы с друзьями на квартирах собирались, дни рождения, Новый год отмечали. Все голышом, конечно. Сейчас проще стало: есть специальные базы отдыха, бассейны, туристические фирмы. Я в одной из «голых» бань жену свою нашел,*

уже пять лет вместе (<http://moslenta.ru/article/2015/08/14/nude/>); *Бродят шаги в опечаленной зале* (М. Цветаева); *И каждый нес свою тревогу / В наш без того тревожный дом* (М. Цветаева); *Только утро любви хорошо: хороши Только первые, робкие речи, Трепет девственно-чистой, стыдливой души, Недомолвки и беглые встречи, <...> Поцелуй – первый шаг к охлаждению: мечта И возможной, и близкою стала; С поцелуем роняет венки чистота, И кумир низведен с пьедестала; <...> Светлый храм в сладострастный гарем* обращен (С. Надсон).

В текстах, отмеченных шутливостью, элементами непринужденности, нередко встречаются сочетания типа *пьяная дорога*, *пьяный мост*, *танцующий мост* и подобные, в которых месту (трассе перемещения) приписывается свойство человека – перемещающегося по этой трассе и производящего нетвердой походкой либо неровной ездой на наблюдателя впечатление пьяного либо танцующего. Приведем примеры: *Напомним, трактор перевернулся на «пьяной» дороге у кладбища и перекрыл движение на несколько часов. <...> Как сообщалось ранее, дорога носит такое название из-за неровностей и резких подъемов-спусков.* (http://gorod.samara24.ru/news/incidents/2014/06/28/taksi_i_gazel_stolknulis_na_maslyanom_pyatne_ot_upravshego_traktora_na_pyatnoy_doroge_u_syzrane/): субъект, кажущийся **пьяным** из-за неровного передвижения по дороге → **пьяная дорога**. См. также:

Пьяный мост в Волгограде. Опять кто-то стырил деньги... (заголовки). *Новый мост через Волгу, открытый в Волгограде около полугода назад, в четверг вечером был перекрыт для движения автомобилей в экстренном порядке. Конструкцию моста внезапно начал расшатывать сильный ветер. <...> на мосту произошло резонансное колебание межпролетных участков такой силы, что машины подкидывало и разворачивало в воздухе на 180 градусов. <...> Машины буквально прыгали на мосту* (<http://www.ochividets.ru/rolik/16126/>); *Автомобильный мост через реку Волгу в Волгограде получил необычное название «Танцующий мост» из-за своего странного «поведения» 20 мая 2010 года. В этот день движение по мосту было запрещено из-за сильных, волнообразных колебаний конструкции. Амплитуда раскачивания достигала одного метра. Железобетонный мост изгибался с такой силой, что трудно было поверить в реальность происходящего* (<http://www.egorovatiana.ru/post188052425/>); *«Танцующий» мост в Волгограде испытали на прочность 15 «КамАЗов»;*

Автомобилисты не боятся ехать по «**танцующему**» мосту: «Снаряд в одну воронку дважды не падает»; После «**танцующего**» волгоградского моста проверяют все подобные сооружения в стране; «**Танцующий**» мост не откроют для большегрузов еще несколько недель; При строительстве «**танцующего**» моста «испарились» более 152 миллионов рублей (<http://m.volgograd.kp.ru/daily/theme/4197/>).

4. Частотным является перенос определений с субъекта на время события.

В этом случае с субъекта, находящегося в определенном состоянии, определение переносится на время, в течение которого человек находится в этом состоянии: *счастливое утро, беспечное детство, беззаботное время, тревожные годы, суетливая неделя, полусонная ночь.*

Приведем текстовые примеры: *Но теперь для тамбовцев настали **нервные времена*** (Комсом. правда); *Надо было понять, почувствовать и прожить эту историю [о роли в фильме] в очень короткие, **нервные сроки*** (И. Чурикова); *нервное состояние* актера → *нервный период* этого состояния; *Печальный* декабрь (в течение которого умерли близкие люди) (из частной переписки); *Настанет день – печальный, говорят! // Отцарствуют, отплачут, отгорят...* (М. Цветаева); *...фантазия Патрикея была та, что он и в **дряхлой старости** своей... остался вольным крепостным после освобождения...* (Н. Лесков); *...я в свои лучшие высшие **сильнейшие, страстнейшие часы** – сама такая же* (М. Цветаева); *В **часы одинокие** ночи Люблю я, усталый, прилечь...* (А.К. Толстой); *...Свадьба, к огорчению моему, все откладывалась и откладывалась до более устойчивых и **сытых времен*** (В. Астафьев); *По объявлению в ... журнальчике я очутился, в один **предприимчивый день**, в конторе некоей Mlle Edith...* (В. Набоков); ***90-е** годы были настолько **лихими**, что президент мог позволить себе отдать приказ о расстреле парламента* (А. Рущкой); *Первая часть дороги... всегда... медлительна. **Средние часы дремотны**, последние – скоры* (В. Набоков); *Ноябрь. День короткий. И только **утро** бывает **радостным**.* *А к середине дня сумрак ложится на землю, как ранняя старость* (В. Токарева); ***Гриппозной зимой** проморозило...* (О. Митяев); *...И до сих пор вместе с прекрасным обликом Олеси живут с неувядающей силой в моей душе эти пылающие вечерние зори, эти росистые благоухающие ландышами и медом **утра**, **полные бодрой свежести** и звонкого птичьего гама, эти **жаркие, томные, ленивые** июньские дни...* (А. Куприн); *...Вечерний звон! Как много дум наводит он **О юных днях** в краю родном...* (И. Козлов); *Я не думаю, что о 1980-х или*

1990-х кто-то напишет «Тихий Дон». И «Бригады» более чем достаточно. Позорное, лживое и слишком суетливое время (З. Прилепин).

3.2.3.2. Перенос определения с объекта на какие-либо компоненты той же ситуации встречается существенно реже.

Представим его немногочисленные разновидности:

– перенос определения с продаваемого / приобретаемого объекта **на субъект**: *Звонил Сергей водяной, молочный – мясная дама* (разг. речь) – о продавцах или предпринимателях, занимающихся продажей либо закупкой соответствующих продуктов;

– перенос определения с изучаемого объекта **на субъект** – исследователя этого объекта: *Так это вы экзотическая женщина?* (И. Стернин) – обращение к автору диссертации, посвященной изучению экзотической лексики, в порядке языковой игры;

– перенос определения с объекта либо инструмента **на субъект**: *Новое поколение выросло на другом уровне восприятия – они уже не могут только «аудио», им надо и «видео» и спецэффекты. Они – другие, мульти-платформенные, мульти-восприимчивые, поэтому им Высоцкий непонятен и неинтересен. Они ведь не знают, как он глубок и многослоен, им невдомек, что было тогда и против чего он восставал и почему сердца людей тех поколений отзывались на эти слова. Они аудиовизуальное поколение – им уже нужны другие виды подачи материала* (форум. Slon.ru): *мульти-платформенные игровые приставки* и т. п. → *мультиплатформенные люди*;

– перенос определения с создаваемого объекта (приготавливаемой пищи) **на инструмент** его приготовления (руки): выражение *вкусные руки* (букв. перевод с корейского) содержит оценку кулинарных способностей женщины-хозяйки;

– перенос определения с используемого объекта **на время** использования объекта: *Вкусное лето на даче* (реклама кафе).

Творческие варианты переноса определения можно встретить в текстах рекламных слоганов, жанр которых предписывает предельную лаконичность высказывания: *Разумный выбор по разумной цене*. В составе одного высказывания использован двойной перенос одной лексемы (*разумный*), которая в исходном значении характеризует субъект, а в переносном – в одном случае (*разумный выбор*) недифференцированно обозначенные действие и объект, а в другом (*разумная цена*) – условие осуществления действия. При этом не менее любопытна другая сторона лаконичного высказывания: определением *разум-*

ный в его исходном значении характеризуются два **разных** субъекта: в первом случае покупатель (*разумный покупатель* → *разумный выбор*), а во втором – продавец (*разумный продавец* → *разумная цена*).

3.2.3.3. Если рассматривать картину переноса в дискурсивном аспекте, то следует отметить неединичность примеров их **многовекторного переноса** – также как существительных, ср.: *озорной художник* → *озорной рисунок (поступок, выходка)* – *озорное перо / озорной карандаш* – *озорное настроение*.

Факты многовекторного переноса одного и того же слова обычно не создают коммуникативных трудностей, более того – они используются в качестве средств более точной фокусировки признака. Единство отображаемой ситуации делает до известной степени непринципиальной отнесенность определения к названию всей ситуации либо к тому или иному ее компоненту. Разница при этом обычно заключается лишь в сдвиге фокуса внимания либо на всю ситуацию – организующее ее действие или иной процесс, либо на тот или иной компонент этой ситуации.

Чаще всего многовекторный перенос одной лексемы наблюдается в двух разновидностях – в виде переносов определений с субъекта и с объекта на ситуацию в целом либо на тот или иной компонент ситуации.

Обратимся к иллюстрациям **многовекторных переносов признака субъекта**. Этот процесс наблюдается при отражении ситуации, включающей несколько типовых актантов и сирконстантов, например ситуации купли-продажи товара (или производства продукта). В речи торговых работников, покупателей и в рекламе зафиксированы выражения, включающие определение *честный* по отношению к разным компонентам ситуации, ср.:

У нас честные весы: честный продавец → *честное орудие его действий*;

Здесь самая честная (торговая) палатка: честный продавец → *честное место работы продавца*;

Цемент. Честный вес: честный работник → *честный результат его труда*;

Окна СОК. Честная рассрочка: честный продавец → *честные условия продажи*.

Естественным продолжением метонимических переносов определения *честный* в логике пропозиции является слоган *Честный сок по честной цене* (ООО «ЛЕБЕДЯНСКИЙ»), запечатлевший од-

новременно два вектора переноса: честный *производитель* сока → честный *продукт*; честный *продавец* → честная *цена*. Приведенный пример демонстрирует картину переноса с одной «части» (субъекта – производителя и продавца) на другие части одного целого – ситуации производства и продажи товара: на объект (созидаемый или продаваемый – сок), на место (палатка), на инструменты (весы), на условия (цена, рассрочка).

Обратимся к другой ситуации – дорожно-транспортному происшествию, при отражении которого перенос определения с субъекта на его действия и их результат не влечет в обыденном понимании заметного изменения фокусировки в содержании высказывания.

Сопоставим с учетом сказанного три выражения, отражающие одну и ту же ситуацию: в одном из них определение характеризует человека (*пьяный водитель*), в других выражениях относится к ситуации в целом (*пьяная езда*), к названию транспортного средства, подразумевающего комплексное представление автомобиля и водителя (*пьяный мерседес, пьяный джип*), и к результату действий человека (*пьяная авария*): *Борьба с пьяными водителями в РФ хотят с помощью облав. День памяти жертв ДТП отмечается ежегодно во всем мире в третье воскресенье ноября. В РФ прошли «круглые столы», посвященные поиску рецептов борьбы с «пьяными» авариями* (mail.ru 18 ноября 2012); *В кортеж Рушайло врезался «пьяный» джип* (Комсом. правда); *Начальника криминальной полиции Литвы уволили за пьяную езду* (<http://news.rambler.ru/24362206/>); *Пьяный мерседес сбил детей у Колумба* (<http://tyumentimes.ru/2012/10/23/pyanyj-mersedes-sbil-detej-u-kolumba/>).

Примером расширения спектра векторов переноса определения может служить следующий фрагмент, в котором отражается другая ситуация – правовой аспект оценки действий водителя: *На водителя «Мерседеса» за смертельное ДТП возбудили уголовное дело по «трезвой» статье* (<http://forum.zarulem.ws/?showtopic=633198>); ср. более типичное выражение *осудить по «пьяной» статье*.

Вторыми по частотности являются **многовекторные переносы признака объекта**. Продемонстрируем результаты переносов свойств объекта на примере определения *тонкий* («небольшой в поперечном сечении»), исходно относящегося к объекту в ситуации его восприятия, созидания либо манипуляций с ним: *тонкая игла, тонкая линия*.

В результате переноса этой лексемы в прямом или метафорическом значении она получает способность определять:

- субъект: *тонкий мастер, специалист, аналитик, психолог, кри- тик, дипломат,*
- свойства субъекта: *тонкий ум, зрение, обоняние, способности, тонкий вкус у кого-л.,*
- инструмент созидания или изучения: *тонкий инструмент, тон- кая кисть, тонкая выделка, тонкая методика,*
- объект, созданный с использованием такого инструмента либо субъектом с таким качеством: *тонкое кружево, тонкая работа, тон- кая ковка, тонкая вышивка,*
- объект в его восприятии слухом, обонянием, вкусом: *тонкий звук, тонкий запах, тонкий аромат, тонкий вкус,*
- действие и его порождения: *тонкий анализ, тонкий намек, тон- кие наблюдения, тонкая мысль, ирония, шутка.*

3.3. Сценарная логика переноса определения

Как говорилось выше, сценарная метонимия характерна прежде всего для глагольной лексики, поэтому логика сценарного типа пере- носа определения касается обстоятельственных определений – чаще всего наречий.

Сценарные переносы обстоятельственных определений наблюда- ются при глаголах разной семантики, употребленных в метонимиче- ски производном значении сценарного типа, например: *Успешно схо- дила к директору; Успешно съездил в министерство; Как я удачно заглянул к вам на огонек!; Он удачно лег на обследование.*

Прокомментируем сценарное содержание приведенных выраже- ний и отнесенность определений.

Выражение *Успешно сходила к директору* обозначает то или иное событие сценарного характера, состоящее из нескольких актов, объединенных отношениями последовательности: сходила, погово- рила, получила разрешение, или обещание решить проблему, или была принята на работу и мн. др.

Высказывание *Успешно съездил в министерство* также предпола- гает комплекс действий, представляющих другие сценарии: съездил, попал на прием к нужному чиновнику, или успел сдать документы в короткие сроки, или получил разрешение на определенные действия, или договорился о дополнительном финансировании, или получил рекомендацию к избранию на должность руководителя и мн. др.

За фразой *Как я удачно заглянул к вам на огонек!* стоят другие потенциальные сценарии: заглянул, зашел, увидел людей (интересных, близких, важных для решения вопроса и т. д.), поучаствовал в общении (в обсуждении важного для себя вопроса), или принял участие в застолье, вкусно поел, или получил приглашение к участию в престижном проекте, или приобрел нужное знакомство и др.

Он удачно лег на обследование может означать, в частности: пришел (приехал), обратился с просьбой об обследовании, оформил необходимые документы, получил право / возможность обследовать состояние здоровья, занимается обследованием.

Выражение *Безрезультатно этот студент дважды встречался с экзаменатором* предполагает акт прихода студента, его встречу с экзаменатором, подготовку к ответу, ответ студента, беседу студента и экзаменатора, оценивание экзаменатором ответов студента и объявление неудовлетворительной оценки.

Из комментариев становится ясно, что в приведенных фразах обстоятельственные определения *успешно, удачно, безрезультатно* характеризуют не буквально названный акт (съездил, заглянул, лег, встречался) и не весь сценарий. В противном случае не приходилось бы говорить о **переносе** обстоятельственного определения. Определяемым и оцениваемым (положительно или отрицательно) актом в этих случаях является результат – центральный акт сценария: переговоры, заключение соглашения, отдых, завершение процедуры оформления обследования, лечение, решение проблемы, получение оценки, которые были целью сценарного события, *но не результат собственно движения* (сходила, съездил), *зрительного действия* (заглянул), *изменения положения в пространстве* (лег), *пространственного и зрительного контакта* (встречался).

Наиболее ярко процесс переноса определения воспринимается в неудачно построенных выражениях со сценарной метонимией. См. такой пример переноса определения *незаконно* в следующем предложении: *Молодой человек незаконно сел за руль* (будучи пьяным, или в возрасте 15 лет, или за руль чужого автомобиля и т. д.). Сам по себе факт сидения за рулем какого-либо автомобиля обычно не оценивается как незаконный, речь в данном случае идет об управлении автомобилем, о езде на автомобиле, и определение *незаконно* в этом случае характеризует езду на автомобиле либо завладение чужим автомобилем и езду на этом автомобиле, т. е. другие, не названные действия,

которые связаны с действием сидения (действием усаживания в автомобиль) включенностью в общий сценарий.

Несмотря на то, что сценарная метонимия, как уже говорилось, более характерна для глагольной лексики, можно привести примеры, когда в этот тип метонимического переноса вовлекается субстантивная лексика, связанная с обозначением сложной деятельности, прежде всего отглагольная – *поездка, ужин, встреча* и др. В этом случае определения-прилагательные демонстрируют ту же логику переноса, что и глагольная лексика, см.: *интересная поездка; романтический ужин, результативный ужин, важный завтрак, результативная встреча*. Определение оценивает не названный акт и не все событие сценарного типа, а лишь центральный акт, который был целью всего сценария.

3.4. Гештальтная разновидность переноса определения

Применительно к метонимическому переносу определения особую роль, по нашим наблюдениям, играет **гештальтный принцип** восприятия, хранения и воспроизведения знания.

Напомним сказанное выше: отличительной особенностью этого типа метонимического переноса является то, что он отражает, в частности, отношения смежности между **эмпирически конкретным** (образным, чувственно-наглядным) и – **абстрактным** (понятийным, логическим) аспектом реалии, ситуации, объединенных в рамках **гештальта**.

Использование ресурсов гештальтного отражения знаний о мире в рамках переноса определения может обеспечивать не только экономию средств номинации денотата, но и экспрессивный эффект.

По гештальтной логике происходит перенос не только определяемых слов (существительных), как было показано в предыдущей главе, но и определений. Приведем примеры фраз, в которых определение перенесено по гештальтному принципу, чаще всего с конкретного аспекта денотата на его абстрактную сторону. В этом случае абстрактные «части» (микрконцепты) определяются с опорой на ресурсы чувственно воспринимаемого элемента того же гештальта, выраженного определением: *Все же, не в силах противиться ее улыбающемуся желанию, он провел ладонью по ее голой руке* (В. Набоков): улыбающееся **лицо** → улыбающееся **желание** (выраженное лицом); *В зеленый вечер под окном на рукаве своем повешишь* (С. Есенин): зеленые **деревья** → зеленый **вечер**; *Птенцов узколищых*

Не давши в обиду, Сказалось – Орлицыно сердце Тавриды. На крик длинноклювый – С ерами и с ятью! – Проснулась – Седая Монархия-матерь. На крик длинноклювый... (М. Цветаева): длинноклювая птица (орел) → длинноклювый крик (птицы).

Обратимся к нескольким денотативным сферам для демонстрации показа переноса определения, относящегося к гештальтной разновидности: к сфере человека и к сфере астрономического времени.

1. В **сфере человека**, пожалуй, наиболее показательна картина переносов определения при отражении внутреннего состояния лица (абстрактной, ненаблюдаемой сферы) через обращение к элементам его внешнего вида.

При этом можно наблюдать два варианта соотношения абстрактного и образного, чувственно воспринимаемого элементов в составе сочетания определения с определяемым существительным.

А. В одних случаях абстрактный элемент выражен определением при существительном с предметной семантикой и актуализированным образным аспектом, например: *...ее серовато-синие глаза темнели, улыбаясь пьяной ...улыбкой* (М. Горький); *В часы одинокие ночи Люблю я, усталый, прилечь – Я вижу печальные очи, Я слышу веселую речь* (А.К. Толстой).

Б. В других случаях определение, в котором актуализован образный элемент, выступает в сочетании с абстрактным существительным, например: *Там, в памяти твоей голубоокой...* (М. Цветаева); *В широкооую печаль – гляжу* (М. Цветаева); *Всю меня в простоволосой Радости моей прими* (М. Цветаева). В последнем примере эпитет *простоволосая* в сочетании с субстантивом *радость* приобретает новое, окказиональное значение: происходит перенос качества с лексемы *голова* (обнаженная голова, без головного убора) либо с лексемы *женщина* на лексему *радость*, где *простоволосый* уже означает «обнаженный в своей искренности» (есть у М. Цветаевой и похожее выражение: *распахнутая радость*). Поле значения эпитета остается общим у двух понятий – «незащищенный, открытый», абстрактное же понятие «радость» переводит семантику определения в план психологической характеристики.

Прокомментируем похожие примеры: *И школу Франц покинул с облегчением, полагая, что отделался навсегда от ее грязноватой, прыщеватой жизни* (В. Набоков): **человек** → возрастной **период** с характерными особенностями внешности и состояния организма, личности;

Ему стало стыдно (на пляже), он почувствовал свою дрожащую наготу, едва прикрытую шарлатанским халатом (В. Набоков): **дрожащее нагое тело** → **дрожащая нагота** (тела);

...Марта умело и настойчиво обращала его **близорукое внимание** на **комнатные красоты** (В. Набоков): близорукие глаза → взгляд близоруких глаз → внимание, выражающееся во взгляде близоруких глаз → близорукое внимание (выраженное во взгляде); *Франц, блестя на Марту обожжающими очками*, *посасывал ножку холодного цыпленка* (В. Набоков): **обожжающий человек** → **обожжающие глаза** (взгляд) → **обожжающие очки** (сквозь которые видны глаза, выражающие обожание); *И, устремив на чуждый свет / Разочарованный лорнет, / Веселья зритель равнодушный, / Безмолвно буду я зевать / И о былом воспоминать* (А. Пушкин).

2. В **сфере астрономического времени** перенос определений, представляющий гештальтную разновидность, демонстрирует особенно высокую регулярность. Это объясняется тем, что обыденное восприятие времени как абстрактного феномена (времени года, времени суток, других временных отрезков) опирается на чувственное восприятие действительности, чаще всего состояния природы (метеорологических особенностей, состояния растительности и т. д.), на состояние человека в этот период или состояние его дел, события и т. д. – и совмещается с ними. Одним из следствий такого совмещения оказывается экономия языковых средств, когда обозначение временного отрезка определяется в самых разных аспектах, отражающих конкретную ситуацию.

Следовательно, слова типа *осень, день, ночь* определяются по метонимической логике признаками смежных с ними реалий: *золотая осень, рыжая осень, холодная осень, теплый день, солнечный день, темная ночь, морозная ночь, пасмурное утро*. А их дериваты (*осенний, октябрьский, ночной*) по той же логике выступают определением для последних (*осенняя погода, осенние листья, ночные тени*).

Рассмотрим несколько групп типичных примеров.

А. Отражение метеорологических особенностей суточного времени:

– *день, вечер сухой, морозный, ненастный* и мн. др.: *Был сухой морозный день начала ноября...* (Б. Пастернак): **сухой воздух**, **морозная погода** → **сухой морозный день**; *За окном вагона уже дымился ненастный день, мелькали печальные перелески, белело небо над каким-то пригородом, там и сям еще горели, или уже зажглись, окна в отдельных домах...* (В. Набоков); *Раз осенью, в такой же дождливый вечер, Женя стоял с Настасьей у окошка* (Б. Зайцев): **дождливая погода** → **дождливый вечер**;

– *лето, осень знойные, пасмурные, холодные* и мн. др.: *За весной, красой природы, Лето знойное пройдет...* (А. Пушкин); *Пасмурная осень тянулась долго* (Ю. Коваль).

Б. Отражение цветовых и световых особенностей суточного времени, являющихся отражением солнечного света, закатного неба: *Так было и в тот вечер апрельский, алый и нежный...* (Б. Зайцев): **алый небосвод** → **алый вечер**; *Синий май. Заревая теплынь* (С. Есенин): синее **небо** → **синий май**; *Вечер осенний был душен и ал...* (А. Ахматова): душный **воздух** вечером → душный **вечер**⁵; *...вечер был багряный, порфиородный...* (А. Белый); *...Погасал горячо рдеющий вечер, и тихо померкала вокруг окольность* (Н. Гоголь). *...был уже последний серый день октября...* (В. Дудинцев); *Короткий зимний день кончается, чуть позолоченный солнцем* (И. Грекова).

В. Отражение особенностей времени года, связанных со снегом: *... молодые Турбины не заметили, как в крепком морозе наступил белый, мохнатый декабрь* (М. Булгаков).

Г. Отражение эмоционального состояния лица в определенный период его жизни: *Безрадостное встанет утро после бессонной ночи...* (Л. Петрушевская): **безрадостное настроение** (человека) → **безрадостное утро**; *Их (последних дней старого мира) осталось немного, насыщенных зноем догорающего лета, радостных и беспечных* (А.Н. Толстой).

Для пословиц, в отличие от художественных текстов, более актуально не психологическое состояние человека в тот или иной период, а физиологическое и экономическое (голод – сытость), по метонимической логике закономерно «приписываемое» времени года: *Холоден сентябрь, да сыт; Красна весна, да голодна; Ай, ай месяц май: не холоден, так голоден; На Руси два Егорья: один холодный, другой голодный.*

Д. Отражение состояния растительного мира: *Тихо струится река серебристая В царстве вечернем зеленой весны* (С. Есенин); *Вот она, плодоносная осень!* (Ахматова): **плодоносная нива, сад, деревья** → **плодоносная осень**.

См. также: *...Опять весна душистая Повеяла крылом* (А. Фет); *Осенью, если был урожайный год, сил в народе оставалось много...* (А. Платонов).

Анализ, интерпретация и типология метонимических переносов в сфере определений, представленные в данной главе, подтверждают плодот-

⁵ При этом подобные сочетания, воспринимаемые вне контекста, могут пониматься как метафорические, например: *Пылающий август* (название кинофильма о войне, в котором с этим месяцем отношения естественной смежности связаны события).

ворность предложенного принципа – рассмотрения и оценки переносов слов в свете лингвокогнитивного подхода, в том числе учета вектора переноса с типом концепта, содержащего знания об отражаемом денотате.

Принципиально важным результатом рассмотрения материала в главе является факт совпадения магистральных направлений переносов определений, описанных в виде многообразных классификаций ученых на предшествующих этапах и в виде крупноплановой типологии представленных в данной главе, с магистральными направлениями переносов в сфере существительных и глаголов.

Общими для слов разных частей речи являются комплексы векторов переносов, объединенные нами в группы фреймовых, пропозициональных и сценарных переносов, выступающие в том числе в гештальтной разновидности.

Закономерный характер переноса определения по-своему реализует сдвиг фокуса внимания в рамках партитивных отношений, в связи с чем разные векторы переноса приобретают системные функции. Так, смещение определения с целого на часть в сфере характеристики лица часто приводит к сужению характеристики лица до ситуативного проявления признака (благородный человек → благородный поступок; нервный человек → нервный период) или до частичного восприятия соответствующего признака (голодный человек → голодные глаза), а смещение определения с обратным вектором переноса, напротив, усиливает значимость признака, обеспечивает его восприятие в качестве важного отличительного для данного лица (рыжие волосы → рыжий мальчишка; плешивая голова → плешивый поклонник).

Представления о картине переноса определений дополнены в этой главе наблюдениями за распространенностью данного явления в условиях переноса сценарного типа, затрагивающего, как было показано во второй главе, прежде всего глагольную лексику. В таком случае определение выступает в форме обстоятельства со значением образа действия, но демонстрирует те же тенденции, которые выявлены учеными по отношению к смещенным определениям-прилагательным.

Отметим симптоматичность факта многовекторных переносов одного и того же определения. Этот факт сам по себе и особенно с учетом комплекса векторов переноса (ярче всего проявляющихся в пропозициональной метонимии и отражающих пропозициональную структуру концепта) напрямую коррелирует с фактом и картиной многовекторных переносов в сфере имен существительных, с набором производных, метонимически производных лексико-семантических вариантов в значении таких слов.

Глава 4.

Метонимия в разных денотативных и дискурсивных сферах

Наблюдения лингвистов убедительно подтверждают факт массового, практически тотального распространения метонимических обозначений в речи: в непринужденной, в художественной, прежде всего поэтической, речи, в публицистике и текстах медиа, в научной и даже деловой речи, во всех сферах профессиональной коммуникации. Наиболее массово это явление представлено в разговорной, неофициальной либо полуофициальной профессиональной речи, в неофициальной интернет-коммуникации на форумах, в социальных сетях – в тех сферах, на которые не распространяются строгие языковые нормы.

Массовый характер и отсутствие каких-либо дискурсивных и стилевых ограничений (различия выражаются лишь в количественных показателях) предопределены прежде всего действием закона экономии, приводящего к поискам лаконичных способов выражения мысли.

Наряду с этим, как говорилось выше (см. первую главу), закономерный характер метонимии диктуется другой потребностью когнитивного характера – представить обозначаемую реалию в свете отношений со-частности (в логике партитивных связей) – через сдвиг внимания с целого на часть, с части на целое, с одной части на другую в рамках некоего целого, т.е. в ее соотношениях с другими наиболее типичными и очевидными реалиями, с которыми она связана в картине множественной категоризации и концептуализации знаний о действительности – концептуализации по фреймовому, пропозициональному, сценарному, гештальтному принципам.

Названные когнитивные факторы (стремление к экономии текста и сдвиг фокуса внимания), как было показано в первой главе, обусловили формирование лингвистического механизма, который способен обеспечить речевую реализацию названных интенций, в том числе в форме метонимических переносов лексических единиц разных частей речи, а также в форме порождения вторичных, метонимически производных значений в семантической структуре таких единиц. Эти значения во многих случаях приобретают системный характер, в дру-

гих случаях они имеют статус речевых употреблений, но и в таком статусе они представляют реализацию очевидной закономерности или, по крайней мере, устойчивой тенденции. Иначе говоря, универсальный когнитивный механизм в его проекции на речевую деятельность получает разнообразные проявления.

Широкая распространенность метонимии не могла не привести к ее намеренному использованию в качестве приема, обеспечивающего тот или иной дополнительный эффект – сначала в качестве тропа в риторическом и художественном дискурсах, а впоследствии и в других типах дискурса. В результате широкого распространения этого приема в специфических дискурсивных условиях у него складывается богатый комплекс функций, в том числе экспрессивная, оценочная, эвфемистическая, эстетическая, текстообразующая, жанрообразующая и другие.

В следующих разделах обращается внимание на распространенность и значительную (но далеко не одинаковую) роль метонимического механизма в разных его проявлениях по отношению к единицам разных уровней языковой системы, к разным типам текста, в различных денотативных и дискурсивных условиях.

При этом в разных разделах обращается внимание на разные аспекты функционирования когнитивного механизма метонимии – применительно

- к разным единицам – языковым (прежде всего фразеологическим единицам на фоне показанной выше картины вовлеченности в этот процесс единиц лексики) и текстовым (рекламным, художественным, а также пословицам);

- к разным денотативным и дискурсивным сферам (неофициальному общению в целом и общению в отдельно взятой денотативно-коммуникативной сфере – медицинской);

- к разным функциям, обусловленным природой конкретного типа дискурса (разговорного, рекламного, поэтического);

- к соотношению с языковой нормой: в этом случае анализируется взаимодействие двух факторов, регулирующих речевую деятельность и коммуникативное взаимодействие участников общения: когнитивного фактора, направленного на экономию языковых усилий и смещение фокуса внимания на актуальную в данной речевой ситуации информацию, и, с другой стороны, языкового фактора – ограничивающего влияние системы норм литературного языка;

– к разным типам метонимии – фреймовому, пропозициональному и сценарному по отношению к разным единицам и сферам коммуникации.

4.1. Метонимия в разговорном дискурсе

Наиболее благоприятные условия, способствующие широкому распространению метонимии, существуют **в разговорном дискурсе**, в условиях непринужденного, неофициального либо полуофициального общения.

Этот дискурс характеризуется известными особенностями:

- более мощным влиянием и более последовательным воплощением закона экономии физических усилий, что, в свою очередь, обусловлено

- значительной свободой от жестких языковых норм,

- непосредственным контактом участников общения, снимающим возможную неясность высказывания в условиях конкретной речевой ситуации.

В разговорной речи метонимические переносы обеспечивают значительное сокращение речевой цепочки и экономию речевых усилий, что очень важно для неформального общения, в том числе в конкретной ситуации, суть которой участникам общения бывает в целом понятна.

Во второй и третьей главах в составе иллюстраций использовались записи разговорной речи – наряду с фрагментами других типов дискурса. В данном разделе распространению и использованию метонимии в условиях непринужденного общения уделяется специальное внимание – в одних случаях имеющее целью подтверждение выводов, сделанных в предыдущих главах по отношению к метонимии в речевой деятельности в целом, в других – демонстрацию более последовательного и практически не сдерживаемого ее распространения, в том числе в окказиональных проявлениях.

Лексические единицы, получающие в определенных социальных условиях повышенную коммуникативную востребованность, легко и естественно вовлекаются в метонимическое употребление.

Так, по мере активного внедрения в практику услуг по доставке товаров из торговых заведений название этой услуги – слово *доставка* (как и названия конкретных сервисов – *Самокат, Ozon, Lenta* и

других) приобретает набор типовых метонимически производных значений пропозиционального и фреймового типа: «действие доставки», «субъект действия», «доставляемый товар», «пункт обращения с заказом», а также вовлекается в метонимическое обозначение события приобретения товара по сценарной логике, ср.: *быстрая доставка* («действие»); *Доставка звонит, открой дверь* («субъект доставки»); *Нужно обратиться в доставку* («место – пункт обращения с заказом»); *Доставка на этот раз не только быстрая, но и вкусная* («действие доставки» и «объект – доставляемый товар»); *Чтобы не тратить время на готовку ужина, я позволю в доставку* (сценарный тип метонимии – обозначение многоактного события по его начальному действию).

Как показывают результаты исследования и интерпретации лексической метонимии, показанные выше, она представляет собой неоднородный массив в разных отношениях. Наблюдения за ее реализациями в разговорном дискурсе подтверждают этот вывод в полной мере.

Обратим внимание на то, что в массиве метонимических выражений представлены все основные типы метонимических переносов: фреймовый, пропозициональный и сценарный в их частных разновидностях. Кроме того, высоким показателем частотности характеризуются метонимические переносы, представляющие все три основные разновидности партитивных отношений – результаты переноса с целого на части, с части на целое и с одной части целого на другую его часть.

Описанию закономерностей функционирования лексической метонимии в разговорной речи (в ее классическом выражении – как процессе переноса слова на основании отношений частей и целого и результате этого переноса) посвящена статья Д.А. Дерюгиной и Н.А. Илюхиной [22], в которой показаны, в частности, широкие возможности этого механизма в ситуативном обозначении лица. Продемонстрируем наиболее важные положения⁶, сформулированные по результатам анализа живой разговорной речи лиц разного возраста и разных профессий.

⁶ Дерюгина Д.А., Илюхина Н.А. Возможности метонимии в обозначении лица в разговорной речи // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29. № 1. С. 174-180.

Среди наиболее востребованных для обозначения лица на основе отношений смежности следует назвать переносы названий:

- географических объектов,
- учреждений, зданий, помещений, транспорта,
- сообществ, членом которых является лицо,
- действий, которые выполняет это лицо,
- объектов деятельности этого лица,
- инструментов, используемых лицом при совершении конкретных действий,
- признаков лица – внешних либо внутренних.

Приведем примеры с пояснением семантики слов (в случаях неполной ясности их денотативной отнесенности), использованных для метонимического обозначения лица в разных денотативно-коммуникативных ситуациях: общении в быту, в условиях учебного заведения, посещения медицинского учреждения, парикмахерской, танцевального клуба, конно-спортивной секции, театра, поездки в общественном транспорте и т.д.

*Сегодня **Екатериновка** звонила* – о телефонном разговоре с человеком, который живет в деревне Екатериновка;

– *Есть новости про Казахстан? – Да, **Казахстан** уже в Турции* – о лицах, эмигрирующих в Турцию через Казахстан;

– ***Девятый кабинет** сегодня не принимает* – о враче;

– ***15-ая квартира** подпись не поставила* – о жителях квартиры;

– ***Парикмахерская** приглашает на стрижку;*

– ***Бухгалтерия** вызывает за документами;*

– *Какой громкий соседний **стол*** – о посетителях ресторана, сидящих за соседним столом;

– ***Последним рядом** ничего не видно* – о людях, сидящих на последних рядах;

– *Наши **самолёт** уже пригласили на посадку* – о пассажирах;

– ***Вип-салон** обслужили раньше;*

– ***Математика** сегодня не придёт, она ребят на олимпиаду повела* – об учителе;

– ***Замер** ушёл обедать* – о рабочем, выполняющем замеры;

– *Наши **золотое перо** олимпиаду по литературе пишет* – о школьнике с литературным талантом;

– ***Попроси мебель** приехать пораньше* – о сборщиках мебели;

– ***Прогулка** уже вернулась* – о клиентах конного клуба, совершающих конную прогулку по лесу;

- *Сегодня приходили только два «каре» и три «пикси»* – о клиентах, которым сделаны соответствующие причёски;
- *В 15 придут брови, а в 16 – ресницы* – о клиентах парикмахерской на косметических процедурах;
- *В последнее время одни ноги поступают* – о пациентах с травмами ног в медицинском учреждении;
- *Ты любовь свою видела?* – о любимом человеке;
- *Ковид со специального входа заходит* – о пациентах с этим заболеванием в поликлинике.

Ряд приведенных выше фрагментов свидетельствует о широком распространении в условиях неофициального общения окказиональных метонимических выражений, которые вне конкретной ситуации остаются непонятными. Еще более ситуативно обусловленными представляются следующие фрагменты коммуникации.

- *А теперь угол рысит к центру* – о всаднике на лошади, находящейся в углу манежа;
- *Вторая линия сейчас встанёт на скамеечку* – о школьниках, стоящих во втором ряду во время фотографирования;
- (разговор на автостоянке) *А восьмое место свободным останется?* – *Да, восьмое [место] сейчас на даче* – о владельце автомобиля, обычно стоящего на этом месте, предназначенном для парковки автомобилей.

Приведенный здесь и более обширный материал в статье позволяет авторам сделать обоснованный вывод о массовом, не ограниченном литературными нормами вовлечении лексики в метонимическое употребление. Эта закономерность дает говорящему возможность в лаконичной форме обеспечить многообразную ситуативную характеристику лица по чрезвычайно широкому спектру аспектов – социальную, профессиональную, возрастную, межличностную, по месту проживания, работы, ситуативного нахождения, по сферам интересов, внешним особенностям, внутренним качествам и т.д. – характеристику, которая является наиболее актуальной для говорящего в момент речи.

Для демонстрации широкого распространения и органичности метонимического способа номинации и выражения мысли в неофициальной коммуникации, имеющей элементы непринужденности, хотя и публичной, обратимся вновь к дискурсу общения в общественном транспорте или в связи с транспортом.

Приведем и прокомментируем реплику телефонного разговора водителей маршрутных такси: **Я еду пустой, а ты полный?**

В этом выражении местоимения 1-го и 2-го лица фактически указывают не только на лиц (водителей), но и на транспортное средство – вопрос касается заполненности салона пассажирами. Ср. соответствующее нормам эквивалентное выражение, которое выглядит в данной коммуникативной ситуации непринужденного разговора несколько искусственным: *У меня **машина пустая**, а у тебя **полная?** или *Моя **машина едет пустая**, а твоя – **полная?**

В вопросе пассажира, адресованном водителю: **Вы до Солнечной идёте?** (вместо выражения *Вы до Солнечной едете?* либо **Машина/автобус до Солнечной идёт?**) – использован глагол *идти*, по своему значению относящийся к транспортному средству (до остановки «Солнечная» *идёт* маршрутное такси, а *водитель и пассажиры – едут*). Выбор глагола в данном случае свидетельствует о неосознанном объединении в сознании говорящего водителя и машины в один комплекс или о переносе названия действия машины на водителя, – переносе, осуществленном на базе этого объединения.

Ср. подобное выражение в телефонной реплике пассажира, *сидящего* в автобусе: **Я стою в пробке на Солнечной**. Заметим: в пробке стоят машины, а пассажир в данном случае сидит. Выражение *стою в пробке* в речи сидящего пассажира свидетельствует об объединении в его сознании (в комплексном восприятии и обозначении) автобуса и пассажиров в данной речевой ситуации. Если интерпретировать процесс в терминах переноса, то глагол *стоять* (*в пробке*) в данном случае переносится с характеристики собственно автобуса на автобус, осмысляемый вместе с пассажирами, и на каждого отдельного пассажира. Однако более интересно местоименное обозначение *я*, которое в данном употреблении оказывается именем всего концепта «Автобус», объединяющего говорящего в качестве пассажира и транспортное средство.

Сходное денотативное содержание имеет лексема *люди* в следующем примере: **Сколько людей стоит в пробке!** (добавим: как правило, *сидя* при этом в легковых автомобилях). Приведенное высказывание также подтверждает сделанный выше вывод об актуализации в рамках такой фразы всех основных компонентов фрейма «Транспорт», включая представление о транспортном средстве, водителе и пассажирах.

Аналогичный факт содержит следующее высказывание – реплика телефонного разговора водителей маршрутных такси, стоящих в пробке одно за другим: *Это ты впереди меня идёшь? Я вижу твою спину* (при этом объективно может быть видна лишь верхняя задняя часть машины, но не спина водителя).

Показательны в этой связи и следующие примеры. В период сильных морозов в общественном транспорте часто можно слышать, как пассажиры по мобильному телефону спрашивают адресата: – *Ты завелся? Не завелся?* (вместо нормативных выражений *Ты завёл машину?* или *Машина завелась?*). Обратим внимание на то, что в приведенных случаях название лица, в том числе местоименное, и название транспортного средства выступают ситуативными обозначениями целого – транспортного средства вместе с пассажирами и водителем.

С точки зрения вывода об универсальности метонимического механизма важно то обстоятельство, что приведенные факты разговорной речи коррелируют со случаями употребления глагольных предикатов в сочетаниях с названием субъекта и названием других типовых компонентов данной ситуации (аргументов) в других дискурсивных условиях, не свидетельствующих о непринужденном характере коммуникации: *экскаватор роет котлован – экскаваторщик роет котлован; машина едет – пассажир едет; автобус привез участников конференции – Иванов привез участников конференции* и т.д. (см. об этом также выше, с. 28, п. 3). При этом глагол в составе обоих сочетаний связан с обозначением одной и той же ситуации, различие проявляется, как уже говорилось, в смещении фокуса внимания на разные компоненты ситуации: субъект, объект, инструмент, – и разный угол зрения при передаче информации о событии.

Эти регулярные метонимические переносы в речи (обычно не квалифицируемые толковыми словарями как отдельные, метонимически производные лексико-семантические варианты значения слова) поддерживают в актуальном состоянии ассоциативную связь между смежными реалиями, являющимися компонентами одной ситуации, в сознании носителей языка.

Предварительно заметим, что возможность нерасчлененного, синкретического воплощения концепта в объеме нескольких его компонентов учитывается и, по нашим наблюдениям, часто используется в качестве экспрессивного приема в рекламных текстах – в презентации автомобилей, одежды, косметических препаратов и других товаров. См. об этом далее, с. 145–148.

Весьма информативны в свете рассматриваемой проблематики результаты изучения распространения лексической метонимии в детской речи в работах Е.А. Аввакумовой [1], М.Б. Елисейевой [26], Н.А. Чернявской [85; 86] и других. Исследователи оценивают метониимию как естественный для детского возраста этап освоения языка и его использования в бытовой речи, в том числе под влиянием стиля домашнего общения, а также, заметим, под более мощным влиянием когнитивных факторов – восприятия реалий действительности в их связях со смежными реалиями и принципами обработки и хранения впечатлений о ситуации.

4.2. Метонимия в денотативно-коммуникативной сфере лечения

В данном разделе приведем опыт систематизации картины **лексической метонимии в одной сфере действительности – сфере лечения** с учетом лишь наиболее распространенных речений. Нами привлечен корпус выражений метонимического типа, относящихся к общепонятным и достаточно частотным, «узнаваемым» в обыденной речи – в речи пациентов и их близких и в речи сотрудников медицинских учреждений (исключая узкие терминологические обозначения).

Лечебная сфера является показательной для демонстрации номинативных возможностей лексической метонимии в целом. Кроме того, наблюдения за функционированием лексической метонимии в одной сфере дают возможности продемонстрировать, что в любой одной отдельно взятой сфере коммуникации, представляющей специфическую разновидность дискурса, в равной мере широко представлены все три основных типа метонимии, выделенных нами на основе когнитивного принципа: фреймовая, пропозициональная и сценарная метонимия в их частных разновидностях.

Как известно, знания о любой значимой в жизни социума реалии или сфере действительности структурируются и хранятся в памяти в нескольких версиях, отраженных в том числе в виде фреймовой, пропозициональной и сценарной структур. Соответственно их воспроизведение в речи обнажает для исследователя картину множественной категоризации знания об этой сфере, в том числе картину, отражаемую лексической метонимией, разными принципами и векторами переносов слов – названий частных реалий этой сферы.

Сказанное в полной мере касается знаний о сфере лечения – о лечебных учреждениях, процедурах лечения, документальном оформлении лечения и т.д. С учетом множественности принципов хранения и воспроизведения знаний об этой сфере разные ее фрагменты обозначаются в условиях действия закона экономии с привлечением метонимического механизма. Результатом его действия оказываются многочисленные метонимические обозначения фрагментов этой сферы, представляющие рассмотренные выше типы метонимии.

Напомним принятый в данном издании исходный принцип интерпретации и типологии метонимии: вектор переноса и соотношение исходного и вторичного, метонимически производного, значений слова, вовлеченного в процесс метонимического осмысления фрагмента действительности, отражают структуру соответствующего концепта – фреймовую, пропозициональную или сценарную, поскольку, как показано выше, перенос названия с одной реалии на другую осуществляется в рамках одного концепта, аккумулирующего знания о соответствующей сфере, в результате манипуляции знанием в свете партитивных отношений между элементами концепта.

Рассмотрим названные типы метонимических переносов, отмеченные в лечебной сфере.

Фреймовая метонимия наиболее последовательно возникает при переносном употреблении существительных, именующих предметные сущности, которые осмысляются как некое целое, состоящее из частей, или части, составляющие некое целое.

Масштабное и абсолютно последовательное проявление метонимии фреймового типа можно проиллюстрировать на примере

– общего названия данной сферы и ее частных сфер (слов *медицина, стоматология, хирургия, терапия, стоматология* и многих других),

– медицинских учреждений (слов *поликлиника, больница, фельдшерский пункт* и других),

– их подразделений (слов *палата, ординаторская, терапевтическое отделение, администрация, регистратура* и других),

которые соотносятся между собой как статические стереотипные блоки, организующие одну сферу.

Так, слово *больница* или название конкретной больницы *Больница имени Пирогова* (в разговорной речи – *Пироговка*) может называть

– учреждение: *Больница имени Пирогова открылась после реконструкции;*

– здание: *Больницу имени Пирогова построили в середине прошлого века;*

– персонал в целом: *Больница имени Пирогова вышла на субботах; Больница имени Пирогова допущена к участию в проекте;*

– руководителей: *Больница имени Пирогова повысила оплату за оказание медицинской помощи;*

– людей, представляющих один отдел – бухгалтеров, санитаров, уборщиц и т.д.: *Больница имени Пирогова первой представила финансовый отчет – закупила медикаменты – провела полную дезинфекцию корпусов и т.д.;*

– от одного до нескольких сотрудников: *На конкурс профессионалов от нашего региона отправили Больницу имени Пирогова; На конференции в этом году медицинское сообщество города представляет Больница имени Пирогова;*

– пациентов: *Больницу имени Пирогова срочно эвакуировали;*

– документы, связанные с этим учреждением (отчет, план, устав, лицензия и мн. др.): *Найдите в папке Больница имени Пирогова.*

Даже из приведенного ограниченного числа примеров становится очевидным широкий и в известной мере неограниченный диапазон семантического варьирования номинации *больница* и всего сочетания *Больница имени Пирогова* по метонимической логике. Вместе с тем этот диапазон очерчивается границами фрейма «Больница» – это наименование может быть перенесено на любую часть, составляющую данный концепт фреймового типа.

Аналогично выглядит картина метонимического функционирования слов данной тематической группы, в том числе таких, как лексема *санаторий* и под.

Продемонстрируем на нескольких примерах употребления слова *операционная* как названия «части» больницы типовой характер фреймовой метонимии, которая включает в качестве обязательного минимума лексико-семантические варианты «помещение», «люди» (последний лексико-семантический вариант, в свою очередь, может быть представлен двумя разновидностями: «сотрудники, медицинские работники» и «пациенты»), «мебель, оборудование». Например:

Почему операционная открыта? – «помещение»;

Больница закупила новую операционную – «медицинское оборудование»;

В этот момент вся операционная замерла – «находящиеся в помещении сотрудники».

Однако приведенные примеры иллюстрируют лишь наиболее типичные лексико-семантические варианты слова *операционная*, далеко не исчерпывающие возможности метонимии. Так, даже отдельно взятая фраза *Осталось отремонтировать операционную* в разных ситуациях может предполагать помещение или его часть либо оборудование. При этом слово *операционная* может называть как ремонтируемое помещение или оборудование в целом, так и любую их часть: окно, дверь, пол; операционный стол, какой-либо прибор, электропроводку и т.д.

Во многом аналогичный состав вторичных, метонимически производных значений развивают лексемы *хирургия, терапия, стоматология, травматология, палата* и др., при этом далеко не только в качестве речевых реализаций, но и в лексикографической фиксации. Хотя при этом исчерпывающе представить набор метонимически производных значений отдельно взятого слова по известным причинам оказывается невозможно.

Показательна для иллюстрации фреймовой метонимии существительных картина развития многозначности одного из обозначений отрасли медицинской науки – лексемы *онкология*. Наряду с обозначением медицинского научного направления, этот термин в производных значениях употребляется в качестве названия заболевания (*у него нашли онкологию*), пациентов с таким заболеванием (*поступили в отделение две онкологии*), помещений для пациентов с таким заболеванием (*положить больного в онкологию*), а также учебной дисциплины, учебного пособия по этой дисциплине (*вести занятия по онкологии, взять в библиотеке «Онкологию»*), лекции по этой дисциплине и даже лектора, читающего соответствующий курс, в речи студентов (*Онкология на этой неделе в командировке*) и т.д.

Один из лексико-семантических вариантов слов, которые в исходном значении называют заболевание, обладает в разговорной речи повышенной частотностью. Речь идет о разновидности фреймовой метонимии, которая обращена к обозначению пациентов и характерна для неофициальной речи сотрудников медицинских учреждений:

Сегодня поступили две ангины и краснуха; В детское отделение положили свинку; Ковид в этой поликлинике не принимают; Готовим аппендицит к операции; Катаракта после часа; Переломы – в пятый кабинет.

Примыкает к этому способу метонимическое обозначение пациента через название медицинского оборудования: *Я сегодня работаю с двумя креслами* (из речи стоматолога).

Пропозициональная метонимия распространяется на лексику, имеющую разные типы прямого значения. Однако, по нашим наблюдениям, наиболее последовательно подвергаются метонимическому переносу этого типа существительные с процессуальной семантикой.

Во вторичных значениях такие слова становятся названиями «участников» процесса – субъекта, объекта, орудия/средства, места и т.д. Типичны метонимические употребления пропозициональной природы (наряду с фреймовыми переносами) для слов *флюорография, анестезия, назначение, предписание, направление, анализ, выздоровление, обход, выписка* и подобные.

Обратимся к примерам употребления слова *анестезия* в речи медицинских работников, которое развивает спектр метонимических значений, обнажающих в совокупности пропозициональную структуру:

- *провести анестезию, начинайте анестезию* – «процесс обезболивания»;
- *наступила анестезия* – «состояние нечувствительности к боли»;
- *приобрести анестезию, смазать нёбо анестезией, подождём, пока анестезия подействует* – «препарат как средство обезболивания».

Похожий состав вторичных значений образуется у слова *наркоз* и отчасти у слова *обезболивание*.

Соотносительный состав значений имеет слово *флюорография*, которое в речи может именовать процесс (*пройти флюорографию*), результат этого процесса – снимок (*Я смотрел / описал вашу флюорографию*), оформленное в виде документа заключение о состоянии органа (*представить флюорографию в отдел кадров*), общую оценку состояния органа (*у пациента нормальная / удовлетворительная / хорошая / плохая флюорография*).

Примером развития комплекса метонимических значений пропозиционального типа может служить лексема *реанимация*, которая означает «процесс» (*Реанимация больного была проведена квалифицированно*) – «место» (*Перевели из реанимации в общую палату*) – «персонал в качестве субъекта действия» (*Почти вся реанима-*

ция прошла новый инструктаж; **Реанимацию** вызывали? (о бригаде врачей-реаниматологов) – «больные» (Пришлось эвакуировать даже **реанимацию**) – «оборудование» (Закупили новую **реанимацию**).

Одинаковым является состав наиболее регулярных лексико-семантических вариантов у слов *назначение* и *предписание*, которые называют

– процесс – действие назначения, предписывания плана и средств лечения (*Завтра доктор сделает мне **назначение***);

– результат этого процесса – набор наименований лечебных средств и процедур (*Доктор определился с **назначением** алгоритма лечения*);

– документ с указанием наименований лечебных средств и процедур (*Мне оформили **назначение***);

– сами лечебные средства и процедуры, полученные или приобретенные в соответствии с предписанием врача (*Выполняю все **врачебные назначения***).

Лексема *направление* именуется

– процесс (*Врач долго откладывал **направление** больного в стационар*) и

– результат этого процесса – оформленный документ (*Предъявить **направление** лечащего врача*).

Аналогичный состав лексико-семантических вариантов имеет слово *выписка*, ср.: **Выписка** назначена на завтра – *Надо получить / выдать **выписку***.

Значение процесса и результата этого процесса имеет лексема *выздоровление*. Ср. следующие примеры: **Выздоровление** продлится с неделю – **Выздоровление** наступит через три дня; *С **выздоровлением** вас!*

Одним из наиболее многозначных среди слов, развивающих метонимию пропозиционального типа, является слово *анализ*, отличающееся высокой частотностью употребления в этой сфере. Наряду со значением действия (*провести **анализ***) оно приобретает метонимически производное значение «результат» (***Анализ** готов?*); в том числе документально оформленный: ***Анализы** выдаются с 13 часов*. Вместе с тем по аналогии с выражениями *сдать кровь, мочу* и т.п. *на анализ* под действием закона экономии у этого слова в разговорной речи развивается значение, отражающие еще один обязательный компонент данной пропозиции – «объект анализа, материал, представляемый на анализ». Например: *Где можно сдать **анализ(ы)**?; Водителей обя-*

жут сдавать **анализ** крови; и даже «емкость с материалом для анализа» (*Куда поставить анализы?*). В этом случае метонимическая многозначность обычно связана с формой множественного числа существительного.

Ограничимся двумя примерами воплощения лексемами данной группы с семантикой действия-процесса вторичного лексико-семантического варианта – «субъект действия»:

– лексема *обход*: *Начался утренний **обход** больных – К нам идёт **обход**; **Обход** уже в соседней палате, сейчас придет к нам;*

– лексема *суицид*: *Этот пациент пытался совершить **суицид** – «Скорая» везет к нам **суицид**.*

В денотативной-коммуникативной сфере лечения наблюдается также глагольная пропозициональная метонимия. При этом некоторые ее разновидности отличаются высокой регулярностью. Приведем в качестве иллюстрации функционирование в этом статусе основной для данной сферы глагольной лексемы – слова *лечить*. Этот глагол используется в сочетаниях трех типов – с обозначением пациента, обозначением больного органа и обозначением заболевания, ср.:

– *лечить **больного, женщину, ребенка, отца** и т.д. в больнице или на дому;*

– *лечить **зуб, желудок, печень, сердце, почки, глаза, руку, горло, позвоночник, спину** и многое другое;*

– *лечить **ангину, воспаление легких, вывих, язву, гастрит, катаракту, ковид, корь** и многое другое.*

При отражении одной и той же ситуации в данном случае наблюдается сдвиг фокуса внимания либо на пациента в целом, либо на больной орган, либо на конкретное заболевание. Результатом замены объекта при глаголе *лечить* является развитие у него соотносительных друг с другом значений, отражающих разные ракурсы видения этой ситуации – соответственно «воздействовать с помощью медицинских средств с целью возвращения человеку здорового состояния», «воздействовать с помощью медицинских средств с целью возвращения конкретному органу здорового состояния» и «воздействовать с помощью медицинских средств с целью ликвидации, устранения конкретного заболевания».

Сценарная метонимия распространена в сфере названий сложных, многоактных действий-событий, которые структурируются концептом сценарного типа по принципу развертывания от одного этапа

к другому. В рассматриваемой медицинской сфере к таким сложным событиям-сценариям относится собственно лечение – амбулаторное и стационарное, оперативное и консервативное и т.д.

Как уже говорилось, суть сценарной метонимии заключается в том, что под действием закона экономии в качестве обозначений сложного события, включающего более чем одно действие, используются названия одного из частных действий, при этом, как правило, не являющихся существенными, – название перемещения в пункт лечения, название действия лежания, оформления документа и другие. Рассмотрим примеры наиболее частотных метонимических способов обозначения сложных событий в этой сфере.

Так, выражение *Я вчера **ходила** к врачу / в поликлинику*, включающее лишь название перемещения в медицинское учреждение и обратно, фактически обозначает комплекс более важных действий, среди которых общение с медицинским персоналом, оформление документов (талона к врачу и т.п.), обследование, установление диагноза, получение рекомендаций, назначения, направления в больницу или прохождение медицинских процедур и т.п., т.е. весь сценарий взаимодействия сотрудников лечебного учреждения с пациентом.

В данном случае сложный процесс назван по его части – перемещению. Однако эту же функцию применительно к названному сложному событию могут выполнять глагол *встретиться*, глаголы *быть* и *побывать*, глагол *обращаться* также в их метонимическом употреблении, ср.:

*Я вчера **встречалась** с врачом – Я вчера **была** (**побывала**) у врача / в поликлинике – Я вчера **обращалась** к врачу / в поликлинику.*

Применительно к событию лечения в стационарной форме в метонимической функции используются глаголы *положить*, *лежать*, *выписать*, например:

*Его **положили** в больницу – Он **лежит** в больнице – Его **выписали** из больницы.*

Даже отдельные эпизоды лечения, имеющие неоднаковый характер, часто обозначаются по принципу сценарной метонимии, в частности:

*Мать **лежит** под капельницей; Наконец он решил **лечь** под скальпель; Тебе пора **идти** в процедурный кабинет; Меня уже **укололи** (Мне уже сделали укол); Надо **заглянуть** к лечащему врачу; Думаю завтра **встретиться** с главным врачом.*

Так, выражение *встретиться с главным врачом* передает комплексную семантику, включающую целый ряд типичных для этой ситуации действий: сходить, побеседовать, получить консультацию / предписания / пожаловаться / взять интервью / вручить штраф в связи с несоблюдением противопожарной безопасности и т.д. – в зависимости от статуса субъекта действия (пациент, журналист, инспектор и т.д.) и характера ситуации.

Наблюдения за распространенностью разных типов лексической метонимии в одной отдельно взятой денотативно-коммуникативной сфере подтверждают наличие всех разновидностей, связанных с разными частями речи.

Кратко коснемся переноса определений, также типичных для медицинской сферы. Приведем и прокомментируем несколько показательных иллюстраций:

– *больной с острым животом* – о пациенте с острой болью в области живота;

– *в отделение поступили переднелобные больные* – о пациентах с повреждением соответствующего участка головного мозга.

В обоих случаях перенос определения (*острая боль* → *острый орган*; *переднелобная травма* → *переднелобный пациент*) является результатом сокращения речевой цепочки под воздействием закона экономии усилий и смещения фокуса внимания на реалию, названную существительным.

Таким образом, об экспансивном характере действия метонимического механизма в его проекции на речевую коммуникацию, о масштабности результатов его действия свидетельствуют не только описания многочисленных частных типов метонимических переносов и типов метонимически производных значений в языке и речи в целом, но и демонстрация картины лишь типичных метонимических переносов в отдельно взятой денотативно-коммуникативной сфере.

Иллюстрация этого процесса несколькими десятками лексем даёт представление о его активности и последовательном проявлении, о закономерном характере формирования многозначности у слов одинаковой исходной семантики.

Не менее показательны и то, что, как можно полагать, в любой денотативно-дискурсивной сфере действуют все основные когнитивные механизмы метонимии – фреймовый, пропозициональный и сценарный, которые охватывают слова разных частей речи.

4.3. Метонимия в сфере фразеологии

В данном разделе анализируются единицы русской фразеологии, в основе которых лежит метонимический принцип формирования фразеологической семантики. С учетом связи фразеологической единицы с концептами разного типа – фреймом, пропозицией и сценарием – фразеологизмы с метонимически производной семантикой могут быть дифференцированы, как и лексические единицы, на фреймовые, пропозициональные и сценарные.

Продемонстрируем на некоторых примерах важную роль когнитивного метонимического механизма в формировании фразеологической семантики исходного свободного словосочетания. Материалы для анализа и иллюстраций извлечены из словаря А.Н. Тихонова «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» [81].

Как известно (см., в частности, диссертацию Л.Б. Савенковой [74]), семантика значительной части фразеологического массива оформилась на основе метонимического переноса. Представим опыт осмысления этих фразеологических единиц на основе когнитивного принципа – учета связи вектора переноса с определенным типом концепта, организующего знания о денотате: с концептами фреймовой, пропозициональной и сценарной структуры.

В данном случае мы исходим из того, что метонимический перенос названия происходит в рамках одного концепта: с одной его части на другую, с части на целое, с целого на часть, т.е. строится на партитивных отношениях компонентов единой ментальной единицы.

С учетом этого логика формирования фразеологической семантики словосочетания (фразеологический тип метонимии) зависит от структуры конкретного концепта, предопределяющей вектор переноса словосочетания как способа обозначения реалии.

Проведенный анализ подтвердил предположение о том, что в обширном фразеологическом массиве представлены все три выделенных выше типа метонимии: фреймовый, пропозициональный и сценарный. Рассмотрим ряды единиц, основывающихся в процессе формирования фразеологического значения на трех названных типах ментальных единиц, с кратким комментарием.

Фразеологизм *синий чулок* оформился на базе сочетания, называющего элемент женской одежды, а его фразеологическое значение характеризует женщину, т.е. называемые денотаты соотносятся как часть и целое.

Аналогично выглядит логика формирования семантики следующих фразеологических единиц:

– *белые воротнички* – о служащих учреждений в некоторых западных странах: **Белые воротнички** – вот основные посетители этого кафе (А. Сердюк);

– *вторая скрипка* – «скрипач, исполняющий в струнном или симфоническом оркестрах голос, менее выразительный по сравнению с первым голосом или усиливающий его»: *С тех пор как он ушел в армию, мы никак не можем подобрать вторую скрипку* (А. Арбузов).

Как обозначение целого по имени его части выглядят следующие фразеологизмы:

– *буйная головушка* – о безрассудно смелом, удалом человеке: *А какой я был сорванец, буйная головушка, вы и представить себе не можете* (А. Чехов);

– *бедовая голова (головушка)* – о человеке, способном на бесстрашные, отчаянные, рискованные действия: *У неё сердце очень доброе, но голова бедовая. С ней трудно ладить* (И. Тургенев).

С точки зрения логики формирования фразеологической семантики в процессе трансформации исходного значения свободного словосочетания во фразеологическое приведенные выше фразеологизмы следует отнести к **фреймовому типу**, так как перенос названия происходит в рамках одного фрейма «Человек» – с части (атрибута одежды человека, инструмента его деятельности, части его тела) на целое – человека.

Иная логика возникновения фразеологической семантики видится в выражении *не забыть (помнить) до новых (свежих) веников*, употребляющееся как угроза наказания, которое долго не забудется. Иными словами, в данном случае **по одному компоненту ситуации** – венику, осмысляемому как **орудие** (наказания), обозначается **вся ситуация наказания**, включающая, наряду с орудием, все компоненты этой ситуации: субъект, объект и само действие наказания. Приведем пример текстового употребления этого выражения: *Я тебе покажу такие сапоги с набором, что до свежих веников не забудешь!* – орал расвирепевший Гаврила Ермолаев (Д. Мамин-Сибиряк).

К этой группе следует отнести и фразеологическую единицу *вторые петухи*, обозначающую не самих петухов, а их пение перед рассветом, под утро (через некоторое время после первого пения петухов), т.е. ситуацию в целом с акцентированием ее временного аспекта. Приведем текстовый пример употребления этой единицы: *Первые*

петухи пели в полночь, их слышали одни чуткие старики и старухи...

Вторые петухи заставляли хозяек вставать (В. Белов).

Названные фразеологизмы представляют собой **пропозиционный тип**, в котором по названию одного компонента ситуации обозначается вся ситуация.

К третьему типу с учетом логики формирования фразеологического значения следует отнести следующие фразеологизмы:

– *повести кого-л. к алтарю, пойти к алтарю* – о церковном брачном обряде: *Традиция гласит, что невесту в белом платье должен вести к алтарю ее отец* (А. Сервинский);

– *открыть двери* (кому-, перед кем-л.) – «оказать гостеприимство, хороший прием», см. в тексте: *[Он] вечно нуждался сам; широко, по-княжески, открывал двери своего дома, когда бывал при деньгах, для товарищей, друзей, бедняков* (М. Шагинян);

– *залезть в чужой карман* – «похитить у кого-либо деньги»: *У него плохая привычка – может залезть в чужой карман* (А. Сервинский).

Фразеологические единицы этого ряда представляют **сценарную метонимию**, то есть через название **одного из комплекса действий**, составляющих сложное (многоактное) событие вступления в брак или проявление гостеприимства, приема гостей, совершение воровства, обозначают данное **сложное событие** в целом.

Значительное число фразеологических единиц, в том числе приведенные выше, функционируют в речи именно с таким – метонимически производным – значением, характеризуя лежащую в их основе внеязыковую ситуацию.

Однако некоторые из фразеологизмов, семантика которых сложилась на метонимической основе, в дальнейшем семантическом развитии могут употребляться и метафорически – для характеристики иных внеязыковых ситуаций, то есть представляют собой своеобразную контаминацию метонимии и метафоры. К таким единицам относится, в частности, фразеологизм *сматывать удочки* – «собираться уйти откуда-либо». Выражение *сматывать удочки* в прямом значении может называть не отдельный акт, а более сложный сценарий действий, связанных с уходом с рыбалки. В собственно фразеологическом (метафорическом) значении это выражение также называет комплекс действий, связанных с подготовкой к уходу, часто неожиданному, связанному с грозящей неприятностью или опасностью, и сам уход откуда-либо.

Сценарный перенос реализуется не отдельно взятой лексемой, а словосочетанием в рамках более широкого контекста. Следует заметить, что, поскольку речь при сценарной метонимии идет о поэтапно разворачивающемся сложном событии, метонимический перенос наблюдается в сфере глагольной лексики и нередко распространяется на отглагольные существительные.

Покажем сценарную метонимию в сфере фразеологии на примерах единиц, включающих в свой состав глагольные лексемы преимущественно двух семантических групп.

Довольно часто в качестве обозначения сложного события используются глаголы, называющие начальное действие. В этой функции к числу самых частотных относятся глаголы движения, иногда (как в первом и последнем из приводимых ниже речений), называющие, впрочем, не только начальное, но и завершающее действие перемещения. Приведем примеры таких фразеологизмов:

– *бегать по урокам (на уроки)* – «давать уроки»: *За какой-нибудь полтинник должен был я бегать на уроки с одного конца Москвы на другой и то слава богу...* (А. Писемский);

– *вступить на престол, на трон* – «начинать царствовать, становиться царем, королем и т.п.»: *Умер Николай I, на престол вступил Александр II* (М. Нечкина);

– *возвести на престол, трон* – «провозгласить, признать царем, великим князем и т.п.»: *Владимир, не сказав им ни слова, уехал из Дорогобужа и был возведен племянниками на Киевский престол* (Н. Карамзин);

– *выйти на сцену, на ринг* и т.п. – «начать выполнять какую-либо деятельность, связанную с этим местом»: *Она вышла на сцену 10 марта 1976 года в роли Жизели* (А. Константинова);

– *выйти в эфир* – «начать радио- или телепередачу; начать трансляцию» (о радио- или телепередаче): *Сосредоточимся на радиостанции, откуда впервые в эфир вышел голос Москвы* (Э. Кренкель);

– *на двор бегать* – «справлять естественную надобность»: *Удобств здесь нет, приходится бегать на двор* (А. Константинова).

Фразеологизм *встреча в верхах*, также представляющий пример сценарной метонимии, включает в качестве основного слова отглагольное существительное и означает не только собственно встречу глав государств или правительств (она является непременным условием последующих актов), но и комплекс других актов – общение, обсуждение, принятие решений, подписание документов и т.п.

Другой семантической группой, часто используемой при сценарной метонимии, являются глаголы с семантикой конкретного физического действия, среди них

1) глаголы приобщения объекта типа *брать, взять, принять* и под.:
– *в рот не брать чего-л.* – «совсем не употреблять какой-л. пищи или напитков»: *Я в то время леденцы и пряники любил, а теперь в рот не беру* (М. Горький);

– *браться за книгу, за учебник* – «начинать читать, изучать что-л. по книге, учебнику»: *Мы с Александрой Михайловной историю учили по-своему: брались за книги и зачитывались иногда до глубины ночи* (Ф. Достоевский);

– *брать оружие, винтовку* – «вооружаться, идти в действующую армию»: *От края и до края, / От моря и до моря / Берет винтовку / Народ трудовой...* (Ф. Дзержинский);

– *не брать в руки чего-либо* – «не заниматься чем-либо; не уметь делать чего-либо»: *Садись сейчас заниматься. Вчера не готовил ничего, сегодня книжки в руки не брал* (А. Серафимович);

– *взять на зуб* – «попробовать что-либо, определить на вкус, разгрызая что-либо»: *Взял яблоко на зуб – понравилось!* (Н. Омельченко);

2) глаголы отчуждения объекта типа *отдать, бросить* и под.:

– *бросить перчатку* – «сделать вызов на дуэль»: *Итак, я нахожусь под наблюдением Святых отцов! Мне по сердцу борьба! Я обществу, и церкви, и закону Перчатку бросил: кровная вражда Уж началась открыто между нами* (А.К. Толстой);

– *бросать оружие* – «сдаваться, отказываться воевать»: *Ещё немного, и оставшиеся в живых противники бросят оружие на землю, покупая себе жизнь ценой неволи* (А. Калмыков);

– *бросать якорь* – «опускать якорь для остановки судна; останавливаться на стоянку»: *Когда взошла луна, мы бросили якорь у юго-западной оконечности острова Мавары* (Н. Миклухо-Маклай).

Наряду с приведенными семантическими типами в метонимической функции широко используются лексемы с разнообразной семантикой, также в этом случае именующие сложную ситуацию сценарного типа по одному из составляющих ее актов. В частности:

– *брить лоб, лбы* (устар.) – «отдавать в солдаты»: *[Дворовых] секли, били в зубы и «брили им лбы» за собак и лошадей...* (С. Терпигин);

– бряцать оружием – «грозить войной»: *Когда в 1912 году начала бряцать оружием Австрия, было решено в Петербурге, что Алексеев станет начальником Ставки...* (С. Сергеев-Ценский);

– не вылезать из седла – «быть все время в пути» (о всаднике): *По суткам не вылезал из седла молодой геолог* (А. Кокин);

– закрыть (запереть) двери дома перед кем-либо, для кого-либо – «перестать принимать у себя дома, не допускать в свое общество»: *С Луцкевскими прекратили все сношения, двери всех домов были заперты для них* (Н. Анненков).

Таким образом, можно сделать вывод о большой роли когнитивных механизмов (в частности, влиянии структуры концепта, организующего знания о той или иной денотативной ситуации) в формировании не только вторичных, метонимически производных значений многозначной лексики, но и в логике становления семантики фразеологических единиц на основе значения свободных словосочетаний.

Не менее важным является вывод о том, что в сфере фразеологии представлены все три основных типа метонимии, описанные выше на лексическом материале: фреймовый, пропозициональный и сценарный.

4.4. Метонимия в пословицах

В разделе внимание обращается на метонимический механизм как прием, нашедший отражение в народных пословицах и приметах, представляющих собой жанр краткого речения, и как фактор, обеспечивающий генезис олицетворения в этом жанре, как и в народной картине мира в целом.

Как известно, в народных пословицах широко распространено явление, которое производит впечатление олицетворения, тем более что фольклорные тексты, к которым относится жанр пословиц, во многом опираются на мифологическое мировосприятие.

Особенно типично олицетворение как способ концептуализации абстрактных реалий, для времени, в том числе астрономического и календарного. Именно такой материал является в данном случае объектом осмысления и оценки роли метонимии в концептуализации времени и в формировании жанра пословиц и примет.

В механизмах порождения народных пословиц чаще обращается внимание на метафорическое восприятие их содержания. Между тем,

на наш взгляд, есть основания говорить о важнейшей роли именно метонимии, опирающейся на отношения смежности, в концептуализации времени в народной картине мира и в образовании пословиц, отражающих народное восприятие действительности и, в частности, временную приуроченность тех или иных событий и явлений, а также причинно-следственных отношений в окружающей крестьянина действительности, в природно-хозяйственном цикле.

Как показывает анализ, олицетворение в пословицах имеет разное происхождение, мотивировано разными факторами. Чаще всего оно возникает по метонимической логике, в других случаях – по метафорической логике, в третьих случаях совмещается метонимическая и метафорическая мотивация.

Анализ выполнен на материале, извлеченном из словарей пословиц и поговорок русского народа В.И. Даля (Даль В. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Диамант, 1998. 544 с.), В.И. Зимина и А.С. Спирина (Зимин В.И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь / В.И. Зимин, А.С. Спирин Изд. 3-е, стереотипное. Ростов н/Д: Феникс, Москва: Цитадель-трейд, 2006. 344 с.).

Крестьянский календарь (месяцеслов) фиксирует приуроченность определённых явлений, событий, крестьянских работ к времени года, месяцу, дню, оценивая их, следовательно, с точки зрения отношений смежности между явлением, действием и временем его протекания.

Эта временная приуроченность в пословицах имеет разные способы фиксации, среди которых могут быть противопоставлены:

– специальные языковые средства – обстоятельства времени в простом предложении либо придаточные предложения со значением времени в сложноподчиненном предложении (*На св. Матвея земля потеет; От Троицы до Успения хороводов не водят; Как придёт Петро, так и будет тепло*) и

– конструкция с каузативным глаголом, в которой в качестве субъекта-каузатора выступает обозначение времени (*Февраль зиму выдывает, а март ломает; Сентябрь птиц в дорогу торопит*).

Последний способ часто предстаёт в виде олицетворения. Приведём пары близких по содержанию пословиц, в которых эти способы обозначения временной приуроченности явления выступают как синонимические: *В сентябре и лист на дереве не держится – Сентябрь обламывает листья*.

Народный календарь, как известно, использует элементы церковного календаря: в пословицах, поговорках, приметах время часто обозначается по именам святых либо названиям православных праздников. В этом случае характерные приметы времени (метеорологические, хозяйственные и иные) передаются как результат волеизъявления или действия названного святого: *Иван Предтеча гонит птиц за море далече*.

Приведём соотносительные пословицы, в которых обозначения временной приуроченности явления с использованием имени святого – в форме обстоятельства времени и в форме каузативной конструкции – выступают как синонимические: *На Студита Феодора студит по двору – Фёдор Студит землю студит; На Варвару зима дорогу заварварит (заварит) – Варвара мосты мостит*.

В русской языковой картине мира олицетворение относится к числу базовых способов образной концептуализации действительности. Такая роль олицетворения в научной литературе обоснованно объясняется тем, что оно представляет собой следы языческого оживления всей окружающей человека действительности, сохранённые системой языка, а также пословицами, предсказаниями и другими жанрами устного народного творчества.

Как известно, в ситуации поэтической рефлексии любое выражение, несущее следы анимации (типа *Пришла осень*), способно порождать живые метафоры: *И осень тихую вдовую Вступает в пёстрый терем свой* (И. Бунин); *Ворвалась внезапная осень. Весь мир обложился дожди* (Г. Горбовский).

В пословицах наступление временного периода является чрезвычайно актуальным, представлено многими речениями, обычно в виде стёртого олицетворения: *Пришел марток, одевай семь порток; Пришел Федот – берется земля за свой род*.

По нашему мнению, широкое распространение олицетворения в пословицах является результатом влияния целого ряда факторов, в том числе когнитивным. Укажем и прокомментируем их роль.

1. Временная приуроченность циклических изменений в природе, в жизнедеятельности социума, их соположенность с временным моментом имеет разные способы обозначения в языке, в том числе весьма характерную для лаконичной пословичной формы конструкцию каузации. Как уже говорилось, она во многих случаях получает форму олицетворения: *Весна несёт хлопоты; Апрель всех напоит*.

Это обстоятельство представляется основной причиной широкого распространения олицетворения в сфере календарного времени. Время осмысливается как каузатор **регулярного** возникновения соответствующего явления, например: ***Февраль** воду подпустит, март подберет; **Введение** пришло – зиму привело.*

2. Концептуализация времени как предельно абстрактного феномена вообще нуждается в опоре на **смежные, соположенные с временем** конкретные реалии, события, чувственные представления. Если в языковой картине мира в целом образная номинация и концептуализация времени часто осуществляется с опорой на светила – солнце и луну (см., в частности, работы Н.А. Илюхиной, И.А. Долговой и Н.О. Кирилловой [30], Е.С. Кураповой [49]), то в крестьянском народном календаре такой опорой часто служат и погодные явления, поведение **животных**, выполняемые **человеком** хозяйственные работы. Кроме того, часто (пожалуй, чаще всего) наблюдается опора на даты церковного календаря – **имена святых**, названия праздников, которые и маркируют соответствующие дни: *Михайлов день, Ильин день, Николин день.*

3. Наряду с каузативной конструкцией, олицетворение в этой сфере мотивируется **религиозно-мифологическим сознанием**: святой, которому в календаре посвящен тот или иной день, осмысливается как покровитель явлений, связанных с этим периодом, как покровитель животных, в жизнедеятельности которых с данным периодом что-либо связано, как распорядитель по отношению к разным видам крестьянской работы. Например: *Илья пророк разъезжает по небу на огненной колеснице; На Юрья святой Егорий разъезжает по лесам на белом коне и раздаёт зверям наказы; Все звери у Егорья под рукой (под началом); Что у волка в зубах, то Егорий дал.*

Заметим, что религиозно-мифологический фактор органично коррелирует с каузативной конструкцией, имеющей более широкое распространение. Так, в качестве каузатора динамики метеорологического цикла выступает

- время года: ***Весна** землю парит;*
- календарный месяц: ***Сентябрь** кафтан с плеч срывает, тулуп надевает;*
- церковный праздник: ***Воздвижение** кафтан с плеч сдвинет, тулуп надвинет;*
- святой: ***Евдокия** весну сряжает; **Пётр-Павел** жару прибавил.*

Посредством каузативной конструкции в народном календаре фиксируются закономерности временной приуроченности природных изменений, динамика хозяйственной и социальной жизни.

Эта конструкция лаконично подчёркивает непреложность устанавливаемых связей, например: ***Покров** землю **покроет**, где листом, где снежком; Март, апрель, май, июнь вино в бочках сушит, июль, август, сентябрь, октябрь хозяина **крушит**; Рад бы жениться, да **май не велит**; **Февраль строит** мосты, а **март их ломает**; **Семён лето провожает**, бабье лето **наводит**; **Юрий починает** полевые работы, **Юрий и кончает**; **Первый спас час припас**, **Пётр и Павел два прибавил**, а **Илья пророк три приволок**; **Придет Илья, принесёт** гнилья (дождей); **Введение** пришло – зиму **привело**.*

Результаты анализа этой функции олицетворения в сфере пословиц подтверждают **метонимическую логику отождествления времени**, в том числе имени святого как маркера временного момента, и **субъекта реального действия**.

Наряду с обозначением временной приуроченности погодных явлений, независимых от действий человека и осмысляемых через олицетворение как покровительство небесных сил, тот же метонимический механизм в форме олицетворения используется и при обозначении временной приуроченности действий человека.

В этом случае святому приписываются действия, в действительности **совершаемые людьми**. Такое речение не содержит собственно каузативной языковой семантики:

*Трифон шубу **чинит**, Пелагея рукавицы **шьёт**; Семён с Анной сбрую **починяют**; Борис и Глеб **сеют** хлеб; Илья пророк в поле копны **считает**; Егорий **везёт** корму в тороках, а Никола возом; Егорий с теплом, а Никола с кормом – Егорий с ношей, а Никола с возом; Пречистая мать (Успение) **засевает**, а Покров собирает.*

В приведенных пословицах олицетворение не производит впечатления передачи каузативной семантики, а использование олицетворения объясняется тем, что жанр пословиц и месяцеслова имеет функцией не только фиксацию объективной приуроченности явлений, событий и действий к определенному времени, но и **предписание** выполнять (либо ограничивать) определенные действия в данный период.

О предписывающем характере таких речений свидетельствуют синонимические средства его выражения в сходных по смыслу пословицах, ср.:

– формы повелительного наклонения глагола, выражающие прямое побуждение крестьянина к действию: *С Митрофания сей лен и гречу; К Ильину дню заборанивай пар; На св. Пуда доставай пчел из-под спуда;*

– инфинитивные предложения с модальной семантикой необходимости: *До Петрова взорать, до Ильина заборонить, до спаса засеять;*

– неопределенно-личные предложения, подчёркивающие обычность этого действия для всех крестьян в данный момент: *С Дарьи холсты белят; На Сильвестра окуривают курятник; На Трифона заговаривают мышей.*

Другими словами, в таких речениях фиксируется **обычность** связи времени и действий, которые принято в это время выполнять, фиксируется их смежность, соположенность.

Следовательно, в этом случае также наблюдается отождествление момента времени и действий, совершаемых в этот период, момента времени и субъекта действий (*Борис и Глеб сеют хлеб: в день святых Бориса и Глеба крестьяне (обычно) сеют хлеб, надо сеять хлеб*), что следует расценивать как разновидность метонимии: *день святых Бориса и Глеба* → *Борис и Глеб*; и как следствие – отождествление субъекта действия и святого, именем которого назван день: *крестьяне* → *Борис и Глеб* (сеют хлеб).

Свидетельством того, что имена святых обозначают именно время, а не собственно субъектов действия, является другая пословица, фиксирующая с помощью имен святых исключительно временную приуроченность уборочных работ: *Борис и Глеб — поспел хлеб* (ко дню Бориса и Глеба поспел хлеб).

В свете сопоставления двух пословиц становится очевидно, что пословицу *Борис и Глеб сеют хлеб* допустимо осмыслять как (*Пришли*) *Борис и Глеб – (в это время) сеют хлеб.*

Одной из форм проявления олицетворения в пословицах являются «антропные» определения – результат переноса свойств человека, проявляющихся в определённый период, на этот период (*счастливые годы, беспокойная ночь, голодное детство* и под.) – см. об этой закономерности также выше, на с. 102.

Метонимическая логика лежит и в основе переноса состояния лица на время, в основе создания характеризующих названий времён года, месяцев и дней, отражающих экономическое положение социума в разные периоды сельскохозяйственного года, а также гастрономиче-

ские обычаи: *Осень – запасиха, зима – подбериха; Масленица – объедаха, днягам приберуха; Спасовка лакомка, а петровка голодовка; Иван постный пришёл, лето красное увёл.*

В ряде речений наблюдается более сложная картина: в механизме олицетворения оказываются совмещены метонимическая и метафорическая логики. Приведём такие примеры.

1. На первый взгляд, олицетворение в пословицах *Хоть февраль злится, но весну чуёт; Февраль и теплом приласкает, и морозом отдубасит; Декабрь глаз снегами тешит, да ухо морозом рвёт* имеет метафорическое объяснение: погода характеризуется через эмоциональную и интеллектуально-сенсорную метафору (*злится, чуёт*), метафору психологического и физического воздействия (*приласкает, тешит – отдубасит, рвёт*).

Однако сказанное выше об олицетворении как способе концептуализации закономерных связей явлений (в том числе погодных) и времени года позволяет усмотреть в этих выражениях – в дополнение к метафорической – также метонимическую составляющую. Метонимия становится очевидной при выражении временной приуроченности погодного состояния другим способом – обстоятельством времени: *Хоть в феврале мороз, метель и злятся, но человек, животные уже чувствуют весну; В феврале и теплом приласкает, и морозом отдубасит; В декабре глаз снегами тешит, да ухо морозом рвёт*. Следовательно, олицетворение в приведённых речениях не позволяет четко дифференцировать метонимию и метафору.

2. Некоторые пословицы допускают два разных прочтения – метафорическое и метонимическое: *С Ерофея зима шубу надевает; Дмитриев день – зима уж лезет на плетень; Петр с колоском, Илья с колобком*. В первой пословице можно усмотреть

- указание на выпадающий снег, **метафорически** характеризуемый как шуба для олицетворяемой **зимы**, либо

- указание на то, что зимой **люди** надевают шубу, т.е. **метонимически** мотивированную каузацию действий человека со стороны времени года.

Последнюю интерпретацию подтверждает сходная пословица, в которой констатируется необходимость тёплой одежды зимой: *Июль – хоть разденься, а декабрь – потеплей оденься*.

Как показано выше, именно такую семантику имеет большинство пословиц, включающих олицетворение, ср.: *Август на зимний стол готовит разносол* (= в августе люди готовят разносол). При этом важ-

но, что различие лингвистических интерпретаций не меняет актуального смысла пословицы – «С Ерофея становится холодно». Именно поэтому носители языка не расходятся в понимании этой пословицы.

Ср. речения, также допускающие обе названные квалификации: *Сентябрь кафтан с плеч срывает, тулуп надевает; Воздвиженье кафтан с плеч сдвинет, тулуп надвинет.*

3. В основе речения *Юрий на порог весну приволок* безусловно лежит метонимическая логика (см. выше интерпретацию пословиц типа *Введенье пришло – зиму привело*), однако носителями языка оно воспринимается скорее как метафорическое. Этому способствует, кроме прочего,

– использование вместо широкого по значению и стилистически нейтрального глагола *привёл* лексемы *приволок*; будучи синонимом глаголу *привёл* (оба называют каузированное перемещение объекта), она имеет более конкретное значение (перемещение путём волочения по земле) и в силу этого яркую внутреннюю форму, а также разговорно-экспрессивную окраску, которая обычно ограничивает употребление слова в значении каузации явления (ср. обычные средства выражения каузации в пословицах – *привёл, принес, убавил* и др. слова с полустёртой образностью);

– развёртывание образа по метафорической логике (метонимия развёртывания образа не допускает) – *приволок на порог.*

Таким образом, широко распространенное в пословицах олицетворение как способ концептуализации времени имеет разное происхождение и мотивировано разными факторами.

В большинстве случаев олицетворение возникает на базе метонимии – в силу необходимости *фиксации отношений смежности* между природными процессами, хозяйственной деятельностью человека, церковным календарем – и временем, на которое приходится эти природные процессы, действия человека и церковные праздники, при этом фиксации в лаконичной форме, которой идеально соответствует каузативная конструкция.

Иначе говоря, на основе специфической структуры концептов в народной картине мира, включающей в структуру знаний об астрономическом, календарном времени представления о православных святых и праздников, которые часто оказываются маркерами времени. Присутствие в структуре концепта идеи лица дополнительно способствует усилению роли олицетворения при осмыслении временной приуроченности метеорологических явлений, событий, актов деятельности,

циклической повторяемости этих и иных процессов сквозь призму отношений каузации, а идеальным способом ее выражения является, как известно, олицетворение. Таким образом, и в формировании, в широком распространении в народном календаре каузативных конструкций определяющую роль играют отношения смежности между явлением, событием – и представлением о том или ином православном святом, на основе которых проявляет себя когнитивный метонимический механизм.

Кроме того, как и в языковой картине мира в целом, в пословице как жанре используется собственно метафорическая логика концептуализации абстрактных явлений на основании – уловленного или создаваемого – сходства между реалиями. В этом случае часто наблюдается развёртывание метафорического образа, лежащего в основе олицетворения. Нередко при этом олицетворение метафорического происхождения осуществляется по аналогии с широко распространённым в этом жанре олицетворением метонимического происхождения. Оба фактора активно взаимодействуют в этой сфере и своеобразно «подпитываются» традицией языческой, религиозно-мифологической анимации действительности.

4.5. Метонимия как текстовый прием

В предшествующих разделах данной главы внимание обращалось на произвольное, стихийное порождение метонимических словоупотреблений главным образом в условиях обыденного общения. Однако известно, что метонимия в некоторых типах дискурса используется как специальный прием – либо троп, т.е. художественный прием, создающий при порождении текста эстетический эффект (в художественном дискурсе), либо как «механизм речи», создающий при порождении текста экспрессивный эффект, преследующий в том числе прагматические цели (в частности, в рекламных сообщениях).

Сознательное использование метонимического механизма как приема имеет целью и следствием яркий эффект в отличие от незаметной для участников общения лексической метонимии в обыденной речи, обеспечивающей преимущественно экономию и соответствующее коммуникативное удобство.

Для демонстрации специфического эффекта и особенностей (основополагающих функций) реализации когнитивного механизма ме-

тонимии в тексте обратимся к рекламному и художественному (поэтическому) дискурсам, предполагающих *творческое начало*.

4.5.1. Метонимия в рекламном дискурсе

Чрезвычайно распространена метонимия как текстообразующий прием в **рекламной коммуникации**, особенно в жанре слогана.

Применительно к жанру слогана метонимия оказывается востребованной прежде всего как средство, обеспечивающее лаконизм рекламного высказывания.

Таким образом, в жанре слогана востребованность метонимии как приема обусловлена двумя ее качествами – экономией средств при создании лаконичного текста и экспрессивным эффектом. Наряду с этим текстообразующий статус лексической метонимии в слогане определяется принципиально важной для рекламного жанра возможностью сдвига фокуса внимания потребителя на актуальный для рекламодателя аспект продаваемого товара или услуги.

Обратимся к некоторым текстам, показательным для иллюстрации высказанных положений.

Выше, во второй главе (с. 49), были продемонстрированы на примерах лаконичных рекламных объявлений типа *Мы открылись* (заметим, что данное высказывание носит очевидные следы проникновения из разговорно-бытового дискурса) и *Мы открыты для Вас до утра* возможности метонимии в сокращении высказывания и создании необходимого экспрессивного эффекта.

Оставляя в стороне вопрос об очевидной лаконичности слоганов, во многом обеспечиваемой механизмом метонимии, обратимся к речениям, демонстрирующим два других важных для этого жанра эффектам, также создаваемым метонимией: яркий экспрессивный эффект и не менее яркий прагматический эффект акцентирования внимания потребителя на нужном рекламодателю аспекте рекламируемого товара.

Для демонстрации механизма создания экспрессивного эффекта коснемся массива слоганов, обладающих сочетанием признаков метонимии и метафоры. Речь идет о слоганах, которые по происхождению являются метонимическими, а прочитываются потребителем и (что более показательно!) даже интерпретируются исследователями как метафоры. Например:

Вы покупаете надежность (реклама автомобилей)

Купайся в роскоши (реклама ванн)

Остановись на совершенстве (реклама половых покрытий)

Вкусные радости каждый день (реклама йогурта)

Нефильтрованное удовольствие (реклама пива)

Прокомментируем воплощение этого приема, последовательно используемого в создании рекламных слоганов.

Номинация товара (автомобиля, ванны, полового покрытия, йогурта и пива) подменяется в тексте номинацией его качества или оценки этого качества (*надежность, совершенство, роскошь*) либо сенсорного впечатления (*удовольствие*), эмоционального состояния (*радость*) при потреблении товара. Рекламуемый товар и его свойство либо впечатление от него в восприятии потребителя связаны *отношениями смежности* в рамках концепта фреймовой, пропозициональной либо сценарной структуры. Смещение фокуса внимания, которое обеспечивается метонимией через подмену названия товара названием его качества, создает необходимый прагматический эффект в рамках лаконичного текста.

Что касается очевидного экспрессивного эффекта, отличающего подобные слоганы, то помимо удачного сдвига фокуса внимания потребителя при восприятии текста, в рамках предложения возникает изначально не предполагавшееся метафорическое его восприятие: *купаться в роскоши; нефильтрованное удовольствие* и т. п.

Замена имени с конкретно-предметным значением (слов *ванна, автомобиль, пиво* и т. д.) абстрактным существительным – названием его свойства или впечатления от употребления товара (словами *роскошь, надежность, удовольствие*) с сохранением контекстуальных условий употребления нового обозначения, типичных для слова, называющего чувственно воспринимаемую реалию, приводит к образно-метафорическому прочтению текста.

Так, прочтение слогана *нефильтрованное*, даже при соотношении его с реальным денотатом (пивом), контекстуально ограничено рамками словосочетания *нефильтрованное удовольствие*. Таким образом, в приведенном тексте наблюдаются условия, типичные для когнитивной метафоры (типа *затронуть душевные струны, озариться догадкой*), что приводит к восприятию текста как метафорического: *нефильтрованное удовольствие* – удовольствие полное, сохранившее все нюансы этого ощущения, так сказать «неочищенное».

Аналогично, метафорически, воспринимаются и другие подобные слоганы, например *Купайся в роскоши*, тем более что этот слоган буквально совпадает с устойчивым сочетанием метафорического характера *купаться в роскоши* – «наслаждаться жизнью».

Тот же прием метонимической подмены номинации рекламируемого товара номинацией его свойств лежит в основе многих слоганов, например:

Познание вкуса блаженства (реклама риса);

Медовая мечта для вашей красоты (реклама крема); ср. возможную буквальную номинацию этого товара: *медовый крем* для вашей кожи;

Подарите любимым тепло (реклама дубленок магазина «Мир кожи и меха»).

Воспроизведем когнитивную и лингвистическую логику создания такого слогана. Интенция создателя рекламы (говорящего) возникает на основе хранящегося в его сознании представления о связи предмета-товара с его качествами, с его воздействием на настроение, самоощущение человека-потребителя, которое рекламодаделец хочет подчеркнуть, влияя на последнего. Эта связь (подчеркнем – связь по смежности!) ложится в основу концепции слогана.

Иначе говоря, в этих и подобных случаях технология создания слогана (когнитивная операция «говорящего») начинается с соотнесения представления о предмете со знанием о свойствах этого предмета (соотнесения представлений о *пиве* и *удовольствии*; *креме*, *коже* и *красоте*; *дубленке* и *тепле*). А в процессе порождения речевого высказывания копирайтер использует слова *удовольствие*, *блаженство*, *роскошь*, *мечта*, *красота*, *радость*, *совершенство* вместо слов с предметной или вещественной семантикой – имен товаров (слов *пиво*, *крем*, *дубленка*, а также *йогурт*, *рис*, *ванна* и т.п.), т.е. осуществляет **метонимическую подмену** имени предмета именем его качества или именем того состояния, которое испытывает потребитель, который приобрел и использовал товар.

Что касается логики потребителя, воспринимающего рекламный текст (реципиента), то он «работает» с текстом, опирается на речевую цепочку, дешифрует семантику слов с опорой на контекст. Соотнося сочетающиеся слова *нефильтрованное* и *удовольствие*, он «выводит» метафорический смысл слогана.

Разумеется, что при восприятии рекламного послания потребитель связывает свое восприятие слогана с его метафорическим эффектом и инфор-

мацию о рекламируемом товаре (пиве, рисе, дублинке, ванне и т.д.), например, из видеоряда (в изображении бутылки пива, коробки с изображением рисовых зерен, дублинки и т.п.), т.е. выходя за рамки контекста слогана.

Таким образом, в сознании и создателя рекламы, и потребителя рекламы в итоге соединяются оба варианта дешифровки информации, содержащейся в слогане. Несмотря на то, что потребитель понимает, что рекламируется именно нефilterованное пиво, однако вместе с этим полученный прагматический эффект дополняется экспрессивным – ощущением, что при потреблении этот сорт пива доставит «нефилтрованное» (полное) вкусовое и эмоциональное удовольствие.

Такой (комплексный) эффект рождается взаимодействием в сознании участников рекламной коммуникации метонимического и метафорического механизмов: метонимической логики создания слогана, метафорической логики прочтения слогана и объединением того и другого эффекта при соотнесении текста слогана и конкретного товара.

Тот же механизм порождения и восприятия (дешифровки) слогана можно проследить на примере слогана с рекламой обуви: *Прекрасная обувь по доступной цене для семьи любых размеров*, который несет смысл «Прекрасная обувь по доступной цене любых размеров».

Логику создания слогана можно представить в виде следующих этапов. Создатель рекламы закладывает в рекламное сообщение три блока значимой информации о товаре: качество (*прекрасная*), цену (*по доступной цене*) и размеры (*любые размеры*). При этом параметр «любые размеры» выражается не буквально, а через соотнесенность с членами семьи (коллективом людей разного возраста) → *для всей семьи*. Затем две исходные «заготовки» «любых размеров» и «для всей семьи», которые соотносятся как связанные по смежности (для всей семьи – то есть разных размеров: от больших до самых маленьких), объединяются. В результате возникает слоган, несущий в доступном, наглядном виде (через представление о членах семьи разного возраста) не только прагматический смысл (= в этом месте можно приобрести обувь для любого члена семьи), но и экспрессивный эффект от двусмысленности высказывания.

Не меньший интерес представляет в рекламной коммуникации иной вариант творческого использования когнитивного метонимического механизма в форме распространенного в этой сфере приема.

Во второй главе, при демонстрации механизма возникновения лексической метонимии фреймового типа (с. 47–48) и в первом разделе данной главы, при рассмотрении метонимии в разговорном дискур-

се, многократно приводились примеры метонимической номинации транспортных средств, водителей и пассажиров. Проанализированные словоупотребления носили выраженные признаки непринужденного общения, преимущественно в сфере обыденной разговорной коммуникации или близкой к ней.

Между тем на той же ментальной основе – на основе фреймовой модели организации знания о сфере транспорта – строится один из приемов создания рекламного текста – слогана, «продающего» легковые автомобили. Этот прием в данном случае обеспечивает – в дополнение к сокращению текста, важного для жанра слогана, яркие прагматический и экспрессивный эффекты. Приведем некоторые примеры и прокомментируем использование в них названного приема:

Экстремальная натура. Свобода в твоём характере (Land Rover Freelander);

Разве что-то способно тебя остановить? (Renault Clio III).

В этих слоганах при рекламе автомобиля актуализируется комплексный концепт – фрейм «Автомобиль», включающий, кроме транспортного средства, образ водителя – потенциального покупателя и собственника этого автомобиля. Воплощение нерасчлененного образа в тексте рекламного видеоролика создает необходимый рекламодателю экспрессивно-прагматический эффект.

Этот текст допускает разную лингвистическую интерпретацию: есть основания усматривать в нем

– метафорическое описание автомобиля, его персонификацию с актуализацией в образе олицетворенного автомобиля названных психологических качеств либо

– характеристику владельца-водителя, выбирающего автомобиль, который удовлетворяет его запросы.

Вместе с тем наиболее точной представляется лингвокогнитивная интерпретация этих слоганов, которая позволяет усмотреть воплощение в таких текстах нерасчлененного образа автомобиля и водителя, который наиболее оптимально реализует замысел рекламодателя и позволяет достичь необходимого прагматического и экспрессивного эффекта. Рекламный слоган, характеризующий автомобиль через указание на качества его обладателя, непосредственно апеллирует к соответствующим психологическим качествам покупателя (потенциального водителя).

Таким образом, в текст слогана намеренно закладывается многозначность, базирующаяся на подчеркнуто недифференцированной оценке автомобиля и водителя.

4.5.2. Метонимия в художественном дискурсе

Лексическая метонимия в художественном тексте, выступающая в качестве одного из основных тропов, имеет богатую историю изучения во многих аспектах

В качестве тропа рассматривается прежде всего лексическая метонимия в ее классическом и более расширенном понимании (см., в частности, работы Е.А. Некрасовой [56]) в многообразии функций и возможностей, рассмотрение которых, даже схематическое, не входит в наши задачи. Проиллюстрируем классический вид субстантивной художественной метонимии фрагментом стихотворения Г. Семенова:

*За руки белые меня
Берут, как хулигана,
Две гимнастерки, два ремня,
Два вежливых нагана.*

Экспрессивный художественный эффект в данном стихотворении обеспечивается лексической метонимией фреймового типа, т.е. переносом названий характерных элементов официальной формы одежды и аксессуара, имеющего инструментальную функцию, на человека – должностное лицо с актуализацией всего богатства связанных с ним ассоциаций.

Однако в данном разделе мы коснемся другого аспекта и другого результата воплощения метонимического механизма, представленных в художественном тексте, которые непосредственно связаны с проблематикой этой главы, – интерпретации метонимического когнитивного механизма в его особой реализации, наиболее типичной для художественного дискурса. Речь пойдет об *особой* когнитивной роли метонимического механизма в порождении другого классического тропа – олицетворения, который принято рассматривать как средство, по своему семантическому и художественному эффекту близкое к метафоре или даже представляющее собой особый ее тип – антропоморфную метафору.

Вместе с тем, несмотря на близость к метафоре и даже значительную общность с ней по семантико-художественному эффекту, *механизм порождения* такой антропоморфной метафоры часто обнаруживает метонимическую основу. Для данной работы именно этот аспект воплощения когнитивного механизма метонимии является важным.

Чтобы обеспечить наглядность и сопоставимость воплощения когнитивного метонимического механизма в разговорном, рекламном

и художественном дискурсах воспользуемся текстами, связанными с поэтическим воплощением средств транспорта, метонимическое обозначение которых многократно рассматривалось в предшествующих главах и разделах данной книги.

В качестве объекта наблюдения воспользуемся текстами В. Высоцкого «Песня о двух красивых автомобилях», «Жили-были на море...» и «Песня самолета-истребителя». В первых двух произведениях воплощены олицетворенные образы влюбленных автомобилей («Песня о двух красивых автомобилях») и влюбленных кораблей («Жили-были на море...»). Приведем текст первого из названных произведений.

*Без запретов и следов,
Об асфальт сжигая шины,
Из кошмара городов
Рвутся за город машины,
И громоздкие, как танки,
«Форды», «линкольны», «селены»,
Элегантные «мустанги»,
«Мерседесы», «ситроены».
Будто знают – игра стоит свеч,
Это будет как кровная месть городам!
Поскорей, только б свечи не сжечь,
Карбюратор и что у них есть еще там.
И не видно полотна,
Лимузины, лимузины...
Среди них, как два пятна,
Две красивые машины,
Будто связанные тросом,
(А где тонко – там и рвется).
Акселераторам, подсосам
Больше дела не найдется.
Будто знают – игра стоит свеч,
Только б вырваться –
Выплатят все по счетам.
Ну, а может, он скажет ей речь
На клаксоне, и что у них есть еще там.
Это скопище машин
На тебя таит обиду.
Светло-серый лимузин!*

*Не теряй ее из виду!
Впереди – гляди – разъезд!
Больше риска, больше веры!
Опоздаешь! Так и есть!..
Ты промедлил, светло-серый!
Они знали – игра стоит свеч,
А теперь – что ж сигналить рекламным щитам?
Ну, а может гора ему с плеч
Иль с капота, и что у них есть еще там.
Нет, развилка как беда,
Стрелки врозь – и вот не здесь ты.
Неужели никогда
Не сближают нас разъезды?
Этот сходится, один,
И, врубив седьмую скорость,
Светло-серый лимузин
Позабыл нажать на тормоз.
Что ж, съезжаться, пустые мечты?
Или это есть кровная месть городам?
Покатились колеса, мосты
И сердца, или что у них есть еще там.*

При всем различии восприятия этого текста и приведенных выше разговорных или близких к ним выражений, при всем различии возникающих эффектов (сокращения высказывания в разговорной речи и экспрессии в художественном и рекламном текстах), в процессе их порождения в равной мере усматривается роль метонимического когнитивного механизма, который становится явным, если анализировать столь разные высказывания и лежащий в их основе механизм сдвига фокуса внимания в связи с одним и тем же концептом фреймового типа – концептом «Автомобиль».

В приведенном и названных стихотворных произведениях наблюдается тот же прием, который был рассмотрен выше, при анализе слоганов в рамках рекламной коммуникации. Этот механизм заключается в нерасчлененном воплощении концепта, объединяющего автомобиль и человека (водителя). Вместе с тем эти два основных компонента общего фрейма играют в порождении высказывания не одинаковую роль: при актуальности обоих компонентов (обеих «частей» целого) **один из компонентов фрейма оказывается объектом изображения, а второй – способом его интерпретации.**

Поскольку на поверхностном уровне восприятия текста объектом изображения является автомобиль, то способ интерпретации автомобиля задается образом водителя, т.е. второй компонент фрейма обеспечивает олицетворение автомобиля. Однако на более глубоком уровне восприятия такого текста объектом изображения (переживания), лирическим героем воспринимается человек, в данном случае «водитель». Следовательно, автомобиль воспринимается как метафорический образ воплощения лица.

Если в рассмотренных выше рекламных слоганах на поверхностном уровне автомобиль наделяется психологическими качествами водителя (и это предопределяется прагматической установкой слогана как «продающего» жанра), то в песне о двух автомобилях, напротив, влюбленные водители предстают в образе принадлежащих им красивых автомобилей (это столь же очевидно отражает своеобразие художественного дискурса).

Аналогичные процессы наблюдаются в другом произведении В. Высоцкого – «Жили-были на море...» – на примере «влюбленных кораблей»: «белой мадонны» и трансатлантического лайнера. В известном смысле оказывается не важным, как интерпретировать такое поэтическое высказывание – как метафорическое воплощение лирических героев в образе кораблей или как олицетворение кораблей и наделение их качествами лица.

Подчеркнем самую важную в этой связи мысль: показанная здесь по-своему интересная «игра» компонентов одного фрейма задается, как можно видеть, также на ментальном уровне.

Для усиления эффекта неожиданности от сопоставления высказываний об одной и той же реалии (автомобиле), порожденных и функционирующих в принципиально разных типах дискурса, приведем многократно отмеченные автором в г. Самара тексты «от лица автомобиля», выведенные пальцами на пыльной или грязной поверхности легкового автомобиля, типа *Уже чешуся. Помой меня*. В этих записях автомобиль в его обращении к своему водителю предстает также в олицетворенном виде, т.е. запись демонстрирует тот же когнитивный метонимический механизм и его результат.

Более сложный вариант комплексного воплощения «транспортного» фрейма (фрейма «Самолет») наблюдается в «Песне самолета-истребителя», приведем его фрагмент:

*Я – «Як», истребитель,
Мотор мой звенит,*

*Небо – моя обитель, –
А тот, который во мне сидит,
Считает, что – он истребитель.
В этом бою мною «юнкерс» сбит –
Я сделал с ним, что хотел, –
А тот, который во мне сидит,
Изрядно мне надоел!*

Уже описанный выше прием актуализации общего «комплексного» представления (в данном случае о самолете и летчике) и их «раздвоения», использования представления о летчике как способа интерпретации (ситуативной образной концептуализации) самолета-истребителя в виде его олицетворения – в данном случае осложняется сюжетной линией конфликта между ними.

Выше, во втором разделе данной главы, приводились иллюстрации развития метонимической многозначности у слова *операционная*, среди которых названы лексико-семантические варианты «помещение» и «медицинские сотрудники, работающие в этом помещении», отражающие существующее в сознании представление о смежности соответствующих реалий и компонентов фрейма. На основе этих представлений рождается метафорическая интерпретация помещения посредством представления о лицах – сотрудниках в следующем выражении: *Стеклянное молчание операционных...* (М. Булгаков).

Таким образом, условия художественного дискурса обеспечивают более многообразное воплощение когнитивного механизма метонимии в его проекции на речь.

Кроме того, не менее впечатляюще выглядит гибкость этого механизма и его способность во взаимодействии с богатой языковой системой и логикой порождения текста, воплощающей принципиально разные установки говорящего и жанровые требования, выступать в речевой деятельности в столь многообразных проявлениях, в том числе в качестве приема создания тропов – не только метонимии, представляющей прямую лексическую проекцию метонимии на художественный текст, но также олицетворения и метафоры.

4.6. Речевые аномалии как следствие действия метонимического механизма

В данном разделе лексическая метонимия рассматривается в свете соотношения когнитивного механизма метонимии в

проекции на речь и языковой нормы, сдерживающей его действие.

Как отмечалось выше, наиболее прямое и очевидное выражение действие когнитивного механизма метонимии (перенос слова как результат сдвига фокуса внимания с одного компонента на другой, находящийся с первым в отношениях смежности) находит в речевых условиях, которые не предполагают строгого следования языковой норме. Такому условию отвечает неформальная коммуникация – прежде всего разговорная речь, а также некоторые жанры масс-медиа, интернет-общение в чатах и на форумах, письменные работы школьников и другие денотативно-коммуникативные разновидности.

В данном случае обратим специальное внимание на довольно массовые отступления от нормативного употребления лексем, имеющих так или иначе метонимический характер. В них прослеживается тот же механизм, который был описан в предыдущих главах на материале высказываний, развивающих вторичные, метонимически производные значения, в своем большинстве соответствующие нормативным требованиям.

В материале, анализируемом далее, оценке подвергаются словоупотребления, нестандартные с точки зрения нормы, но именно аномалия, тем более массовая, как известно, позволяет увидеть тенденцию, даже закономерность, скрытый от наблюдения механизм, в данном случае – её когнитивные основания.

Так, ошибочные выражения *сел за «Волгу»; за дорогой машиной сидит девушка* (вместо *сел за руль, сидит за рулём* в значении «управляет машиной»); ...*Мы вместе с ним прошли к автомобилю УАЗ, за управлением которого находился незнакомый мне мужчина* (из протокола допроса), как можно полагать, спровоцированы отношениями смежности между реалиями, которые именуются лексемами *машина, руль* и *управление*, в сознании говорящего, их отнесённостью к одному представлению, к одной ситуации.

В речи, особенно произносимой в непринужденной манере, формируются многочленные ряды синонимических выражений, отражающих одну и ту же типовую ситуацию, которые могут быть названы **дискурсивными синонимами**. Показательно, что значительное место среди них занимают выражения, являющиеся результатом действия метонимического механизма в разных его проявлениях. Приведем в качестве примера некоторые дискурсивные синонимы, отражающие ситуацию приема спиртных напитков, – синонимы, ко-

торые представляют собой устойчивые, воспроизводимые сочетания, возникшие как пропозициональная или сценарная метонимия, преимущественно в гештальтных разновидностях: *поднимать бокал / рюмку – опрокинуть рюмку – махнуть стакан – прикладываться к бутылке – заглядывать в бутылку*.

В процессе функционирования в разговорной речи подвергаются контаминации элементы дискурсивных синонимов *поднять бокал, предложить тост* (в честь кого- или чего-либо) и *выпить за здоровье* (кого-либо). В результате контаминации частей высказываний, называющих компоненты одной и той же ситуации или акты одного многоактного события, т.е. связанные отношениями смежности, возникают аномальные, с точки зрения языковых норм, словоупотребления *поднять тост* (за кого-либо) и *выпить тост* (за кого-либо).

Сошлемся на похожие факты, которые демонстрируют соотносительность стола как элемента мебели – и обеда, диссертации, компьютера, вышивания и мн. др., т.е. действий или объектов, с которыми лицо, как правило, имеет дело за столом и которые, следовательно, связаны со столом отношениями смежности в рамках одной ситуации, в том числе воспринимаются зрительно вместе с ним. Например: *Сидит за столом и сидит за обедом – за диссертацией – за первой главой, за компьютером – за вышиванием*. Отличие этих фактов от тех, которые приведены в предыдущем абзаце, заключается в том, что они прочно закреплены не только узусом, но и лексикографически.

Как следствие случайной контаминации лексических элементов, входящих в состав высказываний, которые обозначают одну и ту же ситуацию – ситуацию регулируемого регламентом публичного выступления – следует рассматривать многократно отмеченное в узусе выражение *истек регламент выступления*, ср.: *истекло время выступления = оратор вышел за рамки регламента = нарушил регламент конференции*. Похожее соотношение наблюдается в следующем высказывании, касающемся оценки времени концерта: ***Время нашего концерта приближается к концу***: *наш концерт приближается к концу = наше время истекает*.

См. аналогичную контаминацию элементов дискурсивных синонимов, возникающую на основании представлений о смежности называемых компонентов единого фрейма «Футбол»: ***Футболом в школе стёкла бьет*** (герой фильма «Весна на Заречной улице»): *играть в футбол – играть в мяч – бегать с мячом – гонять мяч – бить мячом* и т.п.

При общем метонимическом механизме возникновения в речи конкретные высказывания оцениваются неодинаково.

В одних случаях подобные словоупотребления выглядят как явные ошибки, например: *Проезд на транспорте повышается*: повышается цена = дорожает проезд; *Если бы я был президентом, то улучшил бы экономические проблемы*: улучшил положение = решил проблемы; *Я вам расскажу интересный пример* (акад. Л. Абалкин в телеинтервью): приведу интересный пример = расскажу интересный случай; *300-летие Петербурга должно запомниться его жителям повышением жизни* (ТВ): повышением уровня жизни = улучшением жизни; *населению рекомендовано не включать окна* (ТВ): не включать свет = затемнять окна; *Что Вы обо мне знаете? Вы можете конкретно сказать? Кроме того, что [вы] выходили со мной в одном издательстве* (А. Кабаков): мы издавали книги в одном издательстве = наши книги выходили в одном издательстве; *Я с ним работал три картины: «Всадник по имени Смерть», главную роль он играл у меня, «Яды» и «День Полнолуния». Первую свою роль в кино он играл у меня в этом фильме, кстати* (К. Шахназаров): работал с ним на съемках трех картин = снимал с ним три картины; *Вадим починил мне «аварию»* (о замке «молния» на сапоге): устранил «аварию» = починил молнию.

В других случаях приходится признать выражение как нормативно допустимое: *Здесь прогремела первая бомба* (ТВ. Вести): прогремел взрыв = взорвалась бомба; *Многих разбередила эта история* (С. Сорокина. РТР): *взволновала многих (людей) = разбередила душу многим.*

Массовый характер подобных речевых фактов объясняется определяющим влиянием ментального механизма, которое может сдерживаться речевыми нормами. Однако по разным причинам действие нормы может ослабляться, при этом даже в ситуациях публичной официальной или полуофициальной коммуникации.

Сходные словоупотребления фиксируются и в устной (реже – в письменной) форме научной коммуникации, в том числе в речи кандидатов и докторов наук, выступающих в роли рецензентов или оппонентов в процессе защиты квалификационных работ.

Приведём и прокомментируем факты, наиболее очевидные с точки зрения противоречия языковым нормам, которые убедительно отражают результаты действия метонимического механизма в сфере дискурсивных синонимов. Они отражают критические оценки тех или иных сторон научной работы в форме речевых клише:

– *Мои замечания не снижают качества работы*: мои замечания не снижают оценки работы = указанные **недостатки** не ухудшают впечатления о работе;

– *Рецензент указал на справедливые недостатки*: указал на объективные **недостатки** = сделал справедливые **замечания**;

– *Высказанные мной недостатки носят дискуссионный характер*: высказанные критические **оценки** могут считаться дискуссионными = указанные **недостатки** не являются критическими для оценки научной работы;

– *Готова исправить замечания*: соглашаюсь с **замечаниями** = готова исправить **недостатки**.

Объективные недостатки и справедливые замечания связаны отношениями смежности в качестве аспектов отражаемой ситуации: как объект (недостатки) и его ситуативная оценка (замечания). Результатом контаминации элементов клише выглядят также, видимо, допустимые выражения в речи рецензента: *Указанные замечания могут носить дискуссионный характер*: указанные **замечания** не следует считать категорическими = высказанные **оценки** могут оцениваться как дискуссионные.

Отметим сходные процессы в оценке финансово-экономического положения в речи профильного специалиста: *Доллар – это жестко связанная валюта с нефтью, если падает нефть – падает доллар. Но это искусственная ситуация, рожденная общей паникой... Она все равно схлынет – там в феврале или в марте, и доллар просядет, у него опять увеличится разрыв с евро и, естественно, так сказать, не будет такой безумной цены. Просто это надо переждать* (В. Евтушенков): падает стоимость нефти, падает стоимость доллара, просядет (опустится) стоимость доллара → падает нефть, падает доллар, просядет (опустится) доллар.

В этом случае в отношениях смежности, создающих условия для сдвига фокуса внимания, сокращения фразы и появления метонимически производного значения у слов *нефть* и *доллар*, находятся товар и его денежный эквивалент – цена.

Массовый характер рассматриваемый тип выражений, представляющих результат последовательного действия ментального метонимического механизма, типичен для устной и письменной речи школьников, т.е. лиц, не овладевших в необходимой степени на этом этапе нормами литературного языка. Например: *Крепостное право угнетало народ*.

Совершенно отчётливо суть этого механизма выглядит в случаях произнесения реплики при ослаблении контроля говорящего за своей

речью, в состоянии рассеянности: *Зачем эти доски? Топить дрова?*: топить печь = пустить на дрова; *Надо измерить градусник*: надо измерить температуру = надо поставить градусник.

Те же механизмы проявляют себя в фактах **переноса определения** по метонимической логике. Словоупотребления, о которых пойдёт речь, могут быть результатом речевой небрежности или носить намеренный характер и встречаются также в разных стилях, в том числе (хотя и реже) в строгих.

Прежде всего переносы определения, нарушающие лексические нормы, характерны для речи в непринужденной манере. Однако и при этом они наблюдаются в разных условиях и с разными коммуникативными задачами.

С одной стороны, они показательны для разговорной (или имитирующей ее) речи: ***длинные деньги – короткие деньги***: деньги, взятые / вложенные в качестве инвестиций или под процент на длительный (длинный) или короткий срок; *Там на перекрёстке очень короткий светофор*: короткий период зеленого света светофора – короткий светофор.

От «хмурой» программы ... ведущий решил отказаться (Комсом. правда): название телепрограммы «Хмурое утро», являющееся метонимически производным от выражения *хмурый человек* (ср. другие производные: *хмурый взгляд, хмурое настроение*), в свою очередь порождает в газетной заметке другое метонимически производное выражение как результат переноса определения – *хмурая программа*. Условность этого словоупотребления, ощущаемая говорящим, маркируется использованием кавычек. *Наш слух услаждал красноречивый конферанс Ларисы Вербицкой* (ср. иные метонимически производные употребления лексемы *красноречивый*, утратившие необычность: *красноречивый ответ, взгляд, доказательства*, также восходящие к выражениям типа *красноречивый человек*).

С другой стороны, как было показано выше, в третьей главе, переносы определений часто фиксируются в поэтической речи: *Как жемчуг, сплетая созвучья влюбленные* (К. Бальмонт).

В определенных коммуникативных условиях перенос определения бывает связан с сокращением многословного высказывания.

При порождении развернутых высказываний, включающих многократно повторяющиеся синтаксические блоки, в том числе в сфере научного общения, говорящий прибегает к сознательному сокращению таких блоков, порождая внешне не корректные выражения, тем не менее понятные в профессиональной среде. Результатом сокращения

оказывается, в частности, перенос определения по метонимической логике: ... у «**лобных**» **больных** порождение речевого сообщения нарушается ... *внеречевыми факторами*... (А. Лурия⁷): *больной с поражением лобных долей мозга* → «лобный» *больной*; У «**передних**» **больных** *ошибки носили чисто синтагматический характер* (А. Лурия): *больной с поражением передних отделов речевых зон мозга* → «передний» *больной*. Сознательный характер переноса и условность словоупотребления подчеркнуты кавычками (= если можно так выразиться).

Ср. пример метонимического переноса определения в письменной форме научной речи (правда, при явной установке автора на «свободный» стиль): *Нерусская специфика видовых ошибок видна «невооружённым взглядом»* ... (С. Карпухин): *нерусская специфика* ← *специфика* ошибки, характерная для *нерусских носителей* языка; *видовые ошибки* ← ошибки в употреблении глаголов, являющихся *видовыми* коррелятами; «*невооружённым взглядом*» ← *невооружённым* глазом.

В других случаях перенос с одного определяемого слова (опущенного или находящегося в речевой цепочке) на другое происходит стихийно, незаметно для говорящего: *Проблемы таких острых регионов, как Магадан...* (Н. Сванидзе): *острые проблемы региона, регионы с острыми проблемами* → *острые регионы*; ... *бюджет скудного здравоохранения* (ТВ. Вести) ← *скудный бюджет здравоохранения*; *У работников бюджетной сферы нищия зарплата* (ТВ): *нищенская зарплата* и *нищие работники* бюджетной сферы; *Стало известно о крупном подписании соглашения с Китаем* (НТВ). Подчеркнем в очередной раз, что две реалии, названные определяемыми словами (исходного для данного определения и второго, фигурирующего как определяемое слово в данном контексте: обозначения региона и его проблем, работника и его зарплаты и т.д.), и в этом случае связаны отношениями смежности: как часть и целое, предмет и его свойство, как компоненты одной ситуации.

Более типичны словоупотребления со смещенным определением, противоречащие лексическим нормам, для речи школьников: *Мармеладов наделен языком, и даже красноречивым*; *Писатель создает удачливые выражения* (из сочинений абитуриентов); *Спасибо за Ваш отзывчивый ответ*; *положительные и отрицательные прила-*

⁷ Отметим существенное обстоятельство: издание книги «Язык и сознание», фрагменты из которой здесь приведены, подготовлено учениками А.Р. Лурии по материалам прочитанных им лекций, т.е. в основу книги положены материалы устной формы научной речи.

гательные – о прилагательных, называющих положительные и отрицательные эмоции; *Наречия образованы от конкретных эмоций* – от [адъективных] названий конкретных эмоций.

В нестрогой, непринуждённой, преимущественно шутливой речи наблюдается использование метонимического переноса существительных и прилагательных-определений как приема языковой игры: *Давайте я Вас повешу* (= повешу Ваше пальто) – в шутовском употреблении проф. В.Е. Гольдина); *Где мой пожарный коньяк?* (= припасённый «на всякий пожарный случай»); *экзотическая женщина* (проф. И.А. Стернин о коллеге, изучающей лексические экзотизмы); *Она была в беременном отпуске* (В. Симатова); *Проект небритого социализма* (Г. Зюганов о партии «Справедливая Россия», возглавляемой С. Мироновым, с ироническим намеком на характерный для последнего элемент внешности).

Перспективным в дальнейших размышлениях о разных эффектах метонимических переносов является вопрос о критериях их оценки с точки зрения соответствия или противоречия литературной норме, то есть допустимости словоупотребления в речи.

Сравним внешне сходные выражения, которые содержат результат переноса определения с обозначения лица на обозначение времени, в признанном художественном произведении и в сочинении школьника: *Я не думаю, что о 1980–х или 1990–х кто-то напишет «Тихий Дон». И «Бригады» более чем достаточно. Позорное, лживое и слишком светлое время* (З. Прилепин) – *Век Лермонтова – эпоха эгоистичная и мало заботящаяся об искусстве.*

Наряду с допустимостью по отношению к первому из приведенных фрагментов следует отметить известную художественную ценность, тропеический характер выражения. На этом фоне второе высказывание выглядит как не вполне удачное с точки зрения оформления письменного текста.

Таким образом, изложенное подтверждает известный тезис о том, что речевая деятельность находится в фокусе действия разных факторов – как собственно языковых, так и ментальных. Когнитивные закономерности сами по себе не имеют ограничений, подобных тем, которые существуют в рамках литературного языка, характеризующегося нормами. Проблема возникает в условиях столкновения закономерностей когнитивных процессов (имеющих магистральный характер) и языковых норм словоупотребления, которые отражают сложившуюся практику, однако со временем могут меняться под давлением узуса.

Метонимические переносы разных единиц в речи представляют собой живой когнитивный процесс, реализующийся во множестве моделей и охватывающий обширные пласты лексики. В одних случаях лексические порождения когнитивного механизма метонимии остаются незамеченными, в других производят впечатление ошибки, в третьих – речевой небрежности (вольности), в четвертых – речевого изыска, несущего экспрессивный эффект.

Обращение в первом разделе к возможностям и способам метонимического обозначения лица, которое является в процессе обиходной коммуникации во многих случаях основным объектом характеристики, показывает, что эту функцию выполняют многие частные разновидности фреймовой и пропозициональной метонимии, обеспечивающие многостороннюю ситуативную характеристику лица.

Специальное внимание к денотативным и дискурсивным условиям функционирования метонимии позволяет установить, что один и тот же когнитивный механизм способен к многообразным реализациям, к выполнению разного комплекса функций, обусловленных спецификой коммуникативного процесса в каждом типе дискурса, а также жанровыми требованиями и ограничениями.

Так, рассмотрение функционирования метонимии в денотативно-коммуникативной сфере лечения во втором разделе подтверждает, что даже отдельно взятая сфера коммуникации демонстрирует широкое использование метонимического механизма и наличие среди типов переноса всех разновидностей (фреймового, пропозиционального и сценарного), охватывающих значительные массивы лексики. При этом показательно и то, что специфический состав лексики в первую очередь развивает типовые лексико-семантические варианты, показывает факт многовекторных переносов базовых номинаций в этой сфере, имеющих следствием повышенную многозначность таких номинаций.

Обращение к фразеологии в третьем разделе данной главы позволило убедительно подтвердить положение об универсальности когнитивного метонимического механизма, столь же органично отраженного в этой подсистеме языка. По отношению к значительной части фразеологического массива метонимия оказывается механизмом формирования собственно фразеологической семантики на базе исходного свободного сочетания слов. Важным является вывод о том, что в сфере фразеологии распространены все основные типы метонимии, представленные в типологическом описании в данной книге: фреймовая, пропозициональная и сценарная; при этом значительную роль в

процессе образования фразеологического значения играет гештальтная разновидность названных метонимических типов.

Использование метонимического механизма в поговорах, как показано в четвертом разделе, связано с расширением его функций. В этой сфере метонимия выступает не только способом сокращения предложения, но и в качестве удобного приема способствует порождению особого лаконичного жанра поговорок и примет, особенно применительно к осмыслению абстрактных закономерных связей в реальной действительности. Особая роль в широком распространении олицетворения в этой сфере принадлежит, как было показано, метонимическому когнитивному механизму.

В двух последующих подразделах пятого раздела специальное внимание уделяется сознательному творческому использованию когнитивного механизма в процессе создания авторских текстов в двух типах дискурса – рекламном и поэтическом. В обоих случаях метонимия сопровождается рождением дополнительного – экспрессивного – эффекта, который в жанре рекламного слогана дополняется прагматическим эффектом, а в поэтических жанрах – эстетическим. Механизмом создания каждого из них является метонимия.

Общей для этих двух типов дискурса оказывается особая реализация метонимического механизма – порождение на основе одного концепта собственно лексической метонимии, а также олицетворения и метафоры. Используемые в качестве иллюстраций метонимические обозначения автомобиля, водителя, пассажиров с лингвокогнитивной точки зрения напрямую коррелируют с явлением олицетворения автомобиля, т.е. на когнитивном уровне лексическая метонимия и олицетворение связаны между собой как результаты номинации и осмысления компонентов одного концепта друг через друга.

Продолжением разговора о том, что наиболее благоприятные условия для широкого распространения метонимии существуют в разговорном дискурсе, при неофициальных отношениях между участниками коммуникации, является предпринятое в шестом разделе осмысление множественных и массовых проекций когнитивного механизма метонимии на речь с точки зрения оценки таких высказываний в соотношении с нормами литературного языка. Нормы оказываются сдерживающим фактором, регулирующим целесообразность использования метонимических словоупотреблений в зависимости от условий коммуникации.

Заключение

Предложенные в монографии принципы теоретической интерпретации и типологии лексической метонимии можно считать логическим продолжением широко известных опытов ее классификации, осуществленных на основе разных принципов – логического, логико-семантического, семасиологического и других.

В этих принципах прослеживается прямо либо косвенно направление лингвистической мысли к когнитивному аспекту осмысления метонимии как признанной языковой (теперь стало очевидным, что не только языковой) универсалии.

Учет аспекта восприятия в познании, принципов структурирования, организации, хранения и воспроизведения знаний о мире, роли партиципальных отношений в этих процессах, установки на сдвиг фокуса внимания говорящим в отражении передаваемой информации позволяют обозначить когнитивные основы метонимии в языке и речи.

Тот факт, что метонимические переносы слов разных частей речи – с одной стороны, существительных, а с другой стороны, глаголов и прилагательных – показывают глубинную общность механизма магистральных переносов, массово представленных в системе языка и в речи, красноречиво свидетельствует в пользу вывода о том, что они при всем различии с чисто лингвистической точки зрения имеют единые когнитивные основания.

Решающим фактором, который предопределяет все многообразие метонимических переносов лексических единиц – слов разных частей речи в их разных синтаксических функциях, оказывается связь вектора переноса со структурным типом многокомпонентного концепта, который содержит знание о соответствующем денотате, называемом или определяемом словом.

С учетом этого фактора все многообразие метонимических переносов в данной работе оказалось возможным объединить в три макротипа: фреймовый, пропозициональный и сценарный типы метонимического переноса лексических единиц разных частей речи, а также выделить в составе каждого из них гештальтную разновидность. Каждый из макротипов представлен частными видами, которые реализуются в речи в виде типовых векторов переносов, которые сводятся к единой логике.

Предлагаемый подход к рассмотрению и типологии лексической метонимии отвечает основным принципам современного языкознания:

– экспансионизму – опоре на данные других наук, в данном случае применительно к когнитивной общенаучной парадигме;

– антропоцентризму – рассмотрению языкового явления с учетом того, что язык является одним из модулей когнитивной деятельности человека;

– экспланаторности – поискам такого видения объекта изучения, который позволяет не столько регистрировать и систематизировать языковые факты, сколько давать им объяснение.

Вторым направлением аналитического описания лексической метонимии в данной книге являются наблюдения за распространенностью этого явления в разных денотативных и дискурсивных условиях, по отношению к разным типам единиц.

Рассмотрение в качестве единиц лексем, фразеологизмов, текстов малых жанров (поговорок, рекламных слоганов, поэтических произведений) подтверждает вывод о важнейшей роли когнитивного метонимического механизма в речевой деятельности, о его широкой представленности в картине функционирования любых единиц. Важно подчеркнуть, что в речи по отношению к разным единицам наблюдаются модели всех трех основных типов – фреймовая, пропозициональная и сценарная метонимия.

Когнитивные основания языковой метонимии обуславливают ее «вездесущность», универсальность, многообразные проявления, экспансию во все сферы коммуникации, в разные типы дискурса, многофункциональность и разный состав функций метонимических словоупотреблений в разных дискурсах и денотативно-коммуникативных ситуациях.

Метонимический механизм обладает большими номинативными потенциями; он обеспечивает экономию языковых усилий и средств и в этом смысле является одним из наиболее ярких проявлений действия закона экономии в речи. В связи с этим метонимия, распространенная во всех сферах речевой коммуникации и во всех стилях речи, шире представлена в разговорной речи и в тех жанрах, для которых лаконичность относится к важным качествам – в частности, в поговорах, в рекламных слоганах.

Вместе с тем в каждом типе дискурса, в соответствии с коммуникативными условиями, денотативным своеобразием, требованиями конкретных жанров, когнитивный механизм метонимии демонстрирует способность выполнять комплекс функций, порождать разные эффекты (экспрессивные, прагматические, эстетические).

При использовании возможностей метонимии в качестве приема в процессе создания авторских текстов, прежде всего в художественном и рекламном дискурсах, она может быть основой для других тропов – олицетворения и метафоры. При этом лексическая метонимия (как способ косвенной номинации реалии) может напрямую соотноситься с олицетворением или метафорой, так как оба механизма опираются на структуру одного и того же концепта, организующего знания о реалии.

Библиографический список

1. Аввакумова Е. А. Метонимия в речи детей // Мир науки, культуры, образования. 2014. №4 (47). С. 245-250.
2. Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование. Волгоград: Перемена, 2003. 96 с.
3. Античные теории языка и стиля / Под общ. ред. О. М. Фрейденберг. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936. 341 с.
4. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995. 472 с.
5. Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXX. Вып. 6. М., 1971. С. 509-523.
6. Арутюнова Н.Д. Метонимия // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 300-301.
7. Бирих А.К. Метонимия в современном русском языке (семантический и грамматический аспекты): дисс. ... канд. филол. наук, 1987. 270 с.
8. Бирих А.К. Метонимия прилагательных в современном русском языке // Вестник ЛГУ. Серия 2. 1987. Вып. 1. С. 63-77.
9. Бич М.Я. Метонимическое использование имен собственных в современном русском, испанском и английском языках: (на материале газетных текстов): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / С.-Петербург. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 1995. 18 с.
10. Болдырев Н.Н. Концептуальная метонимия на разных уровнях языка: система и реализация // Форма, значение и функции единиц языка и речи: матер. докл. Междунар. науч. конф. Минск, 2002. Ч. 1. С. 11-14.
11. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.
12. Большой толковый словарь русского языка. (1998) Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. – URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts>.
13. Бондаренко М.В. Типы метонимического переноса и проблемы их системного описания: на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 202 с.
14. Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка. Ч. 1-2. М., 1858. 225 с.

15. Гайнутдинова А.А. Функции метонимии как жанрообразующего средства в слогане // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 2. С. 131-138.
16. Гажева И.Д. Аспекты и методы изучения метонимии в современной лингвистике // МОВА. 2014. № 21. С. 150-153.
17. Гак В.Г. К проблеме общих семантических законов // Общее и романское языкознание. М.: Изд-во МГУ, 1972. С.144-157.
18. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. 459 с.
19. Гвоздарев Ю.А. Современный русский язык. Лексикология и фразеология: Учебник для филологических факультетов университетов. Ростов-на-Дону: ООО «Сигма», 2005. 276 с.
20. Гинзбург Е.Л. Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия. М.: Наука, 1985. 224 с.
21. Гранин Ю.А. Очерки по теории поэтического языка. Баку, 1940. 120 с.
22. Дерюгина Д.А., Илюхина Н.А. Возможности метонимии в обозначении лица в разговорной речи // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29. № 1. С. 174-180.
23. Загирова З.Р. Понятие метонимии: от античности до современности // Русская речь. 2015. № 1. С. 55-61.
24. Зализняк Анна А. Многочисленность и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
25. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика: учебное пособие для филологических факультетов педагогических институтов. Изд. 3-е. М.: URSS, 2007. 334 с.
26. Елисеева М.Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. 172 с.
27. Еремин А.Н., Петрова О.О. Метонимия в современном русском языке. Теоретические основания и модели реализации: монография. М.: Флинта, 2019. 240 с.
28. Иванова Н.Н. Поэтические номинации в русской лирике. М.: Наука, 1992. 135 с.
29. Илюхина Н.А. О типологии лексической метонимии в свете когнитивного принципа // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 7. С. 36-48.
30. Илюхина Н.А., Долгова И.А., Кириллова Н.О. Метафора и системность: семасиологический и когнитивный аспекты: моногр. Самара: Изд-во «Самар. ун-т», 2016. 188 с. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/Monografii/Metafora-i-sistemnost-semasiologicheskii-i-kognitivnyi>

aspekty-monografiya-Tekst-elektronnyi-85895?mode=full (дата обращения: 28.01.2024).

31. Илюхина Н.А. Роль отношений смежности в механизме переноса определений // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Вып.1. Материалы международной научной конференции. Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 2007. С.86–87.

32. Илюхина Н.А. Роль метонимии в интерпретации концептосферы «человек» (на материале ментальной модели «вместилище») // Вестник Самарского государственного университета. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. № 3. С. 114-122.

33. Илюхина Н.А. Аномальные словоупотребления как следствие метонимических механизмов переноса: проблема квалификации // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. унта, 2009. Вып. 9. С.12–19.

34. Илюхина Н.А. О метонимическом механизме порождения нестандартных словоупотреблений в русской речи // Надзненныя праблемы лексікалогіі і анамастыкі славянскіх моу: матэрыялы II Міжнароднага канф. Мазыр, 2010. С. 274–276.

35. Илюхина Н.А. Сценарная метонимия: механизм образования и некоторые разновидности // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 11 (133). С. 9-16.

36. Илюхина Н.А. Метонимия и динамические процессы в лексике (на материале номинаций в сфере лечения) // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы VI Международного научного семинара, посвященного памяти профессора Э.П. Кадькаловой. Саратов: Амирит, 2016. С. 148-153.

37. Илюхина Н.А. Сценарная метонимия: к вопросу о когнитивных истоках // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVIII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 16-18 мая 2019 г. / отв. ред. вып. Т.В. Романова. Нижний Новгород: Издательство ДЕКОМ, 2019. С. 469-473.

38. Илюхина Н.А. О проекциях ментальной структуры на язык и речь (на примере концепта-пропозиции) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 1. С. 70-79.

39. Илюхина Н.А. Сдвиг фокуса внимания в проекции на язык и речь // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманит. и соц. науки. Т. 23. №6. С. 66-76.

40. Илюхина Н.А. Гештальт и структура фразеологического значения // Славянская фразеология и паремиология: сборник научных статей. Выпуск 3. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. С. 103-107.
41. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
42. Королева О.Э. Метонимия как тип значения: семантическая характеристика и сферы употребления. Обнинск, 2002. 159 с.
43. Королева О.Э. Проблемы субстантивной метонимии: дисс. ... канд. филол. наук, Калуга, 2003. 272 с.
44. Коротеев А.А. Синтаксические смещения в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1964. 24 с.
45. Краткий словарь когнитивных терминов / Сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М., 1997. 245 с.
46. Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. М.: ИНИОН РАН, 1992. С.2-38.
47. Кузнецова Е.Б. О двух типах метонимии в современных поэтических текстах // Вестник СПбГУ. Серия 2. 1995. Вып. 4. С. 49-56.
48. Курапова Е.С. Комплексная семантика темпоральных существительных в русском языке // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 4 (126). С. 79-83.
49. Курапова Е.С. Концептуализация времени в свете метонимической логики // Язык – Текст – Дискурс: Картина мира в свете разных подходов. Сборник научных статей / Под общ. ред. Н.А. Илюхиной. Самара, 2013. С. 99-102.
50. Курапова Е.С. Темпоральная семантика существительных как основа и результат развития их многозначности // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8-1 (109). С. 73-77.
51. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
52. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
53. Лисицына И.В. Сдвиг фокуса внимания как один из основных механизмов семантической деривации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2-1. С. 23-27.

54. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Полн. собр. соч. В 10 т. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758 гг. С. 89–378.
55. Макашова А.В., Мудрук А.А., Смирнова Я.К. Айттрекер исследование дефицита совместного внимания // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2020. № 17. С. 174-177.
56. Некрасова Е.А. Метонимический перенос в связи с некоторыми проблемами лингвистической поэтики // Слово в русской советской поэзии. М., 1975. С. 100-138.
57. Новиков А.Л. Таксономия метонимии в русском языке // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2003. №4. С. 61-66.
58. Новиков А.Л. Из истории изучения метонимии // Вестник РУДН, сер. Лингвистика. М., 2005. №7. С. 135-139.
59. Новиков Л.А. Конверсия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия. 1998. С. 234-235.
60. Новиков Л.А. Семантика русского языка: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1982, 272 с.
61. Ольховская А.И. Лексическая многозначность в общелингвистическом и лексикографическом рассмотрении: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013. 384 с.
62. Падучева Е.В. К когнитивной теории метонимии // Труды международной конференции «Диалог 2003» // Электронный ресурс <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Paducheva.htm>.
63. Падучева Е.В. О роли метонимии в концептуальных структурах // Труды Международного семинара Диалог 99. Т.1. Теоретические проблемы. Таруса, 1999. С. 241-251.
64. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
65. Падучева Е.В. Пространство в обличии времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) // Логический анализ языка: языки пространств: сборник научных трудов. М., 2000. С. 239–254.
66. Петрова И.М. Вариативность когнитивного фокуса в глагольных биномах типа *sow and plough* // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 2 (38). С. 83-88.
67. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959. 382 с.
68. Раевская О.В. Метонимия в слове и тексте // Филологические науки. 2000. №4. С. 49-55.
69. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.

70. Рахманова Л.И. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология: учеб. пособие / Л.И. Рахманова, В.Н. Суздальцева. М.: Изд-во МГУ, Изд-во «ЧеРо», 1997. 480 с.
71. Резникова Е.В. Концепт «Круг»: аспект замкнутости и его семантическое воплощение в русском языке // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 5 (106). С. 85-90.
72. Резникова Е.В. Образ-схема как модель описания структуры концепта: монография. М.: ООО «Директмедиа Паблишинг», 2023. 276 с.
73. Реформатский А.А. Введение в языковедение. 5-е изд. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
74. Савенкова Л.Б. Фразеологические единицы русского языка, основанные на метонимии: дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1984. 224 с.
75. Сальникова Н. Н. Регулярная лексическая полисемия существительных в английском языке в соотношении со словообразованием: дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1979. 246 с.
76. Сальникова Н.Н. О регулярной лексической полисемии // Слово и предложение. Горький, 1977. С. 70-78.
77. Сандакова М.В. Метонимия прилагательного в русском языке: монография. Киров: Старая Вятка, 2004. 280 с.
78. Семантика и категоризация / Р.М. Фрумкина, А.В. Михеев, А.Д. Мостовая, Н.А. Рюмина; отв. ред. Ю.А. Шрейдер; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1991. 167 с.
79. Слива Т.В. Образные значения «сезонных» слов // Языковая образность в свете разных исследовательских подходов (Материалы региональной научной конференции с международным участием). Самара, АНО «Издательство СНЦ РАН». С. 52–56.
80. Талми Л. Феномены внимания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. №2. С. 23-44.
81. Тихонов А.Н. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. проф. А.Н. Тихонова / Сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. Справочное издание: В 2 т. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2004. 832 с.
82. Трухановская Н.С. Метонимический сдвиг при концептуализации денотативной ситуации (в сфере предикатов физического воздействия). М., 2009. 25 с.
83. Убийко В.И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке. Уфа, 1998. 232 с.
84. Урысон Е.В. Фокус внимания говорящего, сдвиг семантического акцента и полисемия // Проспект активного словаря русского языка

ка. Апресян В.Ю., Бабаева Е.Э., Богуславская О.Ю., Галактионова И.В., Гловинская М.Я., Иомдин Б.Л., Крылова Т.В., Левонтина И.Б., Птенцова А.В., Санников А.В., Урысон Е.В. Москва, 2010. С. 677-726.

85. Чернявская Н.А. Метонимия в детской речи // Языковая образность в свете разных исследовательских подходов. Самара: АНО «Изд-во СНЦ РАН», 2011. С.57-61.

86. Чернявская Н.А. К вопросу об окказиональной метонимии в детской речи // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. Труды и материалы международной конференции. 2016. С. 309-315.

87. Чернявская Н.А. Метонимическое обозначение субъекта в спонтанной речи // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 3-2. С. 208-212.

88. Чернявская Н.А. Метонимическая логика семантического развития корневой морфемы *лаз/лаз* в славянских языках // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2-1(93). С. 98-104.

89. Чубина Е.А. Сдвиг фокуса внимания и другие приемы ухода от достоверности в рекламе. Сможет ли помочь лингвист правоприменителю? // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях. Материалы VII Международной научно-практической конференции. 2019. С. 539-546.

90. Чхеидзе В.В. Статика и динамика метонимии // Вестник ЛГУ. Серия 2 История, языкознание, литературоведение. 1992. Вып. 2. С. 118-122.

91. Шкуропацкая М.Г. Метонимические отношения в лексической системе русского языка // Филологические науки: Научные доклады высшей школы. 2003. № 4. С. 69-76.

92. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. 244 с.

93. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 335 с.

94. Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры: Сборник. М.: Прогресс, 1990. С. 110 -132.

95. Talmy L. Figure and ground in complex sentences // Greenberg et al. (eds.) Universals of human language. Stanford, 1978. Vol. 4.

96. Ullmann S. Language and Style. Oxford. 1964.

Научное издание

Илюхина Надежда Алексеевна

**Лексическая метонимия
в лингвокогнитивном осмыслении**

Монография

Публикуется в авторской редакции

Художественный редактор, титульное редактирование *Л. В. Крылова*
Компьютерная верстка, подготовка оригинал-макета *Л. Н. Законовой, Т. А. Мурзиновой*

Подписано в печать 25.12.2023. Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Печ. л. 10,75. Тираж 500 экз. Заказ № 0089

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С. П. Королева» (Самарский университет)

443086, Самара, Московское шоссе, 34

Центр периодических изданий

ООО «САМАРАМА», 443087, Самара, ул. Стара-Загора, 167

Тел. 8 960 931 74 78. E-mail: oraborodina@yandex.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета

в цифровой типографии ООО «Прайм»

443544, Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, 49